

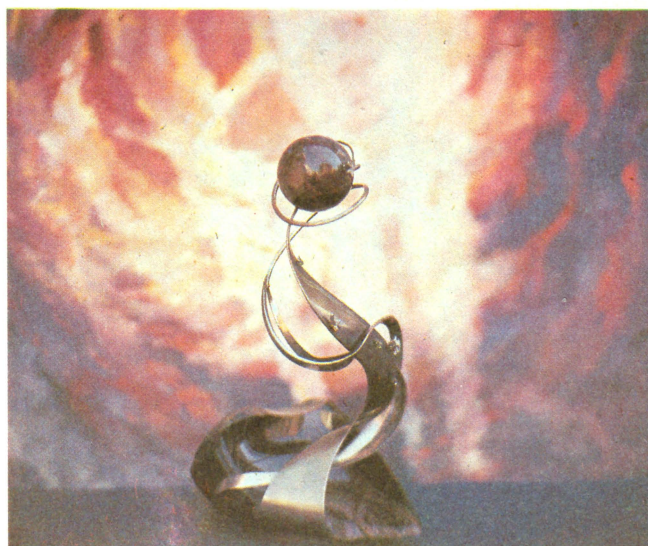
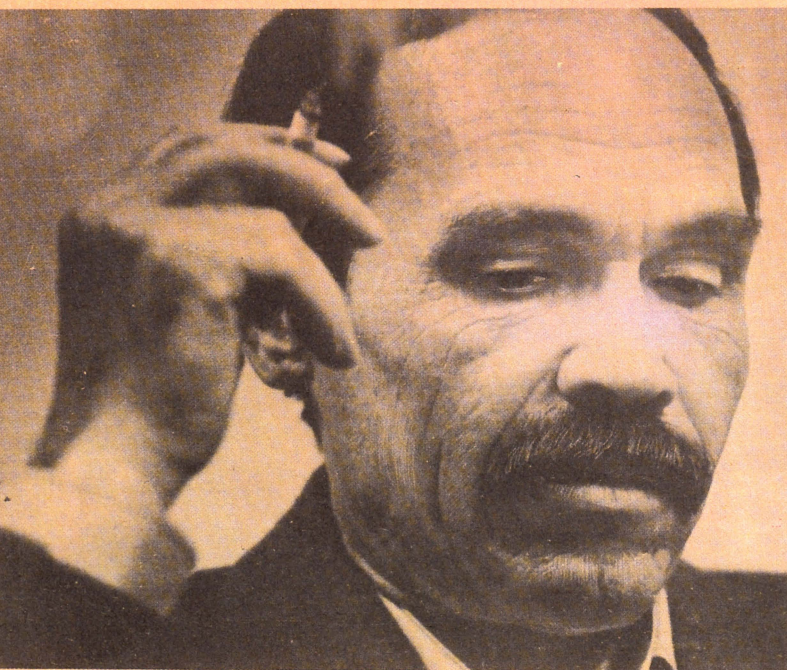
УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

9 '88

АЭЛИТА·88·АЭЛИТА

Лауреатом «АЭЛИТЫ» — ежегодной премии, учрежденной нашим журналом совместно с Союзом писателей РСФСР, — стал в 1988 году томский писатель **ВИКТОР ДМИТРИЕВИЧ КОЛУПАЕВ**. Инженер-радиотехник, много лет проработавший в томских НИИ и СКБ, он пришел в литературу в самом конце 60-х — начале 70-х. Пришел со своей темой. В первых же его рассказах («Билет в детство», «Зачем жил человек?», «Газетный киоск», «Разноцветное счастье» и др.), в первом же авторском сборнике («Случится же с человеком такое!..», 1972) предстал перед читателем не технизированный мир с человеком-винтиком в нем, а человек в этом мире, в этой наполовину уже искусственной среде. **ПЕРЕЖИВАНИЯ И ЧУВСТВА ЧЕЛОВЕКА, СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ, ИСКРЕННОСТИ ДУШЕВНЫХ ДВИЖЕНИЙ, ИСТИННОСТЬ ПРОЖИВАЕМОЙ ЖИЗНИ — ИМЕННО ЭТО СТАЛО ЛЕЙТМОТИВОМ ТВОРЧЕСТВА В. КОЛУПАЕВА.** В том убеждают и все последующие произведения писателя — повести «Фирменный поезд «Фомич», «Защита», «Толстяк» над миром», «Жизнь как год», рассказы из сборников «Качели Отшельника», «Билет в детство», «Зачем жил человек?», «Поющий лес», «Седьмая модель».

«АЭЛИТА»-88 ПРИСУЖДЕНА В. КОЛУПАЕВУ ЗА КНИГУ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ «ВЕСНА СВЕТА» [1986] — ИТОГОВУЮ КНИГУ ПИСАТЕЛЯ, ЕГО ИЗБРАННОЕ ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАБОТЫ В ФАНТАСТИКЕ.

РЕДАКЦИЯ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕТ НОВОГО ЛАУРЕАТА «АЭЛИТЫ».

Среди гостей «Уральского следопыта», отмечавшего в эти же дни свое 30-летие, была группа писателей. В том числе — лауреат «Аэлиты»-81 **А. Н. Стругацкий...**

Снимки И. Горячева, А. Гурьева, В. Коблова, В. Кунина

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

9 ' 88

В НОМЕРЕ:

А. Анчугов ПО УСЛОВИЯМ ЗАДАЧИ ВОЗМОЖНО ВСЕ!	2
А. Бусыгин ТАК ПОБЕЖДАЛИ	5
И. Плотников ПОСЛЕДНЯЯ ПУЛЯ	7
Ю. Горбунов ВЗЯТЬ — И ПОВЕРИТЬ В ЧУДО	8
И. Непеин ПУГАЧЕВСКИЕ СТРАНИЦЫ ШИШОНКО	10
В. Попугайло, Ю. Соркин О КОМ РАССКАЗЫВАЕТ ПАННО	11
В. Софронов ВИНОКУРЕНИЕ И «КОШКИ»	11
М. Решетников РОЛИ ИСПОЛНЯЛИ...	12
П. Афанасьев ДА, ЭТО БЫЛО... Записки политзаключенного Окончание	14
О. Щербинина ДВАЖДЫ ДВА — ЧЕТЫРЕ?	23
АРМИЯ ШЛИФУЕТ ХАРАКТЕРЫ ГОТОВЫЕ...	24
«ЧТО ЖЕ СО МНОЙ?» Письма из армии	26
Л. Ладейщикова ВЗРЫВНАЯ ВОЛНА.	30
Б. Галеев СВЕТИТЬ ВСЕГДА...	31
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
Е. Филенко УДАР МОЛНИИ	34
И. Федоров ТРАМВАЙ ДО КОНЕЧНОЙ	38
И. Тяглов ШАГ НА ДОРОГУ	40
С. Трусов БЕГСТВО	44
С. Вартанов ГОРОД ТРОРА	48
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	53
Жорж Сименон МЕГРЭ И ОСВЕДОМИТЕЛЬ. Повесть. Окончание	55
А. Захаров ПО СЛЕДАМ БАБЫ-ЯГИ	76
МИР НА ЛАДОНИ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22а
Телефоны отделов:
51-55-56 (писем,
молодежных проблем),
51-22-40 (секретарият),
51-09-71 (фантастики, прозы
и поэзии),
51-53-20 (науки и техники,
публицистики),
51-09-69 (краеведения).

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

Подписка на журнал принимается без ограничений.
Индекс 73413.
Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп.
По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечать».

Сдано в набор 09.06.88.
Подписано к печати 25.07.88.
НС 25171.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,36.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 480 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 464.
Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки
«Осень» — фотозтюд И. Грачева и В. Холостых.

© «Уральский следопыт», 1988.

Андрей
АНЧУГОВ

В обкоме комсомола сказали, что только у нас, в Свердловске, начали строительство или проходят подготовительный период 9 МЖК, а в области их... 28!

А Евгений Королев считает, что во всей нашей стране всего четыре настоящих молодежных жилых комплекса.

Казалось бы, вышли документы, узаконившие МЖК, все точки над «и» расставлены... Но, как ни странно, сегодня ответить на вопрос, что такое молодежный жил-комплекс, гораздо сложнее, чем десять лет назад, когда движение только начиналось.

По условиям задачи ВОЗМОЖНО ВСЁ!

Отовсюду съезжаются в Свердловск молодые люди учиться строить МЖК. Приезжают, чтобы увезти с собой папку с документами, где было бы все по пунктам распланировано, и не хотят верить, что такой папки не существует.

«Как это не существует?! Вот она, посмотрите!» — возмущаются профессиональные деятели МЖК, появившиеся в последнее время в большом количестве.

А знаете, что в их папке лежит? Сводная ведомость — за что сколько баллов давать при подведении итогов соревнований. Дело в том, что за подсчет чужих баллов сам считающий получает больше всех. Как иначе — ведь он сам эту ведомость составлял! И даже бойцом отряда становиться не надо: получишь квартиру, не прикасаясь к лопате и мастерку...

Сколько я уже видел таких лидеров! Спокойных, уравновешенных, твердящих в заведенном порядке постулаты МЖК... Что интересно, в разных городах живут, друг с другом не знакомы, но говорят одно и то же: «Соревнование, подготовительный период, формирование коллектива».

Слова-то правильные, а дела... В Ирбите, например, кандидаты в МЖК с ног сбились в поисках работы. Выходят на субботник и ищут — какую бы канаву покопать, где бы мусор поубирать, как бы еще посоревноваться. Дирекция предприятия предложила комитету комсомола создать из кандидатов бригаду, которая освоила бы новую технологию и подняла за два года участок. В случае успеха молодые рабочие стали бы победителями в соревновании за право построить себе дом. Несмотря на то, что от решения этой задачи зависит будущее завода, комсомольцы засомневались: «Как это — два года посоревновался, и готово? У нас ребята по шесть лет мусор убирают, чтобы попасть в МЖК!». И ищут квалифицированные рабочие, чего бы им такого поделать, чтобы накопить достаточно этих самых баллов.

Один мой знакомый жаловался: «Не могу я больше в этом МЖК. Все как волки за баллы в соревновании грызутся, ненавидят друг друга, стараются подсесть. На собрания, как на каторгу хожу. Скорей бы получить квартиру, да забыть все это!».

Интересный коллектив получается — коллектив врагов... Давно известно: «Разделяй и властвуй!» А власть — в руках, ох, какая большая. Не что-нибудь — квартиры распределяешь. Вернее, разрешаешь построить... Предвижу возражения: «Итоги подводятся не индивидуально, а на собрании коллектива!». Так это, если коллектив есть...

Иногда мне кажется, что желание лидерства в чем-то сродни графоманству. Хочется стоять на возвышении и учить массы. Но чтобы удержаться на гребне, надо иметь в заветной папке еще что-то кроме ведомости баллов. Иначе как доказать, что именно ты достоин эти баллы распределять? Вот тогда-то приезжают такие лидеры

в МЖК-1 и списывают у них все, вплоть до явных ошибок. Ошибки-то неизбежны, когда идешь первым, но страшно, когда они начинают тиражироваться, превращаясь в правило.

Особенно хорошо это видно на примере организационной структуры. С самого начала она сложилась так: появился оргкомитет, а когда идею наконец пробрили и закипело строительство, то возник еще и штаб стройки. Но вот построен новый дом, теперь надо решать новые вопросы. Этим занялся совет МЖК. Со временем стало ясно, что эти три руководящих органа дублируют работу друг друга.

Теперь посмотрите на структуру большинства молодежных жилых комплексов в Свердловской области: оргкомитет, штаб стройки, совет МЖК. Названия разные, а работу выполняют фактически одну и ту же, только мешая друг другу. В 1986 году в МЖК-1 вместо совета создали ряд постоянно действующих комиссий, занимающихся различными вопросами. Не знаю, успели ли другие погасить советы, потому что сегодня в МЖК-1 снова вернули старую форму работы, но уже на новом уровне: на отчетно-выборной конференции был избран совет коллектива МЖК и прекратил свое существование заслуженный и много потрудившийся за десять лет оргкомитет. Представляю, какая пошла паника: «Уничтожать оргкомитеты или не уничтожать? А вдруг они что-нибудь новое придумают?!».

На деловой игре, состоявшейся в МЖК-1, Евгений Королев задал вопрос: «Сколько должно быть различных экспериментов?». Вопрос тогда повис в воздухе. Вроде бы сколько можно экспериментировать, все уже ясно, давайте работать, строить.

Председатель инициативной группы МЖК Свердловского домостроительного комбината Ф. Целищев, например, считает, что «...качать» право на эксперимент, расталкивая локтями остальных — не лучший путь для укрепления молодежной инициативы. Да и выросло давно уже движение из рамок эксперимента. Сегодня важно развивать его вибрируя, создавать в городе систему комплексов с непрерывным циклом работы. Уже сегодня в Свердловске есть десятки предприятий, готовых направить материально-технические, трудовые ресурсы для участия в возведении домов и объектов соцкультбыта. И МЖК могли бы расти, как грибы».

Свою точку зрения Ф. Целищев высказал в газете «Вечерний Свердловск». И в заключение добавил, что неплохо было бы создать в городе единое руководство всеми молодежными жилыми комплексами, чтобы оно запретило, наконец, МЖК-1 наводить тень на плетень своими экспериментами. У них, понимаешь, новые идеи каждый день, мешают строить!

Только что строить? Как мне кажется, аббревиатуру

МЖК можно расшифровывать по-разному: «Молодежный жилой комплекс» и «Молодежный жилищный кооператив». Чувствуете разницу?

Вот такая история приключилась в Челябинске. Собрались было там построить единый общегородской МЖК, но нашла коса на камень — УКС горисполкома отказался выступать в роли заказчика. Произошла заминка, и победного марша по городу не состоялось. Стройные, как казалась, ряды «патриотов» МЖК порушились. Получив квартиры и должности, вчерашние «патриоты» начали выбивать для своих предприятий стройплощадки, прикрываясь маркой МЖК. Вот теперь-то, без всякого единого руководства, МЖК в Челябинске, похоже, действительно начнут расти, как грибы. Никаких разговоров о социальной программе — лозунг один: «Даешь дома!».

Дома нужны. Давайте их домами и называть, только не надо девальвировать звание МЖК. На одном желании получить квартиру МЖК не построишь. Нужно еще что-то. И это что-то самое главное.

Стоит рассказать об одной интересной группе молодых людей из города Каменска-Уральского. Безликие многоэтажки наступают на исторический центр, а старинные особнячки-пряники ветшают и постепенно сносятся. Конечно, это не соборы Василия Блаженного, но все равно жаль. Почему в старой церкви должны работать швейная фабрика? Для того, чтобы прекрасная акустика помогала работникам лучше слышать грохот машин, или для того, чтобы от вибрации поскорее осыпались остатки уникальных фресок? Почему старинная кузница должна оставаться музейным экспонатом — почему нельзя снова залусть горы и начать выковырять ограды, крылечки, балконы, флюгера?

Так появилась идея историко-архитектурного жилого комплекса. Чтобы дома не разрушались, чтобы радовали нас красивой кирпичной кладкой, кружевом кованых украшений, зеленью в палисадничках, необходим настоящим хозяевам. Отреставрировать, отреставрировать, перестроить все внутри так, чтобы квартира удовлетворяла самым современным требованиям, и — жить! Тогда уже не допустишь, чтобы у твоего дома обваливалась штукатурка, хлопала на крыше кровля от ветра. Появилась в городе сначала молодежная улица, затем квартал... Чем Каменск-Уральский хуже Риги?

Правда, для этого надо научиться строить не хуже, чем строили 100 или 200 лет назад, освоить профессии, которые уже не существуют. Обойти массу инстанций, подписать массу бумаг, буквально лбом прошибить бюрократическую стену...

Когда я разговаривал с ребятами из Каменск-Уральского историко-архитектурного жилого комплекса, никто ни разу не упомянул трех священных постулатов МЖК: «...сопереживание, подготовительный период, формирование коллектива...» И так все ясно! Здесь собрались друзья, единомышленники, преданные идеи. А если бы им была нужна только квартира, они бы пошли в городской МЖК.

Кстати, в том же Каменске-Уральском, кроме историко-архитектурного жилого комплекса и общегородского МЖК, появился еще и комсомольско-молодежный самстрой. Его создатели честно признались: «Нам нужны только квартиры». И их позиция заслуживает уважения. Так лучше, чем обманывать себя и других.

...Так сколько должно быть различных экспериментов? Вопрос и ответ на него принципиальны. Экспериментов должно быть столько же, сколько вообще есть МЖК.

Евгений Королев: «Мы уже побаиваемся помогать людям своими разработками, потому что получается, как в школе: взял, списал задачку, а оказывается, у тебя задачка была совсем про другое... Молодежный социальный эксперимент — он потому и эксперимент, что списать напрямую здесь не удастся».

Пора понять, что свод правил, та пресловутая папка с документами, означают для МЖК конец. Комплекс умирает, рождается кооператив.

Интересная обнаруживается закономерность. Настоящими эмжековцами оказываются ребята, выбравшие для себя другое название: строители историко-архитектурного комплекса в Каменске-Уральском, «чердачники», пробивающие идею превращения чердаков в жилища, и даже участники экспедиции «Советская Россия», проектирующие «поселок без проблем» для Дальнего Севера... Никакого парадокса здесь нет. Вот что говорит Галина Карелова, кандидат экономических наук, один из пионеров МЖК-1: «Только зародившись «снизу», став мечтой, объединившей вокруг себя коллектив энтузиастов, идея создания МЖК может реализовать себя в полной мере».

Тогда скажите: можно ли мечтать о квартире? Можно! И о машине можно мечтать, и о кроссовках какой-нибудь экстраизвестной фирмы. Вот только объединятся ли на этой почве «энтузиасты», у каждого из которых бу-

дет своя двух- или трехкомнатная мечта... Коллектива не получится — вспомните того приятеля, который мечтал получить квартиру и забыть этот МЖК как страшный сон.

Настоящий МЖК — это непрерывный эксперимент, цепь экспериментов, захватывающая все новые и новые стороны жизни. В деловой игре, о которой я уже упоминал, во время мозгового штурма было определено: «По условиям задачи возможно все!». И это — единственный неписанный закон МЖК.

Вспомнил, как когда-то Евгений Королев пришел на свердловское телевидение, чтобы принять участие в передаче. Незадолго до выхода в эфир он вдруг услышал разговор о технических сложностях, которые испытывает телевидение, об отсутствии телевизионного журналистского комплекта (портативная техника, крайне необходимая для нормальной работы). Тут же Королев подошел к председателю комитета по телевидению и радиовещанию и предложил поспорить, что на кабельном телевидении МЖК телевизионный журналистский комплект появится раньше, чем на свердловском телевидении. Председатель ответил, что это невозможно, но спорить не стал. И, наверное, правильно сделал. Признаться, в тот момент я больше понял, что такое МЖК, чем из всех публикаций на эту тему.

Такая уверенность в себе, в своих силах не вдруг появилась. Вы задумывались над тем, почему идея МЖК вообще сумела выжить? Ведь 5 жилых зданий, 5 блоков социальная-бытового обслуживания и 2 детских комбината МЖК-1 были построены не сейчас, когда в стране идет перестройка, а в годы застоя. Больше десяти лет назад Евгений Королев с крохотной группой товарищей начали свою перестройку. Да еще как начали! Каждое новое дело МЖК становилось буквально бельмом на глазу бюрократов и очковтирателей. Начинают стройку, и вдруг монтажники-«любители» по интенсивности труда изрядно перекарыяют профессионалов. Можно, конечно, прокричать «ура» трудовому энтузиазму эмжековцев, а можно задуматься: так вот, значит, как у нас работают профессионалы...

Выяснилось вдруг, что жилье можно распределять открыто, не обставяя несложное в общем-то дело тайнами «мадридского двора».

Даже плохое учило хорошему. Разрабатывали за два месяца, вместо девяти положенных, проект, но экономленное время тратили на хождения по бюрократическим коридорам, на оформление и подписи бумаг. Начинали налаживать соцкультбыт и вдруг выясняли, что дом культуры, станция юных техников и дворовые клубы сотрудничать никак не могут, так как принадлежат разным ведомствам...

Они лбом бились. Но и другие головы поднимали: «Как можно?! Непорядок!.. Надо раздавить их, и как можно быстрее!». И пытались, но не раздавили. Не смогли. Почему?

Главная причина того, что МЖК выжил, — богатство самой идеи, где построение новой общности программировалось одновременно с качественно новой структурой отношений. Это уровень, соответствующий нашей мечте о коммунизме.

Сегодня ребята из МЖК размышляют о том, как возвращать авансы, которые они получили от общества. Государство пошло на определенные затраты — так, может, деньги вернуть? Высказывалось такое мнение — отдать все до копейки, чтобы потом не было претензий. А не стоит ли за этим благом нечто некрасивое: откупиться, отгородиться?... И жить забором: мы вам ничего не должны, и вы нас не трогайте. Но, к счастью, большинство в МЖК считает, что долги надо отдавать не только и не столько деньгами. Прозвучало даже такое определение: «ноогенный продукт». Это нечто куда более ценное, чем деньги. Это идеи, опыт, результаты социальных экспериментов, развернувшихся на плацдарме МЖК. Берите, пользуйтесь!

Только почему-то не берем и не пользуемся... Что там клубы, культурные центры и оздоровительные комплексы — мы не можем даже самого простого: выйти всем вместе, взрослым и детям, во двор и хоть как-то благоустроить его.

Жизнь, наша работа на производстве сегодня скла-

дываются так, что все мы, в основном, узкие специалисты, и каждый — на своем участке. Время универсалов прошло. Свой производственный опыт мы распространяем на всю жизнь и считаем, что должен придти другой узкий специалист и организовать наше свободное время. «Я свои 8 часов отработал, теперь пусть работают другие», — и включаем телевизор. Мы требуем хорошо организованной индустрии развлечений: дискотек, видеотек и неизвестно еще каких «...тек».

Все это, конечно, необходимо, но... В результате страдают наши дети. Никакие специалисты — учителя, клубные работники, воспитатели, наконец, милиция — не заменят ребенку семью. А папа с мамой с утра на работе, а вечером — у телевизора...

Идея МЖК тем и сильна, что не вырывает жилищный вопрос из ряда других проблем. Инициативную группу на заре МЖК-1 составили инженеры и аспиранты технических вузов. Со своей «технарской» завкаской они взялись за решение задач культурных, воспитательных — социальных. Вот что способствовало успеху.

Во-первых, технари решили, что проблемы молодежи надо решать не каждую в отдельности, а комплексно. Проблемы-то, в основном, одни и те же: плохо с жильем, детей оставить не с кем, и смутно представляется, как их растить и воспитывать. Советов спросить не у кого, родители у многих живут за тридевять земель — почтой, что ли, давать советы? И по основному в жизни — что? Зарплата маленькая (должностей еще не достиг), а хочется горы свернуть... Получается довольно типичная картина.

Во-вторых, инициативная группа решила, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих»: свои проблемы молодежь должна решать сама.

И, наконец, в-третьих: реальную отдачу от эксперимента должна получить не только молодежь, но общество в целом.

Сегодня в МЖК-1 идут дальше. Взять, к примеру, кабельное телевидение. Представьте себе трансляцию с заседания комиссии по распределению жилой площади. При этом, благодаря развитым техническим средствам, каждый может принять участие в обсуждении. Вот это действительно гласность! Под таким увеличительным стеклом никакие махинации невозможны и, следовательно, уничтожаются всякие слухи, что «что-то там нечисто». Уверен, сколько бы времени ни шла эта передача, ее смотрели бы с неменьшим вниманием, чем захватывающий итальянский детектив.

А в МЖК идут еще дальше. Устали, к примеру, следить за шагами школьной реформы только по страницам газет. Ну, что ж, по условиям задачи ведь возможно все. И в первом квартале этого года началось строительство учебно-воспитательного центра, школы будущего. А откроет двери центр, по словам Евгения Зыкова, руководителя программы «Школа», 1 сентября 1989 года. О том, что будет представлять из себя школа будущего, надо писать отдельный большой материал. Упомяну только, чтобы поразить ваше воображение, компьютерный класс, школьное телевидение и настоящий завод по производству самых современных персональных компьютеров. Но главное — совершенно иные взаимоотношения между учителями и учениками.

Основная идея — превратить учителя из надсмотрщика за детьми в проводника, который подтолкнет ученика к знаниям и поможет идти. Будущие педагоги решили запустить в школе механизм самообучения: если у ребенка проснется тяга к знаниям (она обязательно должна проснуться, если обстановка в школе будет творческая), то тогда уже не учитель будет требовать от учеников прилежности, а ученики — от учителя. И если педагог не сможет раскрыть какой-то вопрос в полной мере, то ребята не успокоятся, пока сами не найдут ответ в книгах.

Вот что сказал Василий Гуливатый, член совета директоров учебно-воспитательного центра: «МЖК дает возможность педагогу работать на ребенка, а не на инструкции и бюрократов».

Можно еще много рассказывать о планах, разработках и прочих «гноенных продуктах», вот только боюсь, что тем самым мы увеличиваем число противников МЖК. По опыту известно, что на всех встречах, конференциях, «горячих телефонах» в адрес эмжековцев звучит обвинение: «Вы украли у нас квартиры!». Приходится тысячу и тысячу раз объяснять, что если бы не МЖК, то эти дома никогда не были бы построены. И все равно обвинение звучит снова и снова.

На деловой игре даже родился своеобразный собирательный образ «Васи с мыльного завода». Чем же так характерен Вася? Прежде всего своим постоянным вопросом: «Почему они живут в прекрасных квартирах, у них и клубы, и спортзалы, и прочее, а я сижу в «хрущевке»? И не понимает Вася, что пока он сидит в своей «хрущевке», а все беды видеть в тех, кто чего-то добивается, строит, изобретает, — у него не будет ни хорошей квартиры, ни спортзала, ни интересного дела.

Так что же делать с Васей? Махнуть на него рукой? Не тут-то было. Даже Вася не сможет укрыться цитом своей обывательской озлобленности от воздействия МЖК. Во-первых, в его крепость давно залучен троянский конь в виде его личных, Васинных детей. Они уже считают себя эмжековцами, бегают играть в клуб «Адмирала Играйкина», колдуют над микросхемами в «Полете», строят карты, багги, обживают все эти башни, крепости, самолеты.

А во-вторых, не такие ребята в МЖК живут, чтобы жаловаться, что у них до чего-то руки не доходят. Плохо соседу Васе? Работа у него грязная и неинтересная, на мыльном заводчике оборудование устаревшее и технология от царя Гороха? Так надо спроектировать ему автоматизированный шампунный комбинат. И переменится жизнь у Васи, иными глазами на мир посмотрит.

Вы скажете: «Фантастика!». А кто взял шефство над стройиндустрией города? МЖК. Кто первым освоил монолитное домостроение? Тоже МЖК. Сегодня происходит интереснейшее явление. МЖК перерастает свои рамки и из организации чисто общественной становится организацией общественно-государственной.

Предположим, мы с вами приходим в исполком районного Совета. Зачем мы приходим, решать свои вопросы? Нет, просить, чтобы их решил исполком. Точно так же и МЖК, развиваясь и ставя все новые и новые задачи, приходит просителем в различные органы государственной власти. Но если мы привыкли быть в роли просителя, то ребята из МЖК с таким положением мириться не хотят и добиваются самостоятельности.

«Ах! — хватаются за голову чиновники. — Покушение на государство!». Их можно понять, ведь ставится под вопрос святая святых — их незаменимость, их власть. Но мы сочувствовать бюрократам не будем, и не будем пугаться за государство. Здесь все по Ленину. Откроем статью «Очередные задачи Советской власти»: «Целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся, по отбытии 8-часового «урока» производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма».

К счастью, большинство наших руководителей не бюрократы и в ужасе за головы хвататься не стали. Более того, сегодня МЖК-1 стал плацдармом нового, межведомственного эксперимента. Большое число организаций подписали соглашение, и теперь совету коллектива МЖК переданы права централизованного руководства текущей и хозяйственной деятельностью учреждений, расположенных на территории МЖК-1. Таким образом, складывающаяся система общественно-государственного управления уже получила официальное признание.

Так что сегодня совет коллектива МЖК берет на себя обязательства социального и экономического развития территории с населением более 4000 человек, с десятком учреждений, в которых трудятся более 500 работников.

И все-таки главная заслуга МЖК в том, что они существуют. Пусть пока их только четыре в стране, но настоящих. Они появились, растут, берутся за новые проблемы. То, что недавно было лозунгом, сегодня стало аксиомой — молодежь может и должна решать сложные вопросы. Сама, без подсказки.

И если вдруг опустятся руки, а новый барьер покажется непреодолимым, то стоит вспомнить, что все-таки существует МЖК с его главным правилом: по условиям задачи возможно все!

17 сентября 1941 года на имя директора и главного инженера Уралмашзавода пришла правительственная телеграмма:

«Прошу вас честно и в срок выполнить заказы по поставке корпусов для танка КВ Челябинскому тракторному заводу.

Сейчас я прошу и надеюсь, что вы выполните долг перед родиной. Через несколько дней, если вы окажетесь нарушителями своего долга перед родиной, начну вас громить как преступников, пренебрегающих честью и интересами своей родины. Нельзя терпеть, чтобы наши войска страдали на фронте от недостатка танков, а вы в далеком тылу прохлаждались и бездельничали.

И. СТАЛИН».

М. Ф. Попов с учеником. 1941 г.

ТАК ПОБЕЖДАЛИ

Аркадий БУСЫГИН

Заместитель председателя Совнаркома Вячеслав Александрович Малышев, лобастый человек среднего роста в полувоенной защитного цвета одежде, твердо, по-хозяйски ходит по кабинету директора Уралмашзавода. Неделию назад его назначили первым наркомом танковой промышленности. Новому наркомату подчинили Уралмашзавод.

— Я приехал по поручению товарища Сталина. Его мнение о делах на вашем заводе вы знаете из телеграммы. Обстановка на фронте тяжелая. Красной Армии приходится отступать. Ей, как воздух, нужны танки. У врагов их больше в несколько раз. А вы срываете график поставки бронекорпусов и башен челябинскому заводу.— Малышев замолчал, обвел начальников цехов суровым внимательным взглядом:— Есть конкретные предложения?

— Радиально-сверлильных станков мало!

— Знаю. Будут! Еще... Не успели? Не готовы?— Он посмотрел на часы.— Через два часа тридцать минут жду вас для делового разговора. Все свободны. Попов, останься.

Михаил, оробев, поднялся. На худом лице блестели глаза, подчеркнутые широкими полукруглыми усталости. Малышев подошел.

— Знаю, что идешь впереди и своим примером увлекаешь рабочих. Знаю, что за двенадцать часов обрабатываешь корпус. Это хорошо! Очень хорошо. Но для мирного времени, для вчерашнего дня! Сегодня жизнь диктует другие сроки. Семь-восемь часов! Вот новая норма, новое задание.

«Уж не ослышался ли?— подумал Михаил.— Разве такое возможно? Ведь из станка выжато все».

— Не могу обещать, товарищ нарком,— наконец решился он.— Но буду стараться. Все силы приложу.

— Надо, товарищ Попов, чтобы ваш участок вдвое увеличил выпуск бронекорпусов. Иначе нельзя. Подумай, как это сделать. Отдохни, отоспись. А сейчас поешь.

Словно не он, а кто-то другой, кого Михаил наблюдал со стороны, с талонами, вложенными ему в руку помощником директора, медленно спустился по лестнице в столовую. Ел без аппетита, механически. Все время перед глазами стоял расточный станок, билась неотступные вопросы: «Почему пять? Почему именно на пять часов нарком потребовал снизить время обработки? Ведь пе-

видумал же он их. Где-то, наверное, уже работают по таким нормам? А если существуют нормы, значит, есть и способы, как их выполнить. Значит, что-то недоглядел, недодумал?».

Выйдя из заводоуправления, Михаил повернул было к проходной, но на заводской площади остановился. Зачем торопиться? Коняхин и Борцов уже дома. Он один. Надо еще раз все обдумать, наметить что-то, прежде чем возвращаться в цех. Присел на скамью возле клумбы.

Такое уже было в сентябре—октябре 1941 года, когда Уралмашзавод срочно перестраивался с индивидуального на серийное производство, с выпуска мирных дробилок, экскаваторов, прокатных станков—на изготовление корпусов и башен тяжелых танков КВ. Не хватало расточных станков. И комсомолец Михаил Попов со своей бригадой совершили трудовой подвиг, а потом стали инициаторами всесоюзного соревнования фронтовых комсомольско-молодежных бригад.

..Родился Михаил далеко от Урала в небольшом селе Маклаки Калужской области, в многодетной крестьянской семье. Отец тянул из последнего. Такая же участь ждала и Михаила, но грянула Октябрьская революция. Пошел в сельскую начальную школу. Учительница, встречая отца, советовала учить сына дальше.

— Не знаю уж, как и быть. Обувки вот нету.

Однако когда пришло время занятий в средней школе, позвал в избу сына.

— А ну-ка, примерь,— достал с полатей мешковину, развернул ее и поставил на пол перед парнишкой пару новых, пахнущих дегтем сапог.— Повелики чуток. Это ничего, на вырост сделаны. Сейчас портянку поболее наверхнешь, а через год в самый аккурат будут. Это тебе на всю школу. Больше не жди.

В седьмом классе повели их, мальчишек и девчонок, на экскурсию на машиностроительный завод. Михаила поразил механический цех. Невиданные машины легко, словно кожуру с картофеля, снимали стружку с железных заготовок, пилили, строгали их, превращали в детали будущих локомотивов... Но доконало Михаила то, что за одним из станков стояла девчонка, которая в прошлом году закончила семилетку. «Вот это да!.. Значит, и он сможет?!»

После седьмого класса поступил на курсы при заводе. Мать ворчала, принимая измазанную спецовку:

— Опять изволился весь! Вы там животами по полу возгаегесь, что ли? Только выстирала — и накомь тебе, снова грязнехонька!

Михаил выповато молчал. Не мог же он признаться, что нарочно собирал со станка масло и растирал по спецовке. Очень уж хотелось походить на настоящего рабочего.

Мечта исполнилась. Началось утоление жажды. Освоил обработку всех деталей, вступил в комсомол.

Однажды прибыл на завод станок аж из самой Англии. Его доверили Михаилу. И он не подкачал. Быстро освоил агрегат, не отставал от сменщиков, квалифицированных рабочих седьмого разряда. Даже родной дядя пожал руку и сказал: «Здравствуй, Михаил Федорович!», чем очень смутил парня.

На четвертый год работы участвовал в создании мощного, в пятьсот лошадиных сил локомотива. Ему и его напарникам поручили растачивать цилиндр — ответственнейшую часть машины. Выполнили задание раньше и с отличным качеством. Михаилу вручили премию — шерстяной костюм.

Тогда же вместе с товарищами он написал письмо с просьбой направить на Урал, долго не было ответа... Но вот пригласили в райком, вручили путевки «Наркомтяжпрома» в Свердловск, на известный всей стране Уралмашзавод.

Все перевернула война.

...Михаил поднялся со скамьи, направился в цех. Кое-что он уже придумал. Можно сократить время установки и закрепления бронекорпуса на станке. Правда, это надо еще раз обдумать и прикинуть на месте, посмотреть, как делают другие. Не дает покоя летающий суппорт, которым подрезаются наружные фланцы. Тяжеленный, в двести килограммов, его приходится два раза устанавливать и столько же снимать. Полтора-два часа каждый раз на ожидание крана. Да и сама подрезка занимает четыре часа. Давно этот суппорт не дает покоя. Даже во сне снится: стоит на пути, как бык, и — ни в какую. Медленно жует стружку и выплевывает, жует и выплевывает..

Надо покумекать и над резцами. Увеличить скорость резания... Это, похоже, главное направление. Почему отказались от нормальных подрезных резцов? Спросить надо у технологов.

Так и прошло время чуть не до утра. То наблюдал, как снимали готовый узел и ставили на станок новый, то уходил в угол цеха, где стояли старые и только что прибывшие некомплектованные станки...

А утром, в начале смены, сказал подручным:

— Ребята, вчера нарком Малышев дал нам боевое задание: обработать корпус за семь часов. Считайте, что мы на фронте. Времени у нас — два-три дня. Кое-что я придумал. Айда к станку.

И вот старший мастер засекает время начала эксперимента. Вдоль пролета, предупреждая ударами колокола зазевавшихся, двигался мостовой кран с многотонным грузом на тросах. Вот бронированный корпус завис над станком. Между операциями не было ни малейших заминок. Михаил Попов, Николай Коныхин, Михаил Борцов словно слились с работающими агрегатами, чутко ловили любое изменение в работе электромоторов. Напряжение росло с каждым часом. Наконец резы сделали последний оборот. Михаил выключил станок.

— Шесть часов тридцать минут, — сказал старший мастер. — Поздравляю! Молодцы!

— Рано еще. Успех мог быть случайным. Как бы не опозориться.

— Везти следующий?

— Конечно! Есть готовый?

— Последние швы накладывают.

Весь цех работал на эксперимент. И работал подчас из последних сил. Михаил это знал.

Как-то шел он по цеху и вдруг словно током ударило: на полу, рядом с работающим станком лежит подросток. Подбежал. Бледное лицо, глаза закрыты. Припал к груди: сердце бьется чуть слышно. Приподнял легкое, почти невесомое тело, голова беспомощно запрокинулась, видна тоненькая худая шея. Ваткой, смоченной нашатырным спиртом, долго терли парнишке виски, подносили к носу. Наконец веки медленно приоткрылись. Оказалось, голодный обморок. За всю неделю у него не было даже крошки хлеба во рту. Свою хлебную карточку продал в начале месяца, накупил на рынке сладостей. Часть тут же съел, а остальное стащили из тумбочки.

Михаил рассказал о случившемся на заседании комсомольского бюро. Выяснилось, что и другие подростки делают то же самое. Пришлось чуть ли не за руку водить их на обед. Приучали к самостоятельной жизни.

Голодали и взрослые. Хлебного пайка и жидкого супа не хватало, чтобы восстановить затраченные силы.

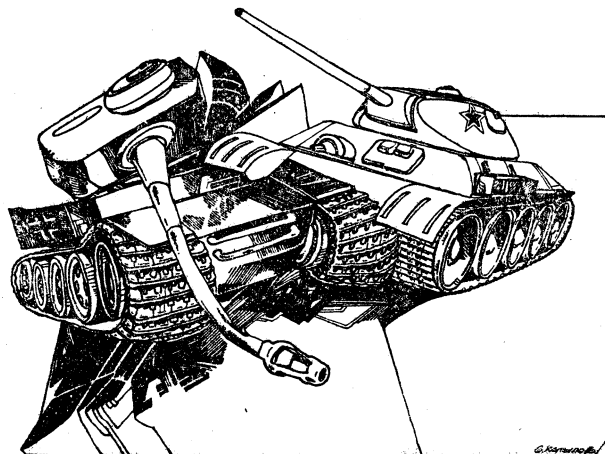
Среди уралмашевцев в более или менее сносном положении были люди, имевшие частные дома с огородами. А такие, как Михаил, жившие в заводских квартирах, покупали картошку на рынке по триста рублей за ведро или выменивали ее на оставшиеся вещи.

Михаил видел, как многие женщины в столовой съедали только суп, а второе складывали в баночки и уносили домой, детям.

Весной, наученные горьким опытом, уралмашевцы начнут массовое огородничество, создадут бригады охотников и рыболовов, придумают и соберут установки для приготовления витаминных дрожжей, начнут варить хвойный напиток. Но все это будет позднее...

А пока шла длинная голодная зима сорок первого года.

Так побеждали.

ПОСЛЕДНЯЯ ПУЛЯ

Иван ПЛОТНИКОВ

Возникший в Алапаевске в 1917 году Социалистический Союз рабочей молодежи по своему социальному составу был очень пестрым. В руководстве его оказались меньшевики, эсеры и даже анархисты. Городской комитет партии большевиков дает специальное задание молодым коммунистам, в том числе и Алексею Серебрякову, вступить в Союз молодежи и завоевать его, перетянуть на свою сторону.

Решающий удар по мелкобуржуазным элементам в Союзе был нанесен в январе 1918 года на отчетно-выборном собрании. Подавляющим большинством голосов делегаты выразили недоверие бывшему руководству. Председателем Алапаевского комитета Социалистического Союза рабочей молодежи стал Алексей Серебряков. В комитет были избраны и другие большевистски настроенные юноши.

Когда летом 1918 года началась на Урале гражданская война, когда белые захватили Южный Урал и развернули наступление на Екатеринбург, в Алапаевске формируется крупный отряд, командиром которого назначается И. Кушников, а комиссаром — А. Серебряков.

Под Верхневинским заводом отряд попал во вражеское кольцо. Хотя боеприпасы были на исходе, приняли смелое решение — прорваться, выйти из окружения. Группой прорыва командовал Серебряков. Он повел бойцов в стремительную атаку. Штыковой удар страшной силы обрушился на белогвардейцев. Они не выдержали и обратились в бегство.

Однако под натиском превосходящих сил противника отряд с боями отходит к родному Алапаевску. Городской комитет формирует подпольную вооруженную группу коммунистов примерно из 20 человек во главе с Е. А. Соловьевым. В их числе был и Алексей Серебряков. Он был назначен начальником оперативных действий. Ему же поручили конспиративную связь с челябинским подпольем.

Отряд расположился в труднодоступном районе Боровского болота, на полуострове. Оставлены были большие запасы питания, много оружия, включая три пулемета.

Провал подпольщиков в Алапаевске начался с предательства анархистов. Один из найденных документов прямо свидетельствует об этом.

Помощник коменданта Алапаевска в донесении от 31 октября 1918 года сообщал, что «анархист Николай Загайнов указал место нахождения склада огнестрельных припасов в 25 верстах от Алапаевска, куда я совместно с председателем следственной комиссии прапорщиком Ляховским и отрядом конных солдат выехал, где нашли землянку...». И далее перечисляются найденные боеприпасы.

После жаркой схватки с колчаковцами партизанская подпольная группа ушла со своей базы. Некоторые коммунисты решили пробраться в город и включиться там в нелегальную работу. Перебрался сюда и Алексей Серебряков. Под его руководством деятельность комсомольского подполья оживилась. В городе создавались все новые и новые подпольные молодежные группы — «пятки» и «десятки».

В дальнейшем из подпольщиков был сформирован партизанский отряд под командованием Г. Черепанова. В июле 1919 года, за несколько дней до подхода частей Красной Армии, отряд вступил в Алапаевск, объединился с восставшими рабочими и освободил город.

Комсомольский вожак Алексей Серебряков погиб в эти дни. Вражеская контрразведка знала о его подпольной работе, но долго не могла напасть на его след. Однако он был выслежен. Окруженный в домике взводом белогвардейцев, А. Серебряков упорно отстреливался из нагана. Патроны кончились. Последнюю пулю Алеша пустил в себя...

На смертельно раненного, но, по слухам, еще живого юношу набросились колчаковцы. Они истязали его, а затем бросили в шахту.

ЮНИЙ ГОРБУНОВ

Взять- и поверить в чудо

Владимиру Борисовичу Марченко повезло увидеть неопознанный летающий объект.

«Сижу я как-то раз вечером в машине, — рассказывает он, — жду приятеля. Шофер задремал на баранке. Вдруг светло стало снаружи. Движущийся такой люминесцентный свет. Смотрю, над крышей двухэтажного дома что-то плывет и испускает луч. Я шофера трясусь: смотри! Но тут луч погас и ничего не стало видно».

Не мной замечено: НЛО не каждому встречному обнаруживает себя, а предпочитает людей, способных в него поверить. Каким образом он таких людей распознает, неизвестно, но ясно, что, например, шофер в их число не попал.

А Владимир Борисович из таких вот, что умеют поверить в любое чудо и докопаться до сути. В его книжке «Лесной пожар», что вышла в Барнауле лет шесть назад, есть маленькая повесть про колхозного конюха, который вдруг ни с того ни с сего взял да и купил в сельмаге мотороллер. Не «жигуль» там, не велосипед — к ним в деревне уже пригляделись, а этакое чудо — мотороллер. Ни в одном дворе не найдешь. Дай, думает, куплю да разберусь, что к чему. Поищу завакву.

Вот таков по натуре и сам Владимир Борисович, коренной сибиряк, бескорыстный сельский интеллигент.

ГДЕ МОГИЛА ЧАПАЕВА?

Ну что, скажете вы, за вопрос? На дне Урала-реки, где же еще? Кто не видел фильма «Чапаев»? Не слышал о воспоминаниях телеграфиста Т. С. Зуйкова, на глазах которого утонул начдив?

А вот в селе Новогорьевском, что на Алтае, в этой прописной истине многие ныне сомневаются.

Все началось с Владимира Борисовича, с его любительской киностудии и детско-юношеской ее секции. Освоили студии аппаратуру, сняли и озвучили несколько репортажей, праздников урожая, сельских олимпиад, и захотелось чего-то большего, серьезного. Владимир Борисович предложил отыскать имена двоих земляков, воевавших в Чапаевской дивизии. Оказалось, не про-

сто. В Новогорьевском районе не нашлось людей, кто бы мог помочь ребятам. И решено было поехать на Урал, в Чапаев (бывший Лбищенск).

Заработали, подкормили денюжат. Родители, конечно, помогли. Шефов расшевелили на форменную одежду — голубые жилеты и пилотки, — чтобы не смотреться заурядными туристами. И вот отряд — двадцать юношей и девушек из 9 «б» новогорьевской средней школы — двинулся в путь. В помощники себе Владимир Борисович взял председателя райспорткомитета Алексея Бурбу, не менее, чем он сам, одержимого поиском.

Вот она — легендарная земля, обрывистый и песчаный берег Урала, где в сентябре девятнадцатого года разгорелся жестокий, неравный бой. Можно, скинув одежду, войти в воду и попытаться, как Чапаев, поспорить с течением, как будто не слыша предупредительного голоса командира отряда: «В Азию не заплывать!» Можно босой ногой вдруг ощутить в горячем прибрежном песке холодок винтовочной гильзы... И тот же бой, те же роковые события воспринимаются совсем не так, как в классе, со слов учителя.

Тогда-то в Уральске, на встрече с председателем совета ветеранов Алексеем Александровичем Красавцевым узнали ребята об анонимном письме, сообщавшем о якобы существующем захоронении В. И. Чапаева.

Занозой засело это письмо в душе Владимира Борисовича. «Шутка? Да бывают ли такие шутки? Почему анонимное? Почему аноним до сих пор молчал?».

Наверное, и ребята не забыли о письме, потому что по дороге домой, в вагоне поезда, кто-то рассказывал о нем случайному попутчику. И тот вдруг вспомнил, что когда-то на целинных землях встречался он с участником гражданской войны председателем сельсовета из Актюбинской области Аренгуловым и тот тоже что-то упоминал о захоронении.

Тут уж было от чего не заснуть до самого Барнаула!

Владимир Борисович да и ребята загорелись поиском. С попутчика Д. М. Камышанского, конечно, взяли

слово, что он разыщет и сообщит адрес своего знакомого ветерана. У ребят началась подготовка к выпускным экзаменам. Но время выкраивали. Инна Ермошина, Сергей Бурба, Тоня Кузьмина, Галя Костина, Ольга Кушнерева написали около сотни писем в редакции районных газет и по другим адресам. Завели тетрадь регистрации писем, папку с ответами. Перед большим делом, за которое ты в ответе, как-то отступает повседневность, суета, тускнеют вчерашние ценности. Самостоятельное дело, большой поиск всегда тревожат в человеке гражданина. Пришлось перечитать все, что написано об истории Чапаевской дивизии. Добрались и до фондов Центрального государственного архива Советской Армии. Там, кстати сказать, обнаружился текст сообщения: «Чапаев, видимо, был сначала легко ранен и... пытался переплыть Урал, но еще не успев войти в воду, как случайной пулей был убит».

Конечно, начав поиск, Владимир Борисович не мог миновать и Клавдию Васильевну Чапаеву, дочь легендарного начдива. В один из приездов в Москву отыскал улицу Георгию Деж, где она живет.

Оказывается, в архиве Клавдии Васильевны есть письмо гвардии майора Н. А. Мальцева. В письме говорится о его знакомстве с венгром Ференцем Кульчаром — бывшим пулеметчиком штабной роты 25-й дивизии. Посмотрев фильм «Чапаев», он сказал, что все было иначе.

По его словам, пятеро красноармейцев — два венгра, поляк и еще два бойца — положили раненого начдива на створку ворот и поплыли через Урал. Кто-то из них тронул руку Василия Ивановича. Она уже холодела.

Несколько километров несли бойцы тело командира. Опасались погони. Казаки разъезды могли заметить группу. Решили временно захоронить тело. Собирались вернуться, но война разбросала их по разным краям...

Летит письмо в журнал «Советский воин». Приходит ответ. Ф. Кульчар, оказывается, в годы гражданской командовал взводом чоповцев города Омска, сопровождал эшелон

с хлебом, а в Москве он и его товарищи встречались с В. И. Лениным и Бела Куном! Потом Ф. Кульчар был секретарем Общества венгеро-советской дружбы в городе Марцали.

Эти факты как бы подтверждали серьезность и обоснованность его сведений о Чапаеве.

Но вот, наконец, пришло письмо от самого Аренгулова, которого с большим трудом отыскали следопыты. Аренгулов живет в Актюбинске, пенсионер, ветеран Великой Отечественной, но к 25-й Чапаевской никакого отношения не имеет. Чья-то воспоминания, скорее всего, наслонились одно на другое в памяти рассказчика...

Казалось бы, письмо должно было отрезать Владимира Борисовича и его дружину — такой козырь оказался битым! Но, подумал Владимир Борисович, не будь той встречи в поезде, того ложного пути, не было бы, наверное, и поиска, который столько дал ребятам и ему самому.

Навсегда остались те дни в памяти Сергея Бурбы, Игоря и Сергея Спирды, Наташи Рыжовой, Александра Кузькина — всех, кто монтировал, озвучивал, хронометрировал фильм о поездке на Урал. Он создавался под впечатлением поиска и в надежде когда-нибудь снять продолжение.

Фильм показывали на лекциях и классных часах в школе и СПТУ, в библиотеке и Доме культуры. Его посмотрели сотни детей и взрослых. И для всех Чапаев стал близким как никогда, а трагедия в Лбищенске — личной трагедией каждого.

Вот строчки из путевого дневника Ольги Кушнеревой: «Мне казалось, что я стала взрослой. Я ступала на землю и думала: здесь была пролита кровь. Мы возложили гирлянды в Бударине и в Чапаеве. Я представить не могла, сколько людей было закопано во рвах. Они жили, видели это солнце. Они воевали за нас, а мы, наверно, выросли не такими, какими они нас представляли».

Словом, и для ребят, и для их руководителя стал фильм событием, поступком.

А потом, когда студийцы закончили десятый, сдали экзамены, разъехались, кто в вуз, кто в техникум, и в комнату студии стали заглядывать уже другие ребята, в ответ на одно из писем пришел конверт из Уральска от заведующего отделом культуры газеты «Приуралье» Б. Пышкина. Он написал, что в горисполком приходило письмо из города Волгограда от пенсионера, имени которого он не помнит. Пенсионер сообщал, что его отец с двумя красноармейцами доставили тело Чапаева в Уральск. Везли с риском для жизни. Почти сто километров

пробрались по территории, занятой белыми, в основном по ночам. И похорошен начди в Уральске. Автор письма был готов приехать и показать место. На крышке гроба, утверждал он, была жестяная табличка с фамилией...

Так, может быть, продолжение любительского фильма все-таки предстоит?

«НАВРЕДИТЬ ГИТЛЕРУ»

Аркадия Константинова Владимир Борисович знал как первоклассного сварщика и неисправимого голубятника.

Были знакомы. Встречались семьями. Одно время даже вместе работали в районной газете. Однажды узнает, что несколько лет назад пришел на имя Константинова пакет с красной полосой через все поле — всесоюзный розыск!

Директор МТС вызывает Аркадия «на ковер»:

— Говори честно, что натворил. Пока я конверт не распечатал.

Тот плечами пожимает.

— Ну смотри, парен!

Осторожно разрезали конверт, достали бумажку. Читают оба вслух: «Уважаемый тов. Константин А. К.! Ваши родители Константин Яковлевич и Евдокия Макаровна Курачи проживают в деревне Заболотье Октябрьского района Белорусской ССР».

Так начался второй любительский фильм Владимира Марченко из серии «Дорогами памяти».

Фильм-воспоминание. Фильм-поиск.

На родину Аркадия поехали вдвоем. Жен, детей не взяли — в другой раз. Ведь это была поездка не просто на родину, а в детство, сиротское детство в оккупированной Белоруссии. Аркадию с ним, этим детством, надо было побыть одному.

Фильм сопровождает музыка. Не знаю ее автора. Она, естественно, писалась не для фильма. Слегка монотонная, слегка ритмическая, не богатая тональностью. Она как бы отстукивает вечное бесстрастное время, размеренный его ход.

Родных Аркадий потерял четырехлетним. Отец ушел в леса, а его с матерью, как и всех селян Заболотья, гитлеровцы отправили в Бобруйск. Аркадий запомнил крепость, где людям устроили сортировку: работоспособных, таких, как его мать, увозили в Германию, остальных — в лагерь.

Его, помнит, вместе с другими детьми посадили в сани и отвезли в П-образное каменное здание недалеко от бобруйского костела. Это была школа.

Что может запомнить 4—6-летний мальчик? Чистые классы. Около ста детей. Несколько отрядов,

разбитых на десятки — отделения. Уроки чтения и письма. История на фашистский лад.

Одного из соучеников Аркадия им удалось найти. Это Виктор Прядыбайло. Ему в ту пору было 12 лет. Помнит шапку-буденновку со споротой звездой. Звезды не было, а след на выцветшем поле отпечатался четко. Фрау-надзирательницу эта буденновка бесила. Подойдет с хлыстиком, сдерет буденновку с головы и — на помойку. А Виктор снова ее найдет. И так повторялось несколько раз. Потом ребята, кто посмелее, просили поносить, хотя знали — будет порка. Это называлось навредить Гитлеру.

Что это была за школа? Готовили людей, полезных будущей Германии? Зачем? Для чего? Нигде в литературе пока не удалось найти ответа. Может быть, найдутся люди, имевшие отношение к фашистской школе в Бобруйске, знавшие о ней, и дополнят этот рассказ.

После освобождения Бобруйска Аркадий попал в Глусский детдом. Фамилии своей он не помнил, и его нарекли Константиновым — по имени отца.

А мать тем временем, вернувшись из Германии, повсюду искала сына. Побывала и в Глусском детдоме. «Кураче?» — спрашивает. «Курача», — отвечают, — нема». А сын в это время где-то рядом бегал. Ей бы попросить на ребят взглянуть... Но не пришлось женщине в голову, что у сына могла быть другая фамилия.

Так, почти сойдясь, разминувшись их пути в сорок пятом.

Аркадий после детдома закончил ремесленное училище, стал сварщиком. Служил в армии. Куда ехать после демобилизации? Родина большая, а своего дома в ней нет. Даже села своего не помнит. Бобруйск да река Птичь. Помог замполит. Послал фото Аркадия в Бобруйский горисполком, а те — по редакциям районных газет на Могилевщине. «Аркадий шукае батьки» — называлась публикация.

И случилось так, что газета попала в руки друга отца: «Так ведь это Кости Курача Аркашка!»

А Аркадий к тому времени уволился в запас, вернулся на Алтайский тракторный завод в Рубцовске, где начинал работать, встретил девушку из села Новогорьевского, женился. Выросли дети.

Растет теперь в его палисаднике дубок, привезенный из Белоруссии.

ПУЛЕМЕТЫ В ТЕЛЕЖИХЕ

Когда в Новогорьевском слушал я сбивчивые от ветерения рассказы Владимира Борисовича, была еще зима. Дремал заповедный ленточный бор — чудесное ожерелье степного Алтая. Спали под снегом

здешние целебные озера Перешеечное и Горькое, где еще по декрету В. И. Ленина был возведен санаторий.

А в тесной комнатке студии, где и одному Владимиру Борисовичу негде повернуться, раз за разом вспыхивал экран, и комнатка тотчас наполнялась людьми, голосами, музыкой давних времен.

Таким вот метельным днем узнал я и о летних планах новоогорьевской студии — о будущем фильме из серии «Дорогами памяти».

Есть в Горном Алтае небольшая деревушка Тележиха. Здесь летом 1918 года потерпел первое поражение красногвардейский отряд Петра Федоровича Сухова. Его дерзкий рейд по степям и горным долинам Алтая было одним из героических актов красного пролетариата.

В Тележихе, пытаясь уйти от поражения, Сухов предпринял отчаянный маневр. Он решил, обойдя вражескую засаду, увести отряд через Будачихинский горный перевал. Но для этого пришлось оставить раненых и лишнее оружие (боеприпасы все равно были на исходе). Винтовки и берданки, чтобы не достались белым и кулачью, сожгли на костре, а пулеметы закопали в землю. Под проливным дождем отряд Сухова ушел от засады.

Однако этот маневр был последним в победоносном рейде. Дальнейший путь суховцев отмечен десятками братских могил и обелисков. Кулаки и эсеры, регулярные части белочешской армии жестоко уничтожали почти безоружных красногвардейцев. Память местных жителей сохранила ужасные сцены расправы. И наконец в Уймонском ущелье отряд принял свой последний бой. Враг добивал безоружных, вылавливал обессиленных от жажды и голода...

Тележиха — очередной объект поиска новоогорьевской киностудии. Студийцы пройдут по следам отряда Петра Сухова, а в Тележихе, восстановив по рассказам и приметам ход событий, попытаются найти закопанные в землю пулеметы. Новый фильм «Дорогами памяти» запечатлеет этот поход-поиск, ведь в августе нынешнего года исполняется 70 лет со дня гибели славного отряда.

...Была зима. За стенами комнаты-студии бились ветры, а два одержимых человека — Владимир Марченко и Алексей Бурба деловито обсуждали, что потребует отряда для похода и ремонта обелиска в Тележихе.

Пока этот номер журнала проходил длинный процесс печатания, новый поход отряда-студии, наверное, уже состоялся, и из Новоогорьевска уже наверняка пришло в редакцию письмо с подробным рассказом, с новыми планами неутомимого Владимира Борисовича.

Игорь НЕПЕИН, историк

ПУГАЧЕВСКИЕ СТРАНИЦЫ ШИШОНКО

Пермским Нестором назвал Д. Н. Мамин-Сибиряк Василия Никифоровича Шишонко, «из работ которого о пермском крае составит целая библиотека». Над своей знаменитой «Пермской летописью» тот трудился 26 лет.

Менее всего из трудов Шишонко известны так называемые пугачевские страницы. К сожалению, они не опубликованы до сих пор, их еще не оценили историки.

В библиотеке музея имени Я. М. Свердлова хранятся III и IV тома рукописного «Сборника материалов, относящихся до пугачевского бунта в пределах Пермской губернии». Первый том хранится в Пермском областном музее. А о судьбе второго тома вообще ничего не известно.

Пугачевская тема, после выхода книги А. С. Пушкина «История Пугачевского бунта», долго находилась под запретом правительства, и Шишонко пошел на хитрость — посвятил свой труд великому князю Владимиру, сыну Александра II.

Многие страницы рукописи — это анализ документов и событий. Автор описывает внешний вид повстанцев и их вооружение. Одеты были пугачевцы кто во что: в зипуны, сюртуки и даже во фрак, в женские шубы, несмотря на жару... У некоторых поверх зипунов были нашиты генеральские ленты — отличия военачальников.

Армия народная «...была вооружена то дубинками с заостренными и обожженными концами, то саблями, то пистолетами и редкие из них имели ружья или винтовки».

В рукописи есть «Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Правительствующего Сената». Шишонко в примечании к нему пишет: «В «Историю Пугачевского бунта» Пушкина этот указ не вошел». Далее следует полный его текст:

«Объявляется всенародно. До сведения Правительствующего Сената дошло, известный в Оренбургской губернии, оказавшийся разбойник и государственный злодей Емельян Пугачев рассылает по разным местам свои изменческие, ядом наполненные листы и как многими прежними законами повелено таковые воровские письма жечь публично, Правительствующий Сенат следуя сим законам, рассудил за лучшее, публиковать и подтвердить через сие накрепко, что если, от объявленного изменника и злодея Пугачева, в который много городов и селений подошлетя, кто ни на есть, с воровскими письмами или оное где подкинуто будет, то жители тех мест, не токмо ни малейшей веры тому не подавали, но паче бы старались самого подавальщика с письмом, если возможность допустит, изловя представить, или же оное подметное письмо где кто найдет представлять без всякого опасения, в ближнюю городскую канцелярию, а сия получа оное, так как воровское и изменческое сочинение, не читая в народе и не объявляя о его содержании — тотчас, на городской площади, сжечь чрез палача.

О чем для должного исполнения и публикуется. Генваря, 20 дня 1774 г.»

Есть в рукописи документы из церковных архивов. Многие взяты из Пермского духовного правления. Вот один из них:

«Указ из Вятской духовной консистории от 18 апреля 1774 года за № 797 Пермскому духовному правлению о том, что Пугачев корпусом князя Голицына разбит 2 апреля при Каргалинской слободе и что он спасся бегством в Причестенской крепости».

Конечно, это выборочное цитирование рукописи. Невозможно огромный труд изложить в нескольких словах. Думается, пора издать «Пугачевские страницы» Шишонко. Этим самым будет исправлена ошибка, которой более 120 лет...

г. Челябинск

О КОМ РАССКАЗЫВАЕТ ПАННО

**Владимир ПОПУГАЙЛО, врач,
Юрий СОРКИН, педагог**

В центре Нижнего Тагила стоит здание, украшенное шестиколонным портиком с фронтоном. Сейчас здесь поликлиника 2-й горбольницы. Построено здание в 1828 году по распоряжению горнозаводчика Н. Н. Демидова для заводского госпиталя. Проектировал его крепостной архитектор А. П. Чеботарев при участии врача О. И. Нехведовича. Здание многократно перестраивалось, но внешний его облик сохранился до наших дней. Родовой герб Демидовых на фронтоном в 1930 году был заменен гербом РСФСР.

В 1971 году на стене лестничной клетки между первым и вторым этажами появилось большое красочное панно, выполненное художниками М. В. Дистергефтом и Е. В. Седухиным. На нем изображены фасад заводского госпиталя в его первоначальном виде и портреты врачей.

Кто они и чем заслужили такую честь?

Онуфрий Игнатьевич Нехведович (1786—?) был первым главным врачом госпиталя, организатором медицинской помощи населению в пору ее становления на нижнетагильском заводе Демидовых. Художники не нашли его портрета, и поэтому он изображен условно, в полуобороте. Произвольно поставлены и инициалы врача — Д. Р. Настоящие имя и отчество Нехведовича нам удалось установить по штатным спискам служащих нижнетагильских заводов за 1825—1830 годы. В старой книге Л. Ф. Змеева «Русские врачи-писатели» читаем: «Нехведович Онуфрий окончил медицинский факультет Виленского университета, в 1811 году ему присвоена степень магистра медицины и в мае того же года он защитил диссертацию на степень доктора медицины. Его назначают врачом на Гороблагодатских заводах, а в 1814 году он уже инспектор Гороблагодатских госпиталей. С 1820 по 1838 г. Нехведович работает врачом Нижнетагильских заводов».

Петр Васильевич Рудановский (1829—1888) — выдающийся деятель медицины Среднего Урала второй половины XIX столетия. После окончания Казанского университета с 1859 года до конца жизни он работал в нижнетагильском госпитале главным медиком демидовских заводов. Был терапевтом, офтальмологом. Исследования по анатомии, микроскопическому строению (гистологии) нервной системы и усовершенствованию хирургии глаза принесли ему известность в медицинском мире. Рудановский был удостоен Почетного диплома Парижской академии наук (1869), степени доктора медицины без защиты диссертации (1875), премии имени А. А. Рклицкого Петербургской Академии наук (1880). При больнице он создал прекрасные музей и библиотеку, открыл фельдшерскую школу, возглавил созданный им санитарный комитет Верхотурского уезда — одну из первых и лучших санитарных организаций в России в XIX веке.

Петр Васильевич Кузнецкий (1844—1912) — выдающийся земский врач, хирург. 40 с лишним лет служил врачом Верхотурского земства в Нижнем Тагиле. По его плану и под его наблюдением в 1884 году построена земская больница на 30 коек. За 25 лет он выполнил около четырех тысяч сложных операций. Одним из первых в России начал делать овариотомии (сложные полостные операции), став известным не только среди соотечественников, но и в Западной Европе. Он первым в мире ввел спирт как обеззараживающее средство при операциях, применил при

открытых переломах камфорный спирт в сочетании с герметической гипсовой повязкой. На русско-турецком фронте возглавил «Выдвижной госпиталь верхотурского комитета помощи раненым», оснащенный на средства тагильчан.

Сергей Александрович Боташев (1892—1953) — опытный хирург, уроженец Нижнего Тагила, врач-ординатор Верхотурского земства.

Во время гражданской войны Боташев работал в военных госпиталях, а возвратившись домой, заведовал хирургическим отделением 2-й горбольницы. В 1934 году он организовал и возглавил пункт переливания крови. В годы Великой Отечественной войны — ведущий хирург эвакогоспиталя № 2550, а затем хирург-консультант Управления эвакогоспиталей при Свердловском облздравотделе. После войны — главный хирург Нижнего Тагила.

С. А. Боташев опубликовал ряд научных работ, а как врач провел свыше десяти тысяч операций.

Арон Григорьевич Стерн (1902—1941) — хирург с основательной клинической подготовкой. По его инициативе в городе открыто травматологическое отделение. Особенно удавались ему пластические операции с применением местного обезболивания.

Лидия Павловна Кипарисова (1903—1960) — заслуженный врач РСФСР. С 1938 года и до конца жизни работала в Нижнем Тагиле: акушером-гинекологом, главным акушером-гинекологом города, а в годы войны — главным хирургом города и заведующей станцией переливания крови. В эти же годы она сама 39 раз сдавала кровь в качестве донора.

Летом 1944 года она удачно провела первую в городе и области операцию по ушиванию раны сердца.

Лидия Павловна оставила несколько научных работ по вопросам хирургического лечения язвы желудка и переливания крови.

К этому следует добавить, что здание бывшего госпиталя демидовских времен взято под охрану государством как памятник истории и архитектуры.

г. Свердловск

ВИНОКУРЕНИЕ И «КОШКИ»

Вячеслав СОФРОНОВ, краевед

И в старину государство вело непрестанную борьбу с самогонварением. Тогда этот процесс назывался «винокурение». Несмотря на строгость мер, оно имело место даже в центре Тобольска. Один из случаев был обнаружен в апреле 1742 года в связи с пожаром вблизи дома губернатора А. И. Шипова.

Полицией мастер Булатов доносил губернатору: «Понеже сего апреля против десятого числа, пополуночи 3 часу учинился пожар в Тобольске на верхнем посаде близ казенного губернаторского дому, у тобольского служащего прядильщика Ивана Логинова от самовольного винного курения, а объявила о том его жена Ирина дочь Ивана под кошками, что де курили оное вино для наступающего праздника святой Пасхи, которого винокуреного вина и сбыскано в бочонке с небольшим четверть ведра. И в выше показанном от Вас что соблаговолено будет?»

Чем были наказаны виновные в тайном винокурении, о том документы умалчивают. Следует, однако, заметить, что упомянутые «кошки» — это металлические крючья, на которые вешали за ребро допрашиваемых или наказуемых.

г. Тобольск

РОЛИ ИСПОЛНЯЛИ...

Михаил РЕШЕТНИКОВ

...Старые, старые куски киноленты с кадрами полувековой давности. Толпы народа, Владимир Ильич Ленин на броневике... Зимний дворец. Матросы, солдаты с винтовками и гранатами, устремленные на штурм. А вот широкая дворцовая лестница, устланная мягким ковром, и поднимающийся по ней человек в защитного цвета френче, в английских крагах и в фуражке без кокарды. Вот он же на площади перед Зимним дворцом произносит бесконечную нервную речь. Потом на фоне дворцовой роскоши одряхлевшей империи он же стоит у телефона — усталый, тревожный, опустошенный. Это — Керенский, глава Временного правительства, главоверх, как он сам называл себя, калиф на час, бесславно бежавший за границу, когда исторический залп «Авроры» возвестил победу Великой Октябрьской социалистической революции... Наконец — афиша, пожелтевшая от времени, с названием фильма «Октябрь», и дата: 14 марта 1928 года — день выхода юбилейной картины на экраны страны.

...Мы сидим в небольшой светлой комнате в квартире Николая Александровича Попова в Кирове и рассматриваем эти старые реликвии.

— Сравните-ка вот этот портрет Керенского из «Нивы» с такой фотокарточкой. Есть какое-нибудь сходство? — спрашивает он меня.

— Очень похоже, — отзывается я. — Откуда у вас эта фотография Керенского?

— А разве вы не узнаете меня в роли главоверха на кадрах?

— Вас? — удивляюсь я. И начинаю пристальней вглядываться в черты лица и фигуру изображенного на фотокарточке человека. Да, конечно, это он...

Я звал Николая Александровича Попова в юности, когда он был студентом Вятского педагогического института в начале 20-х годов. Мы раскланивались с ним при встречах, иногда перебрасывались двумя-тремя фразами и — все. Вскоре он куда-то исчез с моего горизонта, и лишь через 40 с лишним лет я встретился с ним в Кирове — уже седоусым, импозантным стариком, и мы подружились на этот раз.

— Расскажите же, — тормозил я его при первой после долгих лет встрече, — как случилось, что вы стали участником знаменитого фильма? Ведь его создавали такие знаменитые кинорежиссеры, как Сергей Эйзенштейн и Григорий Александров, кинооператор Эдуард Тиссэ.

И Николай Александрович посвятил меня в некоторые подробности.

...Весной 1926 года в советской печати заговорили о создании тогда еще немого исторического фильма, посвященного приближавшейся 10-й годовщине Великой Октябрьской революции. В 1962 году Григорий Васильевич Александров (наш с Н. А. Поповым ровесник) рассказал корреспонденту «Известий» историю этого фильма о революции.

«Летом 1926 года в зал заседаний Совнаркома были приглашены Сергей Эйзенштейн и я. Здесь находились М. И. Калинин и Н. И. Подвойский, бывший в октябре 1917 года председателем Военно-революционного комитета в Петрограде. Михаил Иванович показал нам книгу: Джон Рид «Десять дней, которые потрясли мир».

— Владимир Ильич хотел, чтобы вы создали фильм такого рода, как эта книга, — подчеркнул Михаил Иванович.

В качестве консультанта назначили к нам Подвойского. Горячее участие в дальнейшей работе по созданию фильма приняли Н. К. Крупская и М. И. Ульянова, а также многие другие непосредственные участники Октябрьского переворота, которые различными штрихами потом дополнили то, чего не мог увидеть Джон Рид. Для участия в фильме ленинградские райкомы партии и комсомола подобрали тысячи ленинградцев, главным образом для эпизодов о взятии штурмом Зимнего дворца. Участвовал в картине и Подвойский, игравший самого себя».

Созданная по этому случаю агитрелигиозная комиссия при Президиуме ВЦИК в марте 1927 года утвердила сценарий режиссеров С. Эйзенштейна и Г. Александрова, и в апреле того же года в Ленинграде начались съемки.

Н. А. Попов в те годы учился на кинофакультете Ленинградского института истории искусств. Как-то студенты пригласили прогрессившего уже тогда постановкой фильма «Броненосец «Потемкин» молодого кинорежиссера Сергея Михайловича Эйзенштейна прочесть у них в институте лекцию о современном искусстве кино.

— После лекции, — рассказывает Попов, — я попросил Эйзенштейна принять меня в съемочную группу для прохождения практики по учебному плану института. Сергей Михайлович предложил прийти к нему дней через семь — десять. Так завязывалось мое знакомство с талантливым кинорежиссером.

Ежедневно бывая на кинофабрике, Н. А. Попов знал, что режиссеры и постановщики «Октября» заняты поиском типажей для исполнения ролей В. И. Ленина и Керенского.

Однажды, придя туда, он был поражен сходством с В. И. Лениным человека, сидевшего в вестибюле. Ему рассказали, что это новоросийский судовой механик Никандров, которого Эйзенштейн готовит на роль В. И. Ленина в кинофильме «Октябрь», и что его уже показывали Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой, и они одобрили типаж. А на роль Керенского человек пока не найден.

— И вот тогда у меня возникла дерзкая мысль, — продолжает Николай Александрович, — не смогу ли я сыграть Керенского?

Николай Александрович отправился в парикмахерскую и сделал себе прическу под Керенского, навел легкий грим, густо нанудрил нос, чтобы он при съемке вышел толще. Проределав все эти операции с лицом, попросил своего брата сфотографировать его при разном освещении и в различных ракурсах. Один из снимков оказался очень удачным.

Но тут произошло одно обстоятельство, впоследствии смутившее предприимчивого актера. Забывший на минутку к Попову товарищ по институту был поражен сходством фотографии с портретом Керенского, незаметно стащил один из снимков и в тот же день отвез его Эйзенштейну. А через несколько дней и Николай Александрович Попов поехал к знаменитому кинорежиссеру, чтобы, как было условлено, окончательно договориться о своей практике. На всякий случай захватил с собой и наиболее удавшиеся снимки «под Керенского».

— Сергей Михайлович,— рассказывает дальше Попов,— принял меня в своем номере гостиницы очень радушно. Поговорив с ним о прохождении практики, я как бы мимоходом задал ему вопрос — найден ли артист на роль Керенского? Эйзенштейн выдвинул ящик письменного стола и показал мне мою же фотографию. Я был изумлен: откуда и как она могла попасть к нему? Эйзенштейн сказал, что снимок привез ему один студент. Типаж, по его мнению, был превосходен. Но вся беда в том, что студент не оставил адреса изображенного на снимке человека...

Тогда я вынул из кармана пиджака свой снимок и протянул его Сергею Михайловичу. Он обрадованно воскликнул: «Значит, вы его тоже знаете? Вам известен его адрес?» Это восклицание придало мне смелости настолько, что я не раздумывая заявил: «Сергей Михайлович! Типаж Керенского перед вами, это — я!» Эйзенштейн сначала уставился на меня, потом долго вглядывался в мою фотографию, достал из ящика стола еще какие-то снимки, должно быть, самого Керенского, и некоторое время внимательно их рассматривал.

В это время в номер вошли режиссер-постановщик Григорий Васильевич Александров и кинооператор Эдуард Казимирович Тиссэ.

— Посмотрите, наш Керенский нашелся! — обратился к ним Эйзенштейн и добавил: — Правда, молодцоват.

— Да и художав немного, и как будто выше ростом. Но это все в наших руках, — ответил ему, посмотрев на Попова, Александров. — А чтобы нижняя часть лица и скулы стали шире, вы положите за щеки по овальному срезу яблока.

— Кое-что сделаем и светом, — добавил Тиссэ...

Я спросил Николая Александровича:

— Вероятно, вы много и напряженно работали над образом вашего персонажа?

— Наоборот, почти совсем не работал ни сам лично, ни тем более с режиссером, — ответил он. — Я только тщательно изучил по литературным источникам повадки главковерха и манеру держать себя с людьми да придал им несколько сатирический характер. Эйзенштейн сказал мне, что мечтой Керенского, по его глубокому убеждению, было восхождение к вершинам славы. В фильме это образно представлено в аллегорической сцене бесконечного восхождения главковерха по дворцовой лестнице в Зимнем, с одной остановкой в середине, когда он поднимает голову и смотрит на фигуру, установленную на верхней площадке, на фигуру с венком на голове. Там его ожидают генералы и двое адъютантов. Сцена эта занимает почти целую часть фильма.

Эйзенштейн одобрил мою манеру держать правую руку за бортом кителя, левую сзади, за спиной. И лишь по рекомендации слегка поигрывать пальцами этой руки, когда он нетерпеливо ожидает чего-либо, например, торжественного открытия дверей в анфиладу дворцовых покоев... Не надо забывать того, что кино еще было «великим немым» — не озвучивалось.

Фильм (или как тогда произносили — фильма) снимался С. Эйзенштейном по его новому методу. Характеризуя его в статье, опубликованной в сборнике «За большое киноискусство», он писал: «Основной задачей было по возможности не преобразовывать художественно и не воссоздавать, а «демонстрировать» того человека, которого на экране представляем».

Таким образом, от типажа, то есть от внешне похожего на изображаемую личность исполнителя, не требовалось актерского искусства. И чем меньше он играл, тем считалось лучше. Это был театр без актера.

— Именно поэтому, — рассказывает дальше Н. А. Попов, — съемки шли без репетиций и дублей. Вначале это меня очень смущало, но я скоро привык. Мелкие недостатки выправлялись режиссерами за монтажным столом... Вот так я и стал участником исторического фильма «Октябрь».

Фильм снимался в лихорадочном темпе. Сергей Эйзенштейн записал в своем дневнике 18 июня 1927 года:

«Работаем по тридцать часов подряд. Смертельно устаем. Отдыхаем по очереди. Спланирую сцену и засыпаю... Александров, установив свет, засыпает у какой-нибудь семсотки. Эдуард с сиянком от объектива должен героически напрягаться, чтобы в сотый раз усталым глазом наводять фокус...»

В фильме приняли участие свыше тысячи человек, в том числе многие непосредственные участники Октябрьского переворота: красногвардейцы и их командиры, штурмовавшие Зимний, часовые, которые в октябре 17-го года охраняли Смольный и кабинеты В. И. Ленина... Сигнал к штурму Зимнего дворца во время съемок фильма подал тот самый матрос, который подавал его и в историческую октябрьскую ночь. Сам крейсер «Аврора» подошел по Неве тем самым путем, которым он прошел только единственный раз в октябре 1917 года. Исполнил роль Керенского, Н. А. Попов выезжал на той самой автомашине, на которой удирает от народного гнева главковерх в октябре 1917 года.

В дневнике 13 июня 1927 года С. Эйзенштейн записал:

«Объезжали районы узнать настроения рабочих — вчера были проведены собрания по предпрятиям с призывом участвовать в картине. Вечером оказалось, что по разверстке губкома явились все.

Когда для съемки нужно было восстановить «голодные» очереди у лавок, пришлось из больниц вывести женщин, страдающих туберкулезом, но вот истощенных детей так и не нашли».

Фильм снимался весной. Ленинградская весна в тот год запоздала, и деревья стояли голые, как осенью, шли непрерывные дожди. Это способствовало созданию в картине того октябрьского колорита, который составлял ее фон. Чтобы усилить правдоподобие, к месту съемок было подвезено 12 или 13 возов прошлогодних осенних листьев из скверов и Таврического сада. Пол в Смольном усыпали окурками, собранными в разных клубах города. В Смольном пришлось временно снять памятник К. Марксу и на фронтоне здания заменить серп и молот двуглавым орлом.

Облик Ленинграда за 10 лет, то есть к моменту съемок, мало изменился по сравнению с тем, каким он был в октябре 1917 года. Зимний дворец еще не был реконструирован и сохранял тот же кроваво-багровый цвет окраски, какой был при царе. Еще оставалась покрытой булыжником Дворцовая площадь, а на Невском сохранилась торцовая мостовая. Но пришлось привезти десятки возов дров, чтобы восстановить штабеля Зимнего дворца.

Фильм «Октябрь» обошел все экраны не только нашей страны, но и зарубежные. И тут и там он произвел большое впечатление. Французская газета «Монд» писала: «Это песня, это поэма, эпопея, заснятая на пленку...»

Кинофильм «Октябрь» стал подлинным событием в истории нашей отечественной кинематографии. О нем чрезвычайно положительно отзывались Луначарский, Крупская, режиссеры Козинцев, Пудовкин, Трауберг, Леон Муссиак. Надежда Константиновна Крупская писала в газете «Кино» (№ 12 за 1928 год): «Чувствуется при просмотре фильма «Октябрь», что зародилось у нас, оформляется уже новое искусство — искусство, отражающее жизнь масс, их переживания... Фильм «Октябрь» — кусок этого искусства будущего, в нем много прекрасного». А В. Луначарский назвал фильм «Октябрь» «киноэпопеей о Революции».

Негатива фильма не сохранилось. К 50-летию Октября все-таки удалось по отдельным кадрам, сохранившимся в Госфильмофонде, по эскизам Эйзенштейна, которые нашлись в Центральном архиве литературы и искусства, и по сценарным рукописям Г. В. Александрова, восстановить копию фильма и озвучить его музыкально и дикторским текстом, и он вновь появился на экранах. Новая редакция «Октября» создана была на киностудии «Мосфильм» под руководством старого постановщика первоначального варианта Григория Васильевича Александрова.

ДА, ЭТО БЫЛО...

Записки политзаключенного

В начале лета 1938 года меня в последний раз перевезли из городской тюрьмы и поместили в так называемую КПЗ (камера предварительного заключения) в подвале под областным управлением милиции. Здесь, по-видимому, когда-то краткосрочно помещались уголовники. В период массовых арестов 1937—1938 годов КПЗ была филиалом внутренней тюрьмы НКВД. Непригодный подвал затоплялся ливневыми водами.

Когда мы заселили камеру, на койке, которая досталась мне, лежал матрац, середина которого была пропитана кровью. Пришлось перевернуть его. У дверей камеры около плинтуса обнаружили запись: «Погибаем от пыток. Палачи Гайда, Мизрах, Парушкин, Варшавский. Группа комсомольцев». По верху филенки на полутораметровой высоте азбукой Морзе сообщалось, что сидел здесь уполномоченный НКВД по Нижнему Тагилу.

Разговорился с В. В. Каоугалем, начальником ОКСа областного управления НКВД. Как строитель он хорошо знал расположение подвала КПЗ. По его объяснению, в подвале вдоль проспекта Ленина имеется несколько комнат, в том числе прокурорская, где приводятся в исполнение смертные приговоры.

Товарищем по заключению оказался и главный инженер Главэнерго, бывший главный инженер Уралэнерго Ладогин. Бывалый матрос, участник гражданской войны, член ВКП(б) с 1917 года, он стал талантливым инженером. Арестовали его в Москве и привезли в Свердловск. Путем всяческих ухищрений следователь убедил его, что дело не в нем, а нужно сфабриковать материалы так, чтобы можно было предъявить английскому правительству неоспоримые данные о их шпионской деятельности против Советского Союза (Ладогин был в длительной командировке в Англии). Как мог такой умный, эрудированный коммунист хотя бы на время поверить явной чепухе, но поверил. Несколько дней Ладогин и следователь дружно фабриковали протокол допроса о шпионской деятельности. Следователь составлял, а Ладогин исправлял, чтобы материал выглядел правдоподобней. В разгар согласованной работы Ладогина вдруг перестали вызывать к следователю. У него наступило прояснение. А в августе 1938 года Ладогина пропустили через выездную сессию Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Председатель сессии Зарянов не стал слушать его объяснений, а закричал: «Уведите от меня этого шпиона!»

Окончание. Начало см. № 8.

Четвертым сокамерником был юрист, член Московской коллегии защитников. В Свердловске не работал и даже не приезжал. Очевидно, Свердловское управление НКВД помогало московским коллегам обрабатывать тех, кто был намечен для репрессий. Юрист рассказывал, что ехал из Москвы в одном арестантском вагоне с авиаинструктором Туполевым. Туполева провезли дальше в Сибирь.

Пятый — работник треста «Уралцветмет», хозяйственник. И, наконец, шестой — Тююшев, рабочий Верх-Нейвинского завода. Типичный уральский рабочий, сохранивший старинный уральский говор, бесхитростный труженик. Бессмысленность его ареста поражала. О причинах ареста сам он объяснял так. В Невьянском районном управлении НКВД работал его племянник, с которым у него были какие-то имущественные споры. Племянник грозил «упечь» дядю. Тююшев — инвалид первой мировой войны. Оба большие пальцы рук прошиты пулеметными пулями и торчали в разные стороны. В Невьянке над ним издевались, заставляя часами стоять в углу. Однажды он не выдержал, снял брюки и опорожнился в кабинете следователя. Он часто вспоминал, что следователь обругал его так, как теперь «буржув называют». Мучительно долго вспоминал, как именно, но не мог. Однажды ночью вспомнил, разбудил соседа и сказал: «Следователь назвал меня «пашистом!». Это оскорбление он считал самым тяжелым.

Ночью с 8 на 9 августа 1938 года меня вызвали к Ерману. Когда проводили по нижнему этажу внутренней тюрьмы, я понял, что приступила к работе Военная Коллегия Верховного Суда СССР. Как и в январе 1938 года, на время ее работы обычный надзор тюрьмы осуществлялся работниками милиции старших званий (со шпалами в петлицах). Коридор застлан коврами, надзорные в мягкой обуви неслышно подходили к волчкам дверей, где сидели те, кто ждал осуждения.

Оказалось, что Военная Коллегия не удовлетворилась материалами моего дела, и Ерман решил провести очную ставку с главным геологом треста «Уралмедьруда» Аркадием Васильевичем Ефремовым, первооткрывателем крупного на Урале Лёвихинского месторождения. Я уже отмечал, что арестовали нас одновременно. В тюрьме мы с ним не встречались, но «тюремное радио» говорило, что он не поддается ни на какие провокации. Когда я вошел в кабинет, Ерман приказал мне сесть на стул при входе. На другой стороне комнаты за столом сидел Ерман, справа от него сотрудник, который вел протокол очной ставки, а слева — Ефремов. Ерман задавал вопросы Ефремову. Ответы меня поразили. Ефремов подтверждал, что был завербован Федораевым в контрреволюционную организацию в тресте «Уралмедьруда», и подробно рассказывал о своем участии в контрреволюционной организации. Однако на последний вопрос: «Что вам известно о контрреволюционной деятельности Афанасьева?» после некоторого замешательства сказал: «Я слышал от Федораева, что Афанасьев им завербован. Но я о какой-либо контрреволюционной деятельности Афанасьева ничего не знаю». Я в свою очередь категорически отверг предъявленные мне обвинения.

Под утро 9 августа в камеру вошел прокурор и вручил мне отпечатанное на машинке и никем не заверенное обвинительное заключение, из которого явствовало, по какой статье я предаюсь суду Военной

Коллегии. Когда я прочитал его, то понял, что эта ночь будет для меня последней. По натуре я не особенно храбрый человек, но мысль о близкой смерти не вызвала тяжелых переживаний. Я устал от такой жизни. Решил поспать и крепко заснул. Разбудил стук в дверь надзирателя. Он дал мне мешок с биркой, предложил сложить вещи, на бирке написать свою фамилию.

8 августа 1938 года — первый день выездной сессии. Я попал на второй день. Уже по пути, который я проделал «на суд» и обратно, я познакомился с техникой молниеносного рассмотрения дел Военной Коллегией. Из подвала КПЗ выводили очередного заключенного и заводили в дровяник против окна моей камеры, чтобы он не столкнулся с тем, кого уже вели с суда. Потом из дровяника заключенный перемещался в небольшую комнату рядом с помещением, где заседал суд. Под «зал заседания» отвели место у одного входа в здание областной милиции. Выходную дверь закрыли и наглухо задрапировали плотной материей. Спинай к задрапированному входу сидел состав Военной Коллегии: председательствующий Зарянов, справа военный с ромбами в морской форме и слева тоже военный с ромбами. С краю за небольшим столиком сидел секретарь в чине капитана. Справа от входа стояло ведро с кружкой, от которого резко пахло валерьянкой. Стояло несколько скамеек для «зрителей», роль которых выполнял следственный аппарат управления НКВД.

Когда меня ввели и остановили там, где полагалось, впереди лицом ко мне стоял конвоир. «Ел глазами». Второй конвоир находился сзади. Судебное следствие было молниеносным. Зарянов удостоверился, что я Афанасьев, и спросил, знаю ли, в чем меня обвиняют. Мой ответ: «Сегодня ночью получил никем не подписанный, напечатанный на пишущей машинке текст обвинительного заключения».

Зарянов: — Признаете ли себя виновным?

— Нет, не признаю.

— Что вы хотите от суда?

— У меня против партии и Советского государства никакой вины нет. Если признаете меня виновным, то уничтожьте. Исправляться мне не в чем.

Зарянов: — Учтем. Уведите.

Сейчас для меня непонятно мое стремление к смерти. Видимо, целый год бессмысленного нахождения в следственной тюрьме, да еще в тяжелейших условиях, породило такое состояние.

Меня увели в КПЗ. Камера с нарами без окна. Капитальная стена выходила на проспект Ленина. В камере находилось шесть заключенных, которые прошли судебное следствие. Среди них оказался Аркадий Васильевич Ефремов. Он со слезами бросился мне на шею и объяснил свое поведение на очной ставке. Целый год он стойко держался и не соглашался подписывать провокационные протоколы. Дня три назад он заявил Ерману, что ему все надоело, что он хочет умереть и согласен подписать все, что ему предлагают. На мой вопрос, действительно ли ему говорил Федораев о моей вербовке в контрреволюционную организацию, Ефремов ответил, что такого разговора у него с Федораевым никогда не было. Ерман его убедил, что такие показания будто бы дал сам Федораев.

Когда число прошедших «судебное следствие» достигло 10 человек, нас по одному стали выводить в зал суда для заслушивания приговора. Осужден-

ных к смерти уже никто не видел. Их уводили в подвал помещения, о котором говорил В. В. Каоугаль. Вход в подвал был выстлан коврами. Когда пришла моя очередь, меня быстро ввели в зал, и Зарянов приступил к оглашению приговора. Я признавался виновным по всем статьям обвинительного заключения. Мой слух уловил единственное фактическое обвинение: я так вел капитальное строительство на предприятиях треста, что вызвал пожары на рудниках. За весь год ни один следователь об этом и не заикнулся. Не было этого и в обвинительном заключении. А вот в приговоре этот «факт» оказался доказанным. Приговор: 12 лет тюремного заключения, 5 лет поражения в правах, конфискация имущества. При выходе из зала суда обвинительное заключение изъяли.

Ночью всех перевезли в городскую тюрьму. Поместили в камеру, которая была вспомогательным помещением и не имела в двери традиционного волчка. Стояли жаркие душные дни и ночи. Мы изнемогали в непроветриваемом помещении. Многие заболели. У меня вся спина покрылась сыпью (потница). Спали вповалку на полу.

Рядом со мной лежал М. К. Степанченко, с которым мы встретились вторично. Он спросил: «Кто это плакал и обнимал тебя в камере КПЗ?». Я ему рассказал о трагической гибели А. В. Ефремова. Был в числе осужденных к 12 годам тюремного заключения и главный инженер ОКСа Лёвихинского рудоуправления Труфанов. Познакомился с Володей Бубновым, бывшим секретарем Пермского горкома ВЛКСМ, которого и в тюрьме не покидала комсомольская жизнерадостность.

Началась отправка осужденных Военной Коллегией в стационарные тюрьмы. В сентябре 1938 года пришел и мой черед.

7 января 1969 года.

Еще один год разменял. В октябре 1968 года при обкоме ВЛКСМ создан совет ветеранов партии, комсомола, войн и труда. Мне поручено руководить секцией ветеранов труда. Общественная деятельность, включая выступления с докладами в молодежных организациях, отгоняет мысли о старости. А она идет. Никуда не деться. В связи с 50-летием комсомола ЦК ВЛКСМ наградил меня почетным юбилейным знаком.

В один из сентябрьских вечеров 1938 года в камеру явился конвой для этапирования оставшихся осужденных. Вызывали группами по 8—10 человек, проверяли по спискам и в военном фургоне увозили на железнодорожную станцию Свердловск, где и водворяли в арестантский вагон. Маневровый паровоз повел вагон на прицепку в хвост поезда Свердловск — Ленинград. Обитатели арестантского вагона между собой не общались. Купе закрывались плотным материалом, чтоб не было видно, кого проводят в уборную. При посадке снабдили хлебом и селедкой на все время пути.

На станции Званка вагон отцепили и только через сутки прицепили к мурманскому поезду. Куда нас везут? Степанченко работал в Мурманской области и безошибочно определил — на Соловки. И действительно, вагон по железнодорожной ветке подали на пристань Попов остров. После длительной стоянки заключенных погрузили на морской катер «Слон» (Соловецкий лагерь особого назначения).

Тяжело было проходить к катеру мимо стоящего

ДА, ЭТО БЫЛО...

ДА, ЭТО БЫЛО...

у пирса немецкого лесовоза с фашистской свастикой на борту. Команда глазела на нас, идущих под конвоем.

Часа два шел катер к Соловкам. Мрачные стены кремля наводили уныние. Холодный, сильный ветер мешал двигаться. Степанченко совсем обессилел и не мог идти. Пришлось взять его багаж.

Нас приняли сотрудники тюрьмы и почти сразу повели в баню. После мытья холодной водой выдали тюремную одежду. Объявили карантин. Недели через две-три он кончился, и мы со Степанченко расстались: нас разместили в разные камеры. Я попал в мезонин трехэтажного монастырского здания. Здесь была просторная монашеская келья с двумя окнами на залив, где приставали катера прибрежного плавания. Окна снаружи на всю высоту задраены деревянными «намордниками» с раструбами вверх. В камере помещалось 6 человек. Подобраны были осужденные Военной Коллегией из разных областей СССР, все с тюремными сроками на 12 лет. Мы тогда еще помнили свои обвинительные заключения и быстро выяснили, что тексты документов сфабрикованы по единому стандарту. Менялись только собственные имена, места проживания и работа.

Арестантская жизнь строго регламентирована. Подъем. Оправка. Завтрак. Получасовая прогулка в деревянных боксах. Обед. Ужин. Отбой. Пищу через «кормушку» в двери передавал надзиратель. Гимнастика запрещена. Книг почти не давали, хотя библиотека была. Одного из нас посадили в карцер за то, что он якобы через книгу пытался установить контакт с другими заключенными.

Связь с женой после декабря 1937 года у меня оборвалась. При опросе тюремной администрацией, с кем желаю переписываться, я указал свердловский адрес жены и воронежскую прописку тещи. Все сокамерники получили письма от родных и денежные переводы, а я — нет. Однажды, когда принимали заявку на продукты через тюремный ларек, я выписал «на ура», хотя меня не извещали о поступлении перевода. Рискнул попасть в карцер. Продукты неожиданно получил, а через день меня ввели в пустую камеру, где дали прочитать письмо от жены. Она сообщала, что в течение целого года через следователя Гайду посылала ежемесячные денежные переводы, отправила и сапоги, когда Гайда сказал, что мне они нужны. Первый денежный перевод я получил лишь через полгода. (Забегу вперед: Гайда был арестован в 1940 году. Сначала осужден к тюремному заключению на 10 лет, а потом расстрелян).

Соканерники со временем надоели один другому. Что было интересного у каждого, все уже знали. Начались бессмысленные ссоры. Тюремное безделье убивало все человеческое. У одного заключенного появились на спине болячки-струнья. Он длительное время вызывал врача. Наконец в форточке-кормушке появилась голова молодого человека, назвавшего себя доктором. Заболевшему было приказано стать у своей койки и снять рубашку. Молниеносный осмотр спины через форточку и резюме: «Помощь не нужна». Форточка захлопнулась.

...Наступила весна 1939 года. Из окна доносился голос кукушки. Детвора звенела по-весеннему. Открылась навигация. В бухте слышны гудки судов, поддерживающих связь острова с материком. Тюрем-

ное прозябание становилось все невыносимее. И вдруг началось что-то необычное. В коридоре послышалось движение, обычно заглушенные шаги надзора сменились громким топотом. Вскоре нас стали вызывать на медицинский осмотр. Мы терялись в догадках.

Однажды всех обитателей камеры повели в соседнее монастырское помещение, в обширную комнату, уже заполненную заключенными. В ней стояли железные кровати с постельными принадлежностями. От массы новых людей кружилась голова. Начались знакомства, разыскивались земляки. Станный вид был у людей в арестантском обмундировании. Ситцевые брюки имели желтые лампасы. На рубашках и бушлатах обшивались воротники и полы, а на спине бушлата что-то вроде бубнового туза. Многие объясняли, что желтые пятна — хорошая цель, если заключенный совершит побег.

Всех узников разбили на три смены. На острове начались круглосуточные земляные работы. Шло строительство аэродрома на берегу залива, делался дренаж вокруг зданий Соловецкого лагеря, сооружали фундаменты для какого-то большого здания на месте старого монастырского кладбища. После длительного безделья заключенные работали с большой энергией.

Те, кто трудился на берегу бухты, первыми увидели, что на рейде встало большое морское судно. Оно было для нас.

В солнечный день началась погрузка на лесовоз «Буденный». Чрево судна было приспособлено к перевозке людей: установлено шесть этажей деревянных нар по левому и правому бортам на всю высоту. В кормовой части уже находилось 400 заключенных-уголовников, которых погрузили в Архангельске. Всего арестантов было до трех тысяч. Мы со Степанченко разместились на четвертом этаже. Никаких постельных принадлежностей не полагалось. В Соловках выдали личные вещи. Они пригодились. Из вещей мы соорудили постели. Началось труднейшее морское путешествие совместно с судами Карской экспедиции 1939 года.

Спасательных средств на лесовозе не было. Позже ходили слухи, что когда началась Великая Отечественная война, «Буденный» торпедировала немецкая подводная лодка, и с живым грузом он ушел на дно. Мы дошли благополучно, хотя ох и тяжел был путь. На борту устроили небольшую будку — одноместную уборную. Круглые сутки здесь стояла очередь. Ведь ехал трехтысячный отряд, а во-вторых, подъем на палубу, на свежий воздух из затхлого трюма доставлял наслаждение. За несколько минут можно было окинуть взором неоглядные просторы моря с их тяжелыми, свинцовыми громадами волн. Иногда на горизонте появлялись шлейфы дымов судов Карской экспедиции.

Однажды лесовоз встал на якорь. Пополнялись запасы пресной воды и топлива. Недалеко стоял на якоре ледокол «Ленин». По палубе ходили люди, сушилось выстиранное белье. Тягостно было смотреть на эту картину нормальной человеческой жизни.

Среди заключенных организовалась группа активистов из более ловких и пронырливых. Командование лесовоза уполномочило их получать и распределять среди едущих хлеб, сахар и пр. До шторма на палубе готовилась горячая пища, а затем перешли на сухое питание. Мучительно не хватало воды. Ее опускали на веревке в ведре с верхней палубы. Уго-

ловники сосредотачивались на каком-либо этаже и перехватывали воду.

За время путешествия познакомился с товарищами по несчастью. В этапе не было крупных партийных и советских работников. По приговорам военных коллегий они остались навечно там, где их судили. Из сослуживцев по «Уралмедьруде» на лесовозе оказались В. М. Суворов, Р. М. Кац и Б. Б. Зеeman (все беспартийные специалисты). Работники свердловского облплана Истомин и Фукс ехали больными. По приезде в Дудинку Истомин умер, Фукс скончался позднее в Норильске. Румянцев из Магнитогорска также вскоре после приезда умер в Дудинке. Председатель одного из райисполкомов Свердловска Фоминых перед второй мировой войной был из Норильска вывезен в Свердловск, реабилитирован, но вскоре умер.

На восьмой день морского путешествия лесовоз бросил якорь против Дудинки. Береговой катер начал переброску прибывших на берег. Первыми вывезли уголовников, которые уходили отягощенные вещами, награбленными у узников. Мы со Степанченко переночевали последнюю ночь на нарах лесовоза. Утром 18 августа 1939 года и нас погрузили на открытые платформы узкоколейной железной дороги, которой тогда был связан Норильск с Дудинкой. На дорогу выдали по банке рыбных консервов, которые тут же были съедены.

Поезд двигался медленно, но, к счастью, погода была не холодная, что за 69-й параллелью редкость. Оказалось, что мы прогадали, попав в последний эшелон. Мы ехали в единственном составе, который не дошел до Норильска. Нас выгрузили в тундре километрах в восьми от города. На склоне горы Надежда виднелись лагерный пункт и объекты угольной штольни.

Начался тяжелый марш по мокрой, чавкающей под ногами тундре. Обессиленные обладатели багажа бросали его на дороге. Лишь бы самим добраться. Прибывших расселяли в земляные бараки, которые наскоро были построены. Зону еще не огородили колючей проволокой и обозначалась она колышками. Предупредили, что выход за «зону» считается побегом и оружие будет применяться без предупреждения. До нашего прибытия на «Надежде» уже была группа арестантов. Они встретили нас на правах старожилков. Меня, как горняка, потянуло на породный отвал, который отсыпался в зоне. На отвале встретился с двумя, судя по одежде, узниками. Один из них назвал меня по имени. Он оказался Сергеем Коноваловым, которого я когда-то знал, как окрвоенком из Ирбита. В момент ареста он был уже начальником Свердловского областного управления местами заключения. Второй тоже свердловчанин — Леонид Копуллер, заведовал хозяйственными делами Свердловского обкома партии и облисполкома. Обоих привезли из Полтавской тюрьмы.

Провели регистрацию прибывших. Не разобравшись, я записался у первого стола и ошибся — попал на общие работы по прокладке узкоколейной железной дороги от угольной штольни до рудного карьера. Как потом выяснилось, за следующим столом регистрировали для работы в самой угольной штольне. Подземная работа лучше во всех отношениях — не на пурге, не в холоде. Но было уже поздно. Земляные работы, отвозка грунта в тачке в условиях Заполярья была очень тяжела. Такой труд требовал уси-

ленного питания. После смены многие, и я в том числе, ходили на кухню помогать поварам-уголовникам чистить картошку, носить снег для таяния. Перепадал дополнительный кусок. Без этого выдержать было трудно. Тех, кто не выполнял норму, кормили «гарантией» — мизерным тюремным пайком. На «гарантии» люди скоро выбивались из сил и кончали моргом. Коновалов как-то сказал руководителям штольни, что чернорабочим на стройучастке работает горный инженер, те предприняли попытку взять меня в штольню, но воспротивился прораб-строитель — я числился одним из лучших рабочих.

Вспоминается первое утро выхода на работу. Еще не оправившись от изнурительного путешествия, все спали крепко. Вошел нарядчик из заключенных-уголовников. Приторно-слащавым голосом объявил: «Вставать пора! На работу, товарищи!» Все спят. Голос нарядчика загремел: «Вы что? Так вашу перетак... На курорт приехали? А ну живо! Марш из барака...» На верхних нарах остался лежать больной. Начальник конвоя, здоровенный верзила, поднялся к нему.

— Чего не встаешь?

— Болен.

— Есть разрешение медпункта?

— Не был у врача.

Верзила схватил больного, как пушинку, и бросил на пол. Бедняга вскочил и, качаясь из стороны в сторону, вышел из барака. Вскоре он умер.

Наш этап весь переболел дизентерией и куриной слепотой. Бани в зоне «Надежда» не было. В санитарный день водили мыться в Норильск. Связь с городом была скверная. Из зоны выходили при хорошей погоде, а когда спустились в норильскую впадину, там бушевала пурга. Пропускная способность бани была такая, что нас делили на три группы. Одна моется, две ждут на морозе. А когда мылась третья группа, то первые две замерзали на улице. Многие погибли от этой бани.

Первая заполярная зима показала себя. Страшные, черные пурги. Черные буквально. В двух-трех метрах ничего не видно. В последующие годы эту черноту как-то уже не замечали.

Часто заключенных выгоняли на расчистку железнодорожных путей. С горькой усмешкой читал я в «Молодом коммунисте» № 9 за 1968 год очерк В. Москалева о Норильске: «А. П. Завенягин... создавал комсомольские ударные бригады, которые пробивали траншеи в снегу, чтобы по ним мог пройти железнодорожный состав. В эти бригады шли все комсомольцы...» Если в бригадах и были комсомольцы, то бывшие, осужденные, реабилитированные лишь после 1953 года. Многие для снегозащиты железнодорожной колеи сделал заключенный инженер Попов, который изучил силу и направление ветров. По его расчетам были установлены постоянные и переносные щиты.

Однажды по трассе строящейся узкоколейки проходила группа начальствующего состава. В идущем позади я узнал горного инженера В. Н. Масленникова, с которым работал в Свердловске, в «Севгипроцветмете». Он узнал меня и пообещал устроить в проектное управление. Слово свое Масленников сдержал. Итак, я в Норильске. Когда перезнакомился с проектировщиками, то они оказались этапирован-

ДА, ЭТО БЫЛО...

ДА, ЭТО БЫЛО...

ными из разных тюрем, кроме Соловков, — из Орла, Полтавы, Казани, Мариинска, иркутского Александровского централа и других мест заключения. В 1939 году началось некоторое отрезвление. 1938 год промышленность и строительство закончили с плохими показателями. Требовались рабочие руки, чтобы исправить положение. Всех арестантов решили перевести в категорию лагерников. Крупные объекты строительства, которыми ведал НКВД, в 1939 году получили рабсилу из тюрем строгого режима. В первую очередь укомплектовали лагерь Колымы, Воркуты и Норильска.

28 января 1969 г.

Суровая нынче зима. Метеорологи говорят, что больше ста лет не было на Урале таких низких температур. В ноябре 1968 года температура по Свердловской области опускалась до минус 30—40 и даже до 50 градусов. Вот и январь 1969 похож на ноябрь 1968.

Состав заключенных Норильского лагеря — это необоснованно репрессированные в 1936—1938 годах. Бытовиков и рецидивистов-уголовников было процентов 25—30. К осужденным по 58-й статье они относились враждебно. Понимали вздорность обвинений в политических преступлениях, но злорадствовали: «Хорошо с вами разделались Сталин и Ежов!..»

Из идеологических врагов нашей партии в лагере я встретил лишь одного — бывшего анархиста Нахамкина. Он как был по своим убеждениям анархистом, так и остался.

Среди необоснованно репрессированных первое слово хочется сказать о профессоре Н. Н. Урванцеве, который разведал норильское месторождение. Товарищи по лагерю шутили над ним: «Николай Николаевич! Нельзя ли закрыть Норильск, а открыть где-нибудь поужнее?»

В отделе запуска проектов работали А. Гарри, Е. Дабкина, М. Нанейшвили со своим братом. Об Алексее Николаевиче Гарри хороший очерк написал репортер «Известий» Л. Кудреватых («Неделя» № 3, 19.1.1969): «В двадцатые и тридцатые годы имя Гарри стояло в первом ряду набирающей силу советской журналистики. Кольцов и Гарри!!! Перенеся все лишения тюрем и лагерей, Гарри дождался реабилитации. В газете «Известия» появилось сообщение: «20 мая 1960 г. скончался член Союза писателей, активный участник гражданской войны, кавалер двух орденов Красной Звезды А. Н. Гарри».

Елизавета Дабкина — член КПСС с 1917 года, участница гражданской войны, журналистка и писательница, секретарь Я. М. Свердлова, дочь известных большевиков-подпольщиков. После допросов Е. Дабкина потеряла слух, но не потеряла жизнелюбия и веры в лучшее будущее. После 1953 года она почти шепотом, как говорят глухие, вселяла во всех надежду: «Теперь скоро будем на свободе».

Мария Викторовна Нанейшвили, жена генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева, дочь старого большевика, секретаря Пермского окружного ВКП(б) Нанейшвили, держала себя в лагерных условиях достойно. Когда ее арестовали в Москве, то осталась беспризорной малолетняя дочь. Ее взяли на воспитание мужественные люди. В 1950—1951 годах, когда проходила новая волна арестов, вспомнили, что дочь Косарева подросла. Ее аресто-

вали и выслали в Красноярский край. Больших усилий стоило Марии Викторовне добиться, чтобы дочери разрешили отбывать ссылку в Норильске с матерью. Сейчас после реабилитации они живут в Москве.

Писатель Евгений Рябчиков тоже вкусил горького хлеба Норильска. О нем вспоминает авиаконструктор А. С. Яковлев в своей книге «Цель жизни». «Центральный аэроклуб стал одной из жертв «ежовщины». В связи с «делом» аэроклуба пострадал и сотрудник «Комсомольской правды» Евгений Рябчиков. Наши отношения с Женей Рябчиковым не ограничивались только служебными. В один из дней 1937 года он пригласил на свой день рождения. Собралось много журналистов, вечер прошел очень весело. Разошлись в первом часу ночи. В ту же ночь Женю арестовали как... врага народа». В конце войны Яковлев, тогда заместитель наркома авиационной промышленности, на приеме у Сталина встретился с одним из первых начальников строительства Норильского горно-металлургического комбината Завенягиным. Пользуясь хорошим настроением Сталина, Яковлев заговорил с Завенягиным о Рябчикове и попросил, если можно, пересмотреть его дело. Сталин обронил: «Посмотрите». Этого оказалось достаточно. Вскоре Рябчикова освободили.

Познакомился я с разбитым параличом грузином Мишей Амираджаби. Он — прокурор Закавказского военного округа. Когда начались необоснованные аресты среди военных, Амираджаби пытался воспользоваться правами прокурорского надзора для пресечения незаконных, но все было тщетно. Тогда он выехал в Москву. Его внимательно выслушали, пообещав дать соответствующие указания. Когда на обратном пути он выходил из вагона, то был тут же на вокзале арестован. Инвалида Амираджаби затем «списали» на «материк», но дальше Дудинки он не уехал — умер.

Иосиф Иванович Заплавский, начальник шахты «Центральное-Ирмино» (в Донбассе), организовал рекорды Алексея Стаханова по добыче угля, которые прогремели на весь Советский Союз. Стаханов и сейчас гремит, а Заплавский как «враг народа» отбывал срок в Норильском комбинате-лагере. Киностудия выпустила картину о вредительстве в Донбассе, в которой одной из колоритных фигур по вредительству и диверсии являлся Поплавский (читай Заплавский). Подходил к концу срок его приговора. Работал на угольной штольне «Каеркан» (на пути между Норильском и Дудинкой). Одну неделю не дождался И. И. Заплавский до конца срока. Умер от разрыва сердца.

Александр Иванович Мильчаков, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, блестящий оратор, талантливый журналист, реабилитации в 1954 году дождался в норильском лагере.

В Норильске я встретил и бывшего ректора Свердловского горного института Петра Яковлевича Ярутина, которого привезли из Полтавской тюрьмы. Его я уже упоминал: в августе 1937 года в Свердловской внутренней тюрьме НКВД в камере № 28 мне досталась постель, которую мне «сдал» Ярутин.

15 марта 1969 г.

Суровая зима на исходе. Стало теплее, но эпидемия азиатского гриппа свицепствует. Три раза начинал болеть. Лежал в постели. Кололи. Как будто прошла болезнь.

Выйдешь и — снова грипп. В начале марта ездил от обкома ВЛКСМ в командировку в Пышминский район (за Камышловом). Приехал и в третий раз слег. Давно не был в селах. Дышится легче. Приятно смотреть на деревянные дома с резными и ярко крашенными наличниками. Глаз радуется после бетонных и кирпичных стандартных строек.

22 июня 1941 года в проектном институте был нерабочий день. На территории второго лаготделения из динамика я услышал обращение Молотова в связи с нападением на Советский Союз гитлеровской Германии. Передача по лагерной трансляции была прервана. Несколько дней не работало радио. Все настороженно ждали развития событий: каким будет отношение к заключенным в связи с войной. Вспомнили 1937—1938 года, когда в лагерях работали «тройки» и «вносили исправления» в приговоры. Многие осужденные к тюремным и лагерным срокам решениями троек уничтожались. На Соловках называли гору Секирную, где проводились расстрелы, в Норильске — «Второй Норильск», в Дудинке — «акваторию Енисея».

Ждали провокаций. К счастью, события пошли по другому пути. Через несколько дней были восстановлены радиопередачи. Никаких секретов от заключенных о ходе военных событий не делалось. Отношение к нам стало даже человечнее. Среди заключенных началась массовая подача заявлений о направлении на фронт для защиты Родины. Все знали, что если и удовлетворят просьбу, то начинать боевую жизнь придется в штрафных батальонах. Лишь рецидивисты-уголовники оставались в стороне. Подавшие заявления прошли медицинские экспертные комиссии. Через некоторое время было объявлено, что на фронт пошлют, когда потребуются, а пока надо работать в норильском комбинате, обеспечивающем фронт оборонным металлом.

Известен случай, когда из Норильского лагеря по настоянию военкома отправили на фронт по их просьбе несколько заключенных, работавших в геологоразведочной партии на Нижней Тунгуске. Один из мобилизованных, ученый Гумилев, сын Анны Ахматовой, писал потом в Норильск, что он попал в Москву «через Берлин». Тюремная одиссея Льва Николаевича Гумилева на этом не закончилась. Он вновь был арестован. И еще в марте 1956 года об его освобождении ходатайствовали мать Анна Андреевна Ахматова и писатель Александр Алексеевич Фадеев. (Александр Фадеев. Письма 1916—1956 гг. «Советский писатель», Москва, 1967. Стр. 421. Письмо от 2 марта 1956 года «В. главную военную прокуратуру»).

Война меняла состав лагерного населения. Ежегодно с открытием навигации по Енисею привозили военнслужащих, осужденных военными трибуналами, и жителей оккупированных немцами районов (за связь с врагом). В те годы зачеты за добросовестную работу арестантов были отменены. А зря. Они ускорили бы строительство норильского комбината. Правда, два-три раза заключенным, занятым на инженерно-технических должностях и отличившимся на работе, сокращались сроки. За участие в проектировании горных объектов мне дважды снижали сроки — на полтора и на один год.

В феврале 1947 года меня вывели из-за проволоки. Срок закончен. Решил куда из Норильска

не выезжать, так как получил паспорт с ограничениями места жительства. Ограничения касались столиц республик, областных центров, крупных рабочих районов. Паспорт вроде «волчьего». Жене с двумя детьми я не советовал ехать в Заполярье. Она не стала слушать никаких доводов. Пришлось договориться с начальником проектного управления А. Е. Шарайко, чтоб ей послали вызов. В июле 1947 года Нина приехала, а с нею 12-летняя дочь Ира и 10-летний сын Боря, родившийся через десять дней после моего ареста, которого я еще не видел.

Жена, оставшаяся в свои 24 года «соломенной вдовой» с двумя детьми на руках, вела себя героически и в 34 года. Не задумываясь, поехала в Заполярье и не считала это подвигом. Она поступила работать старшим техником в проектное управление. Ребята стали учиться в школе. Вроде жизнь устраивалась.

После окончания войны режим в лагерях стал ужесточаться. Появились «каторжные командировки», в которые собирали всех заключенных, осужденных по 58-й статье и по воинским статьям. В основном в них были осужденные в военное время. На верхней одежде заключенных стали ставить номера. По приходе с работы узников закрывали в бараках на замок. Многих, осужденных в 1937 году и не закончивших срок наказания, отправляли досиживать в стационарные тюрьмы. Так, М. К. Степанченко перевели в Александровский централ под Иркутском. По окончании срока он снова приехал в Норильск, но уже как вольнонаемный.

Из проектного отдела меня перевели преподавателем специальных горных дисциплин в Норильский горно-металлургический техникум. В техникуме я встретился с очень интересным человеком — Н. М. Федоровским. Николай Михайлович член КПСС с 1904 года — крупный ученый-минеролог, член-корреспондент АН СССР. Он был одним из основателей Московской горной академии. По указанию Ленина Николай Михайлович ездил в Берлин для приобретения научной литературы, активно переписывался с Эйнштейном, дружил с А. Е. Ферсманом. Репрессировали Федоровского в 1937 году. В 1949—1950 годах преподавал в норильском горном техникуме. В 1950 году его отстранили от преподавания и поместили в режимный лагерь (горлаг). После реабилитации дочь увезла его, разбитого параличом, в Москву. В 1958 году «Правда» поместила траурное извещение ЦК КПСС о смерти Николая Михайловича.

Третьим начальником норильского комбината после А. А. Панюкова был инженер В. С. Зверев, выпускник Орджоникидзевого института. Как начальник он был деятельный, инициативный. Ожесточение режима шло, по-видимому, помимо него. Он был бессилен что-либо предпринять. Большую роль в жизни лагеря стал играть политотдел, который возглавлял Кузнецов, участник пьяных оргий. Ему было безразлично развитие комбината, лишь бы режим соблюдался. В 1950 году по указанию МВД было решено «очистить» комбинат от бывших заключенных-специалистов. Из нашего техникума всех преподавателей уволили, предложили покинуть территорию комбината. Жену, как специалиста, работающего в проектном отделе, оставили в Норильске.

Куда ехать с «волчьим» билетом-паспортом? С Е. К. Красницким мы решили вылететь самолетом

ДА, ЭТО БЫЛО...

ДА, ЭТО БЫЛО...

в Красноярск. Через 13 лет я впервые оставлял Заполярье. Первая остановка с ночевкой в Туруханске. Осенняя тайга после тундры казалась сказочным зрелищем. Полузабытый воробей выводил своим чириканьем столько рулад, что казался соловьем.

В объединении «Красноярскуголь» нам посоветовали ехать в трест «Канскуголь». Управляющий трестом Попов обрадовался притоку специалистов. Мне предложили работать старшим инженером-экономистом. Через месяц получил двухкомнатную квартиру. Но, к счастью, не успел вызвать семью. Как я и чувствовал, органы МВД играли с нами, как кошка с мышками.

В октябре 1950 года приехавшие специалисты стали исчезать. Однажды ко мне на работе подошел «некто» в штатском, попросил пройти в соседнюю комнату и предъявил ордер на арест. Пошли на квартиру, я взял все, что могло пригодиться и... снова тюрьма. Внутренняя тюрьма Красноярского краевого управления госбезопасности.

Началась комедия с оформлением дела, состряпанного в 1937 году, дела, по которому я был осужден и уже отбыл срок. Нормы уголовно-процессуального кодекса, которые следовало выполнять в 1937 году, начали оформлять с большим усердием в 1950—1951 годах. В следственную комнату приходил военный прокурор в чине подполковника или полковника и в его присутствии предъявлялось обвинение. Стыдно было за этих прокуроров в больших чинах. В 1923 году и я был прокурором по первому Ленинскому декрету. А кем были они?

Дело вел следователь майор Борисов, человек неглупый, любящий советскую литературу. Он с большим удовольствием в своем кабинете вел разговор о творчестве Горького, об отдельных его произведениях. На мое недоумение по поводу новой судебной комедии Борисов отвечал, что на этот счет есть указания свыше. «Неужели вся ваша энергия уходит на это?» — спрашивал я. Через некоторое время, опять-таки в присутствии военного прокурора, мне было объявлено об окончании «следствия».

За время пребывания в тюрьмах, лагере и ссылке я встретил лишь в Красноярской тюрьме одного (только одного!) ренегата из арестованных в 1937 году. В момент ареста он, инженер-текстильщик из Москвы, имел билет коммуниста. Человек этот вращался в руководящих сферах. После тюремного заключения по приговору работал на канской текстильной фабрике. Каких только гнусностей не услышал я от него и по адресу компартии, и даже по адресу Ленина. Как он восхвалял буржуазный мир! И все только потому, что пострадал. Какое счастье, что такой выродок — редкое явление.

После длительного пребывания в тюрьме в марте 1951 года мне объявили постановление Особого совещания при МГБ СССР от 13 января 1951 года о ссылке в отдаленные районы без указания срока. Я попросил направить меня в Енисейск. Мне выдали проходное свидетельство и предложили добираться «своим ходом».

Денег на самолет нет. Ехать попутной грузовой машиной не мог — нет валенок. Даже шапку за сутки до ареста у меня украли. Зашел на знакомую квартиру, где встретил жену Красницкого — Екатерину Петровну. Она дала мне валенки и шапку, и я поехал

в Енисейск в кузове грузовой машины. Стояли сильные морозы. К тому же когда до Енисейска оставалось шесть километров, буран окончательно перемел дорогу. Чтобы не замерзнуть, я эти шесть километров одолел пешком. В гостинице под несколькими одеялами отогрелся и заснул. На другой день познакомился с одним ссыльным рабочим, который арендовал дом из двух комнат. Одну он сдал мне.

Оказалось, что устроиться ссыльному на работу было почти невозможно. Куда бы я ни обращался, в приеме отказывали. Настроение — хуже некуда. Когда выходил на берег Енисея, то появлялись мысли: не воспользоваться ли услугами проруби...

В коммендатуре, где ссыльные отмечались два раза в месяц, висел указ за подписью Молотова, что за побег или его попытку виновные подвергались тюремному заключению на срок до 25 лет. А побегом считался выход за околицу населенного пункта.

Но все же мне повезло. Я устроился в стройконтору № 1 норильского комбината, которая достраивала аэродромы на трассе Норильск — Красноярск. Стал мастером земляных работ на летном поле. Мое продвижение по службе было стремительным: вскоре старший мастер, а затем и старший прораб.

Проектный отдел комбината, узнав о моей судьбе, добился разрешения начальника комбината о моем возвращении в Норильск. Жена взяла отпуск и приехала с сыном в Енисейск, затем съездила в Красноярск, чтобы ускорить решение моего перевода в органах госбезопасности. Когда в сентябре 1951 года я наконец получил возможность выехать в Норильск, то до Дудинки шли уже последние пароходы. Мы с трудом сели на один из них, без места, спали на полу палубы. От Дудинки до Норильска ехали на открытой платформе узкоколейки. Дождь. Снег. Ветер. Холод. Жена в результате заболела экссудативным плевритом. Врач-рентгенолог Елена Васильевна Зеeman спасла ее от рокового конца.

1951—1953 годы я работал в проектной конторе комбината. Отношение к ссыльным ухудшалось. Ходили слухи, что они будут переведены на лагерное положение, а семьи выселят. Шла ставка на уничтожение остатков репрессированных в 1937—1938 годах. А необоснованные репрессии продолжались: «ленинградское дело», «дело врачей».

Март 1953 года. Из выступлений Молотова, Маленкова и Берии над гробом Сталина явствовало: надеяться на изменение политики необоснованных репрессий оснований нет. Амнистия 1953 года, выработанная Берией для уголовного элемента, не относилась к осужденным по 58-й статье. По стране прошла волна убийств, ограблений и прочих преступлений. Продолжалось это до тех пор, пока облагодетельствованные амнистией преступники вновь были осуждены.

За 15 лет после приговора Военной Коллегии десятки раз я обращался в Центральную военную прокуратуру, Военную Коллегию Верховного Суда СССР, к Генеральному прокурору СССР, в центральные партийные и советские органы с заявлением об отмене несправедливого приговора. Каждый раз получал стандартный ответ: «Оснований для пересмотра нет». Снова и снова я писал, приводя доводы, которые мне казались убедительными, но ответы не менялись. Во второй половине 1953 года написал длинную обоснованную жалобу, с указанием фактов,

которые должны выяснить органы суда и следствия, чтобы установить мою невиновность. И вот косвенным образом я узнаю, что по моей последней жалобе производится расследование. Допрашиваются те, на которых я ссылался. В 1954 году жена была в Москве, в Центральной военной прокуратуре, и там ей сказали, что по делу ведется расследование и можно надеяться на положительное решение. Военная прокуратура и тут оказалась неискренней: когда давали жене эту неопределенную справку, Военная Коллегия Верховного Суда СССР уже отменила приговор. Вот текст этого долгожданного акта: «Дело по обвинению Афанасьева Петра Михайловича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 25 августа 1954 года. Приговор Военной Коллегии от 9 августа 1938 года и Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 13 января 1951 года в отношении Афанасьева П. М. по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело за отсутствием состава преступления прекращено».

Потребовалось 17 лет, чтобы сказать, что в моих действиях не было состава преступления! Но и то — лучше поздно, чем никогда.

Послал заявление в ЦК КПСС о моем восстановлении в партии. Получил письмо с просьбой прибыть в Свердловский обком партии. Руководство комбината при содействии начальника главка А. А. Миронова оформило командировку для поездки на Урал.

Работник обкома рассказал, что он еле нашел материал о моем исключении из партии в Ленинском райкоме. Постановление датировано ноябрем 1937 года. Целых три месяца я сидел в тюрьме и числился членом партии. В декабре 1954 года я присутствовал на заседании бюро Свердловского обкома КПСС, решением которого восстановлен в рядах партии с прежним стажем.

Съездил на Дегтярку, в Левиху и на родину в Таватуй. Знакомые встречали, как выходца с того света. Бедная мама не дождалась моего возвращения...

Новый, 1955 год встречал в Норильске с женой. Ира училась в Ленинградском университете, Боря — в Ленинградском политехническом институте.

Изъятые при аресте в 1937 году партийные и советские документы и реликвии получить не удалось. Их уничтожили.

Май 1971 года.

После всех злоключений мы с женой уже более 15 лет живем в Свердловске. Стареем. Радует жизнь детей.

10 октября 1971 года стукнет 75 лет. К закату жизни годы мчатся с космической скоростью. Теперь дети, и Боря и Ира, оба кандидаты наук. Боре можно собирать материал для докторской диссертации. Что он, кажется, и делает.

Живем с женой сейчас в нормальных условиях: двухкомнатная благоустроенная квартира. Было бы здоровье. А друзей детства, просто хороших знакомых становится все меньше и меньше. Умер Анатолий Иванович Парамонов, член КПСС с 1907 года. Ушли из жизни Макаровы Владимир Иванович и Юлия Васильевна, друзья по норильским скитаниям. Умерла сестра Павла. Моложе меня на четыре года. Остались мы вдвоем с братом Алексеем. Он младше меня на 8 лет.

Период богат политическими событиями. В апреле 1970 года весь мир отмечал столетие со дня рождения В. И. Ленина. Даже враги мало злобствовали.

24-й съезд КПСС подтвердил, что ленинизм является основой движения вперед к коммунистическому обществу. Не оправдались слухи, что будет «реабилитирован» Сталин. К преступному прошлому возврата нет.

В октябре 1971 года на торжественном собрании в институте «Унипромедь» коммунисты, сотрудники отмечали 75-летие П. М. Афанасьева. Говорили много хорошего. А одно короткое выступление коснулось сердца каждого. Поднялся невысокий седой человек.

— Мы вместе были в Норильске много лет. Его постоянно выбирали старшим среди коллег-заключенных. Потому что не было среди нас честнее и прямее человека... А вы представляете, что такое быть старшим в лагере?..

Он хотел сказать еще что-то, но не смог. Сел, опустив голову, чтобы окружающие не видели слез. Это был бывший ректор горного института П. Я. Ярутин.

О революции, о первых годах Советской власти и рождении комсомола, об индустриализации, о партии рассказывал П. М. Афанасьев молодежи. Он любил бывать среди тех, кому строить будущее. И никто из слушателей не представлял, что Петр Михайлович пострадал в годы сталинизма. Записки помогут восполнить пробел, понять, как это было с Афанасьевым, с другими преданными партии и Родине людьми, подвергшимся репрессиям. Да, это было.

Петр Михайлович один из немногих, кто за большую работу по коммунистическому воспитанию молодежи занесен в областную книгу «Ветеранов-активистов» Свердловского обкома ВЛКСМ.

В 1980 году его не стало.

Публикацию подготовили
Н. М. АФАНАСЬЕВА и А. Г. ШЕМЕТИЛО

ТТМ—это театр творческой молодежи.
 Адрес: г. Чебоксары, Дворец культуры «Салют».
 Возраст: от 15 до 18 лет.
 Первый сезон — 1982—1983 гг.

За спектакль по пьесе Энна Ватемаа «Ужин на пятерых» удостоен звания лауреата второго всесоюзного фестиваля народного творчества.
 Режиссер театра Василий Гуляев несколько раз вынужден был

менять место работы, и вместе с ним перебирался и театр. Ребята пытаются искать ответы на сложные вопросы, над которыми, по мнению многих педагогов и работников культуры, и задумываться-то не следует. Так ли это?

«В ОБЩЕНИИ С ВНУТРЕННИМ БОГОМ...»

Счастлив тот, кто не задумывается, зачем и как жить. Тот же, кто задался этим вопросом и не в силах ответить на него, испытывает что-то вроде болевого шока. Бесконечные жизненные неурядицы, хлопоты, суета — зачем все это? Привычный ответ — мы работаем на будущее, на потомков. Но ведь и они будут мучаться тем же вопросом. К чему продолжать этот порочный круг? Есть еще один ответ — живи ради жизни, радуйся ей. Но есть ли чему радоваться?

Я не беру те маленькие физиологические радости вроде возможности хорошо поесть, сладко поспать и т. д., ибо они не могут определять смысл существования (во всяком случае, моего). Увы, есть гораздо больше поводов для горечи. Это жестокость и несправедливость в отношениях между людьми, черствость, бездушие, подлость. А если ты ежедневно сталкиваешься с этими явлениями, если не находишь утешения даже дома, где не

можешь любить и уважать родителей, которых не выбирал? В чем искать источник сил? На что опереться, где найти утешение? Так человек, прошедший жизненный путь, достаточно большой, чтобы научиться делать выводы, и достаточно болезненный, чтобы усомниться в его нужности, приходит к своему Богу. Он может не называть его так, может не считать себя верующим, но в мольбах он будет обращаться к чему-то могущему, всепонимающему, способному изменить жизнь...

Не в силах свыкнуться с бесцельностью своего существования, с несоответствием своих мечтаний, идеалов реальности, человек может и должен надеяться на счастье в «финале». В этом — смысл жизни. Лишать его этой, пусть иллюзорной надежды — жестоко. Но в том-то и сила внутренней веры, что лишить ее никто не в силах.

В общении с внутренним Богом человек может взглянуть на жизнь и себя с новой точки, облегчить душу,

найти успокоение и очищение, обрести желание жить дальше, веру в предстоящее счастье.

Такой человек не может сознательно стать причиной страдания окружающих. Если сначала он просит перед Богом только за себя, то в дальнейшем он начинает молить за своих близких, а в конечном счете и за людей вообще.

Его мысленные устремления, нуждаясь в вещественном осуществлении, вынудят его начать действовать на благо себе и тем, за кого он обращался с мольбами к Богу. Это необходимо, чтобы не возникло страшного несоответствия между его верой во всемогущество своего защитника и неосуществлением направленных к нему просьб.

Он как бы помогает своей практикой исполнить мольбы, обращенные к Богу. Своему же Богу помогает. Следовательно — не в себя уходит, а активно участвует в жизни.

И вот мы имеем социально активную, думающую, чуткую личность, несмотря на эпоху всесоюзного атеизма.

Чем вам не нравится такая религия?

МАРКИЗ, 16 лет

Дважды два — четыре?

Ольга ЩЕРБИНИНА

Дорогой «Маркиз»!

Мне симпатичны твои духовные поиски; кроме того, для определенной части молодежи можно говорить об их типичности. Но причина этих поисков не «всесоюзный атеизм», как ты выражаешься, а наоборот — незнание атеизма, вульгарный к нему подход. Ибо истинный атеизм, научный, способен дать духу богатую пищу. И самое главное — уберечь душу от закабаления другими догмами, уже не церковными, но «вульгарно-атеистическими».

КАКОВ ЖЕ ОН — НАСТОЯЩИЙ АТЕИЗМ? КАКОВЫ ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С РЕЛИГИЕЙ? КАКОВЫ ЕГО ЗАДАЧИ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ? СВОЕ ПОНИМАНИЕ ЭТИХ ВОПРОСОВ МНЕ И ХОТЕЛОСЬ БЫ ОБОЗНАЧИТЬ.

Возле собора Александра Невского в Свердловске состоялся у меня однажды диалог:

— Ребята, перед вами памятник архитектуры русского классицизма...

— Зачем его сохранили? Бога-то нет! Вон космонавты взлетели в космос — и там никакого бога не видно.

— Не видно, значит, не существует? А как же закон тяготения? Его ведь тоже не видно, но он действует, не так ли?

Ребята в затруднении. Прихожу на помощь.

— Закон тяготения проявляется в явлениях объективных и видимых. Его можно наблюдать в падающем яблоке, этот всемирный закон. Верующие тоже видят, как они считают, проявления божества вокруг себя. Например, в приспособленности живых существ к среде обитания.

Так что «не видно» — еще не довод. И не стоит уподобляться тому «пропагандисту», которого сто лет назад едко высмеял Алексей Константинович Толстой в горькой и злой сатире «Поток-богатый»:

Там какой-то аптекарь, не то патриот

Пред толпою ученые проводит:

Что, мол, нету души, а одна только плоть

И что если и впрямь существует господь,

То он только есть вид кислорода,

Вся же суть в безначалье народа.

Словечко «аптекарь», кстати, стало презрительной кличкой и в романах Достоевского. Это для ограниченного, узко практического человека, признающего только то, что можно взвесить на точных весах и разложить по полочкам.

Но живой многообразный мир противится «полочкам», схемам. Понимать это нужно для выработки правильного мировоззрения, не примитивного, но достойного человека XX века, гордого величайшими открытиями в области человеческого духа.

Толстой и Достоевский, Акутагава и Камю, Блок и Верлен, Шостакович и... Но ведь одно только перечисленные гении нашего века заняло бы не одну страницу. Вот какой век! И работа атеистов сегодня — это упорная борьба против косности и стереотипов, против всяческих схем — за богатство и многообразие духовной жизни человека.

После диалога о «видимом» и «не видимом» ребята призадумались. Но не сдались. На этот раз атеистический аргумент был такой:

— Попы обманывали людей! Например, давали людям святую воду. А ведь знали, что это простая вода.

— Вопрос тоже не такой однозначный, как кажется. Попробуем разобраться.

Для каждого советского человека священной Красное знамя. Это символ нашей Родины, готовности отдать за нее кровь. На пионерах частицей знамени — красный галстук, и они берегут его как зеницу ока.

Теперь вообразите, что прилетает инопланетянин, который ничего про нас не знает. И вот он увидит, как вы любовно повязываете галстук вновь принятым пионерам, под музыку, с почестями. Он бы удивился: смотрит-ка, обыкновенному, выпущенному на фабрике куску материи поклоняются, как святыне!

А мы бы поняли, что на той планете так погрязли в технике, что утратили человеческие способности. Люди оттого и люди, что умеют видеть в материальных, быденных вещах высокий и прекрасный смысл. Именно поэтому люди создали поэзию, живопись, музыку. В отличие от животных, которые довольствуются тем, что непосредственно нужно им для проживания и продолжения рода.

В романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», в повести Чингиза Айтматова «Плаха» использованы символы смертной ноши, креста вовсе не ради мистики, а во имя утверждения великого идеала — способности человека жертвовать собой ради счастья других.

Да в сущности все значительные произведения искусства об одном — о высоком предназначении человека, его стремлении к истине. И выражено это может быть различными средствами: путем реалистического изображения повседневной жизни или через обращение к символам прошлых эпох.

...Вспоминаю экскурсию в Музей религии и атеизма в Казанском соборе в Ленинграде.

Экскурсовод в интереснейшем обзоре рассказывал о происхождении религии, ее различных течений. Поразительно: вот человек стал собственно человеком, научился отделять явления от их материальной оболочки (иначе говоря, понял, что существует не только то, что можно потрогать руками), но тут же пришел и к религии. Трагическое противоречие! С одной стороны — гигантский скачок, переход от непосредственных ощущений к способности обобщать, мыслить. С другой — стремление поклониться перед высшими силами, которое исторически оказалось связанным с закабалением мысли и духа...

Наша группа остановилась у витрины с парчовым облачением архиепископа и серебряными сосудами удивительно тонкой работы.

Посетитель из приезжих, лысоватый, с брюшком, с

«дипломатом», самодовольно и глумливо похихатывал, глядя на старинные реликвии. Он чувствовал себя неизмеримо выше невежественных предков, которые верили в распятого Христа.

Ну, этого мне не жалко! Но жаль ребят, которые смеются над собственными дедами и прадедами...

Мы, материалисты и атеисты, полагаем, что Христос не мог воскреснуть и на третий день явиться ученикам. Но значит ли это, что мы отбрасываем гуманистический смысл символов любви и самопожертвования, которые человечество выработало на протяжении столетий? Борясь с догматами религии, надо ли «с водой выплеснуть и ребенка»?

Да, евангельские эпизоды — легенды, а не история. Но разве мы настаиваем на историчности, допустим, подвигов Ильи Муромца? Попытки найти реальный прототип Ильи интересны, но чудо-богатырь ничуть не потускнеет, если останется созданием народного творчества. Разве мы не знаем, что Ромео и Джульетта, Гамлет, Витязь в тигровой шкуре, Рама и Сита — порождения гениального воображения? Общечеловеческие символы лучших духовных качеств.

Всякое сравнение хромает. И кто-нибудь вправе возразить, что ни Гамлета, ни Витязя в тигровой шкуре не использовали власть предрешающие для закабаления народа. Но тогда и спор надо вести не вокруг того, реальные или нет изображенные события, а о самой сути религиозных постулатов.

Однажды я присутствовала на обсуждении фильма «Скорбное бесчувствие» Александра Сокурова. Язык ленты сложный, многослойный, но автор расставляет повсюду зримые меты, надо только уметь смотреть. Вот Капитан хрипло кричит в темноту: «Балтасар! Балтасар!», намекая на известный библейский сюжет — Пир Балтасара. На пиру богатые и праздные, презревшие духовное назначение человека, вдруг видят на стене огненные письма: «Взвешено, отсчитано, отмерено». Дни их сочтены! Эта сцена — ключ к картине «Скорбное бесчувствие», хотя ассоциации шире: пир во время чумы, ковчег и т. д.

И вот на обсуждении встает очень довольный собой человек (духовный родной брат посетителя музея религии) и категорично изрекает:

— Какое же это искусство, если я ничего в фильме не понял?

— А кто виноват, что вы не поняли?

— А зачем намекать на сюжеты, которых простой человек не знает? (А он врач, между прочим).

— Но позвольте. Это же всемирно известные сюжеты. В Русском музее, в Эрмитаже висят шедевры — «Явление Христа народу», «Кающаяся Магдалина», тот же «Пир Балтасара» и сотни других. Это тоже не искусство?

Прибавьте сюда темы из Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, мессы Баха и литургии Чайковского...

А ведь именно так, с точки зрения «понятности простому народу» (кто-то когда-то решил, что так называемый «простой человек» — это человек невежественный), судили ретивые администраторы, запрещая романы, фильмы, живописные полотна.

Что же в атеистической пропаганде выдвигается сегодня на первый план?

Наш день замечателен углубленным пониманием свободы и демократии. И очень важны, мне думается, проблемы свободы воли в атеистических и религиозных учениях.

То, как религии были приспособлены господствующими классами для подавления свободы, для духовного закабаления личности, насилия над нею — жгуче интересно исследовать сегодня.

Гениальная глава «Великий инквизитор» в романе Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы»

именно об этом. Инквизитор (речь об испанской инквизиции, но тираны и диктаторы во все времена одинаковы) утверждает: народ нуждается будто бы в духовном рабстве, как в хлебе. Потому-то и необходима религия рабам, обреченным ползать, боящимся ослепительного света свободы. Чтобы держать народ «в узде», не позволить ему самостоятельно мыслить и действовать, инквизитор готов заново распять Христа.

Нет более страстного протеста против духовного рабства во всей мировой литературе! Да и в истории мировой мысли тоже.

Против духовной приниженности боролись великие русские писатели. Какая убийственная вещь — небольшой рассказ Антона Павловича Чехова «Смерть чиновника», где чиновник умирает от страха перед начальством! А чеховский «человек в футляре» — он будто и родился с железными рамками внутри.

Каждый из нас должен сегодня «по капле выдавливать из себя раба», по выражению Чехова.

А ведь иные наши современники, чьи суждения не идут дальше «спущенных сверху» инструкций, уже захлебнулись от «избытка демократии», и хочется им обратного в тишь и благодать, где за них думают и водят на ниточке.

Худшее, постыдное, что досталось нам в наследие от прошлого, — его надо изживать всем миром, не щадя сил.

Только великий народ способен осознать свои слабости, подвергнуть их горькой, уничтожительной сатире. (Тут надо бы еще вспомнить Гоголя и Салтыкова-Щедрина).

Умение осознать беду, ее причины — половина дела. Но только половина. Неплохо, если бы твое мировоззрение, «Маркиз», определилось так: учиться мыслить независимо и смело, так же жить. А способны на это в первую очередь убежденные атеисты. Потому что исторически внимание человека перенеслось со «сверхличности» (бога), все решающей и разрешающей, за все отвечающей и воздающей, на личность каждого отдельного человека. Примат личности и отстаивает атеист, если понимать под ним не глумливого и невежественного чиновника, презирающего собственных предков, попросту не доросшего ни до религии, ни до атеизма, — а думающую личность, трепетно исследующую наследие человеческой мысли и берущую из него все, что ведет к прогрессу, помогает активно участвовать в жизни.

Чем тебе не нравится такой атеизм?

Армия шлифует характеры готовые...

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ПОДГОТОВКА
ДОПРИЗЫВНИКА

Здравствуйте!

Пишу вам после прочтения третьего номера журнала, диалога о «дедовщине». Я не хочу спорить с автором статьи, он прав по-своему. Но думаю, что проблема эта не совсем армейская, вернее — совсем не армейская. Неуставные отношения — это лишь проявления отношений между людьми, сложившихся на «гражданке». Чего, к

примеру, ждать от человека, который не раз побывал в милиции, если он придет в армию?

У меня к вам просьба, пришлите мне, пожалуйста, адрес Максима Беркута. Мы с ним в абсолютно одинаковом положении. Оба готовимся к службе, даже оба кончаем автошколу при ДОСААФ. И оба думаем о том, что нас ждет в армии. Может, вдвоем будет легче думать...

Э. Зейбель, г. Асбест

В старину говорили: ребенка надо начинать воспитывать тогда, когда он лежит поперек кровати. А когда лег вдоль — уже поздно. Мы, профессиональные военные, знаем, как много семей, где вместо настоящего парня воспитывают заласканного, изнеженного баловня. Время и энергия, потраченные лишь на дискотеки, добывание японского «мага» и «фирмовых» тряпок, легкие рубли, сорванные со спекуляций, — не отсюда ли тянутся пресловутые неуставные отношения в воинских коллективах? В армии плохо обходятся лишь с лентяями, людьми нечестными, склочными, безвольными. Такие солдаты сами унижаются, не встают против «дедовщины», а когда становятся в службе постарше — пытаются унижить других. Есть и такие, которые в присутствии офицеров так и брызжут инициативой, энергией, работоспособностью, но стоит офицеру отойти в сторону, этого «говорюна» и вдесятером не оставишь работать.

Как бы армия сильна ни была, она может лишь иллюминировать характеры, подправлять, оттачивать, а не изменять коренным образом заложенное в сознании молодого человека до призыва в армию. Не отсюда ли все те сложности, с которыми встречаются нынешние командиры, принимая новобранцев?

Чередко родители юношей ставят перед работниками военкоматов прямо-таки ошеломляющие вопросы: одни просят отсрочку от призыва или, на худой конец, чтобы послали служить их чадо поближе к дому, другие умоляют — заберите его поскорее, совсем отбилась от рук, пусть армия исправляет. В весенний и осенний призывы прошлого года в Ленинский райвоенкомат нашего города после первой повестки не прибыло 22 призывника. Не пришли они и по второй, и по третьей... А трех юношей военкомат разыскивал в течение... трех лет.

Разве не вина родителей, что есть такие мальчики, которые нигде не учатся и не работают? Есть среди юношей и алкоголики, и наркоманы, и осужденные за преступления. Если всех подсчитать, то получится, что, еще не вступая в учебный бой, мы потеряли изрядное число солдат.

Заслоном неуставных отношений в армейских рядах должны стать семья, школа, трудовой коллектив, комсомол.

Б. Марков, подполковник запаса,
г. Нижний Тагил

Как можно подготовить к унижениям и побоям? Или я отстал от современной армии, и все это в прошлом?

Перед призывом на службу (это было в 1975 году) все провожающие давали советы, из которых запомнились два: «Выполняй все приказы», «Не противься тому, кто больше прослужил». Первому совету старался следовать всегда, второй нарушил в первый же день службы, и дрался со всеми, кто пытался меня унижить...

В строительные войска попал случайно: на сборном пункте оказался нерасторопным. Вызвали на запись нашу команду, просидел, переждал очередь к столу и подошел последним, в результате стал лишним. Болтался четверо суток по сборному пункту и умолял приезжих «покупать

телев», чтобы забрали меня к себе. (Первый урок армейский — не отставай!)

В поезде сопровождающий лейтенант спрашивал, кто что умеет. Я назвался художником, хотя рисовал еле-еле, больше копировал. В карантине получил задание выпустить стенгазету, но ротные художники сказали: «Художник от слова «худож!»». Больше не хитрил. (Второй урок.)

Подшивать воротничок меня научил командир взвода. Про мое шитье сказал: «Слишком надежно, долго отпаривать. Подворотничок должен пришиваться легко и быстро отпариваться, ведь его больше суток не носят».

После карантина в роту дрался постоянно со старослужащими, а они умудрялись даже приборку помещений выдать за наказание. И это мировоззрение — наказывать работой, а поощрять бездельем — стержень дисциплины внутриказарменной, когда нет офицеров и прапорщиков. Не глупость ли? Да и взять устав: наряды вне очереди — что это, как не наказание работой.

Служба в стройбате — это служба в казарме и обыкновенная работа на производстве. Прослужив немного, мы мучались в воскресенье без работы, ждали конца этого тягостного дня, жаждали снова уйти из казармы на производство, где среди гражданских строителей нас считали людьми, а не салагами. «Пахали», разержали шлаковату, и шутовское сержантское: «Не стони, упрись рогом в вагон!» воспринимали как должное.

Н. Гаевский, бывший военный строитель-рядовой,
село Мочище Новосибирской обл.

Служба моя началась в учебке. Было все: и погоны пришивали — правый на левое плечо и наоборот, и петлицы — вверх ногами, и портянки учились наматывать долго и упорно... Но все это со смехом. А вот теперь о том, где смешного мало...

К примеру, мою куртку, в которой я ехал на службу, должны были отправить домой, но на пятый день службы ею почему-то мыли пол. «Требуйте то, что положено по закону», — советует С. Молодцов. Но закон устанавливают для «зеленых», «чижов», «скворцов» — для молодых солдат — «деды». Те законы — законы сильных и беспощадных. Офицеры?.. Им, офицерам, как-то недосуг вникать в быт подчиненных... А кое-что и они не знают. Вот прапорщики, те знают многое, сами когда-то бегали по разным поручениям «дедов».

Я хочу спросить наше высшее командование: как насчет интернационального воспитания в армии?.. Офицеры, уверен в этом, не знают истинного положения дел. В отдельных подразделениях оскорбление национального достоинства в порядке вещей.

А как живут солдаты, как питаются? Я видел перед собой на столе и чай без сахара, и хлеб без масла... И после этого офицеры хотят видеть нас сильными, здоровыми?!

Лично я служил не два года, комиссовали по болезни... Врач, уже в большом, хорошем госпитале, сказал: «Так заболеть можно, если вообще не лечиться!». А я находился в части под присмотром врачей.

Я не жалею о службе, не плачу... Было в ней и хорошее, были друзья.

Но сколько плохого!.. Спросите матерей, только без микрофона, с радостью ли они провожают своих детей служить? Уверен, нет. Моя мама до сих пор плачет ночами, потому что служба отняла у меня здоровье. А в этом моей вины нет, поэтому она и плачет.

Большая просьба, если будете мое письмо печатать, измените фамилию. У нас город маленький, я не хочу сплетен.

Извините за сумбуренность, я не мастер писать, просто накипело в душе, не могу я молчать...

Александр К.,
Сахалинская обл.

«Что же со мной?»

(ПИСЬМА ИЗ АРМИИ)

Рис. Ольги Горячевой

31 августа.

Здравствуй, Машенька!

Прошло больше двух месяцев, как нас разлучили, а я тебе только пишу. Но прошу, не вини сильно, здесь очень трудно, почти невозможно найти время для писанины. В сержантской школе все рассчитано по минутам. А все-таки самое трудное позади. Я уже могу спокойно сесть в Ленинской комнате и написать тебе, что и делаю. Только что пришли со стрельб, намотали восемнадцать километров. Сейчас пойдем в баню.

А жизнь здесь, Маша, очень тяжелая, поэтому часто, для разрядки, приходится на кого-нибудь орать, а парни не остаются в долгу. Но вообще настроение в норме, среди парней живу хорошо. Да, поздравляю тебя с первым сентября. Будь счастлива всегда, но особенно в этот день: ведь с этого дня ты начнешь готовиться к вступлению в большую, трудную дорогу. Эта дорога — жизнь...

Ну, я пошел в баню. Не дали пацану письмо дописать.

До свидания. Целую тебя. Сашка.
А... вот: если не хочешь писать — напиши об этом сразу.

5 сентября.

Доброе утро, Маша!

С интересом прочитал о твоих приключениях в пионерлагере. Очень похвально, что ты, храня мне верность, сохраняешь порядочность и всего один разок пила вино с воспитателями! Можно дивиться твоей изворотливости — тебя даже «мышка не видела», как ты ночью пробираешься к своей комнате! А может, она просто не захотела смотреть? Конечно же, ты умеешь знакомиться с хорошими людьми... Я, например, восхищаюсь этими Мишами и Володями, их выдержкой и мужским достоинством, проявленными в том, что они не позарились с пьяных глаз на милую и симпатичную податую девчонку. Хотя в наше время, видимо, ничего особенного нет в том, что комсомолка, активистка школы показывает своим воспитанникам наглядный пример пьянства. Что мешает четырнадцатилетнему гаврику хорошенько вмазать при первой же возможности — ведь его любимая пионервожатая пьет и никто за это ее не ругает!

Ох, Машка... я тот же ревнивец! Вы шутили, смеялись, они сыпали тебе комплименты, старались угодить, ухаживали, а я в это время, возможно, стоял на посту. Или, может, бежал на ночное стрельбище, задыхаясь в противогазе, кривясь от боли в ногах, стертых грязными и скомканными портянками... А ты в это время смеялась, пела, пила, танцевала... А может, шутя играла в любовь. А я не играю, я страшно люблю тебя, люблю всей душой и сердцем. Хотя почему говорят, что только сердцем. Нет. Все существо мое рвется к тебе, Машенька. И только долг перед Родиной останавливает меня, может, это громко сказано, но это так.

До свидания. Целую тебя. Сашка.

9 сентября.

Здравствуй, Машенька!

Сегодня получил твое письмо, странно только — по-

чему оно пришло девятого, ведь тебе и родичам я отправлял письма одновременно, а от них пришло седьмого. Ты говоришь, что и в аду нашла бы секундочку: то-то ты ее двое суток искала!

Сегодня были в городе. Нас перед соревнованиями решили сводить на какое-то кино — ходили тайком, будто бы на тренировку. Там и прочитал твое письмо, перед сеансом. Так ничего и не видел, про что в кино — только свет выключили, глаза закрыл и представлял тебя рядом с собой. Было мне не здорово, а дико от того, что это только представление... Завтра соревнования, и это тоже дико. Три дня на тренировки, и беги, ноги ломит, аж колени согнуть невозможно. Ну ничего, пробегу назло сержанту, еще посмотрим, кто кого... Машка, пиши письма побольше и почаще, даже если не будет в тот день ответа: я буду на учениях, представляешь, какая радость — уставшему целая куча писем от любимой.

Твой Сашка.

10 сентября.

Добрый вечер, косуля!

Вчера загадывал, чтоб ты мне приснилась, но ничего не вышло — все снились какие-то другие девочки, так что проснулся с плохим настроением. Но потом успокоился, я не суеверный. Хотя ж дружок мой, он во снах разбирается, сказал, что это к измене любимой девушки — врал, подлец, даром, что я и так понурый... А вообще он молодец. КМС по боксу. Он казах по национальности, звать его Берик. Прозвали здесь «Дерсу», очень похоже. Как улыбнется, так я тоже смеюся. Недавно наколол его, спрашиваю, показывая твою фотографию: «Что? Узнаешь, из какого заграничного фильма актриса?» Он вспоминал, вспоминал и говорит: «Видел где-то, не помню... Кажется, французенка». Моя, отвечаю гордо, девочонка. Хоть попортила она мне нервы, поиграла, да зато привязала канатом. Говорю, люблю страшно — тут он заржал, гад: как же, будет она тебя два года дожидаться! Потом признался, что из зависти. Понравилась ты ему очень. Вообще он парень хороший, правда. У одного пацана нашего взвода девочонка замуж вышла, а он, дурак, таскает ее фотографию как амулет. Хотя, конечно, может, правильно делает, у каждого своя любовь...

Твой Сашка.

12 сентября.

Здравствуй, моя французенка!

Нахожусь в карауле. Устал как черт. Спать хочется, сил нет. Как вспомню, что дома поздно спать приходил, так ругаю себя последним дураком. Сейчас бы лечь в теплую, мягкую, чистую постель и вырубиться часов на десять. Или даже двенадцать. Сегодня дружка моего Берика на посту спящими застукали — как он спал в такую мерзкую погоду — он, наверное, сам не знает. Вообще-то сейчас мне кажется, что я бы и в луже заснул. Уже два часа сижу в помещении, а все дрожь берет и озноб по спине шпарит. Портянки сырые, а сапоги снять нельзя. Сержанты спят как сурки, аж голову кружит от злости. Ой, сержантом скоро буду — отосплюсь. Все-таки хорошо, что меня заставили учиться. Четыре месяца отпашу, зато королем буду...

Ты, наверное, сейчас спишь. Или читаешь, лежа в своей кроватке. Конечно, на уроках отоспишься. Как я завидую сейчас тем, кто может придти в такой час, с такой сырости в теплую, уютную спаленку своей любимой, чмокнуть ее в нежную шейку. Какой я становлюсь сентиментальный от этой сырости! Вот опять гляжу на твою фотографию. Хорошая ты у меня, Машка. Красивая ты.

21 сентября.

Здравствуй, Машка!

Сегодня получил два твоих письма. Первым взял тонкое. Просматривал его на свет и никак не мог догадаться

ся, что же там такое, а когда вскрыл, аж ком откуда-то в горле появился... «Не выдумали ли мы свою любовь?» Ты, наверное, очень много думаешь о наших отношениях! Конечно, любовь можно выдумать. Можно ослепнуть от необычайной какой-то красоты или необыкновенных выдающихся качеств, но, по-моему, я не красавец и ничего необыкновенного во мне нет, чтоб обмануться. К тому же чтоб выдумывать любовь в течение восьми месяцев — это какой огромный талант нужен, чего во мне, по-моему, нет... А может, ты «мы» просто так написала? А думаешь о себе. Тогда не знаю. Я все-таки не до конца понял тебя — это точно. Твоя душа так же темна для меня, как уголок караулки в безлунную ночь... Если я раньше был в чем-то уверен, думал, что понимаю каждый твой взгляд и движение, то теперь обратное — ты для меня загадка, загадка навеки. Клянусь тебе: первой моей женщиной после нашего расставания будешь ты и только ты. Если, конечно, захочешь. Что меня, дурака, в такую зыбкость занесло...

Милая, целую нежно. Сашка.

23 сентября.

Здравствуй, Машенька!

Мы сегодня пахали на стрельбище, готовили его к соревнованиям. Я начал работать вместе со всеми, а через десять минут ушел на «заслуженный отдых». Работал на циркулярной пиле, и когда переворачивал фанерный лист (готовили мишени для стрельбы из автомата), неосторожно задел за этот чертов диск левой рукой. Чуть посылней — и распрощался бы с указательным и средним пальцами, но повезло: кость не задело. Со страху прапора влили мне на пальцы грамм сто йоду, перебинтовали тряпочкой и дали закурить. Минут пять трясло, а потом ничего, только ноет сильно и, когда неосторожно повернешься, дергает. К врачам не пошел, тогда прапорщикам влетит по первое число, циркулярку они без разрешения поставили.

Сегодня был первый снег. Нам выдали подштанники белые и такие же рубашки, а трусы и майки позабыли. Когда рота готовится к отбою или подымается по тревоге, со смеху можно умереть, глядя на эти привидения. Завтра начинаются соревнования, не знаю, как буду выступать с этой рукой... Хорошо, не правая, как бы сейчас писал? Наша переписка вроде начинает налаживаться, но это еще не то, что я хочу.

Я читаю твое письмо одним глотком, минутой. Почему эта минута так быстро кончается? В твоих силах ее продлить, милая! Если в твоих письмах есть частица твоей души — то тогда мы скоро достигнем единства душ. Это вообще-то редкость в наше время.

Запомнив, я письмо твое сжигаю. Не из-за того, конечно, чтоб тренировать память. Хоть и мала такая возможность, а все же: кто-нибудь может заглянуть в твою душу. Когда я сравниваю свое отношение к письмам нашим с тобой с другими, получается жуткий контраст. Иные одно письмо сочиняют целый день, по сто раз его перечитывают, ломают голову, что писать, советуются, высасывают содержание из пальца, чтоб дотянуть страницу, увеличивают расстояние между словами, укрупняют почерк, что только не делают... А я пишу так: сел, написал, отправил, причем мне хочется сесть и писать тебе каждую минуту, столько всего в душе нежного для тебя!

Твой Сашка.

27 сентября.

Здорово, Машуха!

Пацанка моя милая... не умею я выразить ту нежность, которая вылезает из каждой клеточки моей, когда я пишу это письмо! Ты мне сейчас кажешься маленькой-маленькой, слабенькой-слабенькой, легонькой-легонькой... дунь — и улетишь! И ищи тебя потом — хоть всю жизнь ищи... Я бы сейчас вдохнул в себя осторожно воздух, при-

тянул к себе и не дыша стал бы любоваться твоими глазами.

Не могу так больше писать, в висках закололо и грудь стянуло, аж сердце шемит. Я тебя люблю, но знаю как. По-деревенски! Да, какое еще прилагательное поставить к этому дурацкому слову! Никакое не подходит. Сегодня видел тебя во сне, держал на руках. Думал, вот ты, вся моя, а проснулся — и снова ты за сотни километров разговариваешь с другими, улыбаешься другим, а я здесь, не знаю, зачем... Нет, конечно, для защиты Родины любимой, но — зачем я? Почему сейчас? Именно сейчас, когда любовь, когда страсть, когда кровь бурлит и ее можно охладить только твоими губами!

Твой, твой, твой Сашка.

29 сентября.

Здравствуй, Маша!

Сегодня у нас воскресенье. А настроение у меня... Оцепенение, безразличие. Охота упасть на землю, закурить и глядеть в небо. Благо, погода хорошая. Вроде должно быть все наоборот: выпался, в футбол поиграл, что еще? На себя тошнит смотреть! Как все надоело — а желания изменить что-либо нет. Кажется, упали на меня сейчас шаклобок, не пожалел бы.

По-моему, я раз или два приходил к тебе в таком состоянии, может, помнишь, и оба раза мы ссорились... Хотя ссорились мы так часто, без повода и с ним, что, наверное, и не вспомнишь — недели не было, чтоб не поцапались. Но чувствую: если бы было по-другому, мы разошлись бы навсегда и без ссоры. Каким же мальчишкой я тогда был, да, мальчишкой. Что я корчил из себя! Даже смешно... Вот покурил, погрелся на солнышке, и снова к тебе... Сколь уж бумаги на тебя перевел! А сколько, черт знает, переведу еще за полтора года. Пишу полтора потому, что на днях приказ вышел, значит, я, считай, одну четверть службы уже оттянул. Теперь я уже не салага, как это в армии называется, а чиж, помазок. Но здесь все условно, конечно: например, парню двенадцать три года, он только призвался, а другому еще и девятнадцати нет, год служит — так он ему говорит: «Салага, армейской жизни не знаешь!», и в какой-то мере прав. Эти два года — школа на всю жизнь. Ой, что-то я тебе прописные истины толковать начал.

Скоро уже пять месяцев будет как «забрали» меня, вспоминая сейчас тот день и как-то жутко становится, не могу вспомнить!!! Не так все вышло, как я хотел. А чего я хотел — не помню тоже. Я забыл, во что ты была одета. Забыл, какое выражение лица у тебя было. Помню только слезы.

Ты не представляешь, мой родной салажонок, как ты мне дорога. Я всю тебя люблю. Вот вижу ясно: стою дома, на кухне у окна, а ты идешь из школы... Ты наверняка знаешь, что я на тебя смотрю, но головы не повернешь. Я так хочу, чтоб ты поглядела на мои окна, что не выдерживаю и бегу как бешеный по лестнице, стараясь догнать тебя, договориться о встрече...

А еще я хочу тебя ревновать: чтоб ты приходила поздно домой, и от тебя пахло чуть-чуть вином и лучшими духами, чтоб забегала по квартире, что-то напевая и не обращая на меня ни малейшего внимания, зашла в комнату, где спит наш малыш, поцеловала бы его в нос, а я шипел бы, что ты разбудила ребенка, а потом бы устроил тебе сцену, чтоб я злился, а ты смеялась и занималась чем-то своим, наконец, я бы заорал, чтоб ты прекратила бегать туда-сюда и сказала прямо, где была и с кем... А ты бы подошла ко мне, обняла бы за шею, прошептала что-то нежное, такое очевидное, что я сразу бы сед, а потом бы закурил и пошел на балкон поговорить с соседом. Ну, ничего не понимаю, что я здесь пишу, даже не помню, с чего начал, а кончаю какой-то ерундой. Да, наверняка ерундой, разве тебе нужен муж-неуч? Работяга уставший, которому только поест, почитать газету, поговорить с соседом да ласкать жену... Не обижайся на такое длинное письмо, Машенька...

Твой Сашка.

30 сентября.

Здравствуй, Машуха!

Наконец-то дождался твоих писем. Правда, днем, а с утра отправил тебе уже предупреждение. Извини. Ты же говоришь, у тебя было плохое настроение, и оно повлияло... Подумай, что же остается делать мне...

Но я пишу, потому что письма — эта какая-то невидимая связь между нами, когда я пишу — я разговариваю с тобой и слышу твой голос, и вижу гримасу от какой-нибудь неуклюжей моей фразы и улыбку, если получилось хорошо... Я выкидываю свою душу на листки, как ты говоришь, «кричащие строчки», да, я не забочусь о тишине, если можешь, прими как есть... Я верю в то, что мы будем мужем и женой, и хочу, чтоб ты сама твердо в это верила.

Спасибо, Машенька, за телеграмму, ты не можешь представить, как подняла мое настроение! Я аж закричал, когда прочитал ее содержание, а в это время подали команду: «Рота-а!» И среди гробовой тишины в ожидании следующей команды, среди огромной комнаты с застывшими по стойке смирно истуканами раздался мой ликующий вопль. Я заорал так громко, сам не знаю как, что старшина в первую секунду опешил, а потом позвал и потребовал объяснений. «Я кричал от радости», — сказал я, а он, дубина, потребовал объяснение — какая такая радость может быть при несении службы...

Вчера одному парню у нас, я его не совсем уважал, пришло письмо — его девчонка вышла замуж. Вот убивался, даже жалко стало.

Так что вот такие у нас дела творятся. Пока, Машуха.

Целую тебя нежно. Твой Сашка.

1 октября.

Здравствуй, косуля ненаглядная!

Сейчас смотрел на твои фотографии. Что-то голова у меня разболелась. Взял бы тебя сейчас на колени, поцеловал в твой большой, пухлый рот. А потом бы прижался ухом к твоей груди и слушал, как бьется сердце... А потом, может, и заснул с сокровищем в руках, что стоит дороже жизни. Сейчас у меня какая-то вялость: потянуло что-то на философию. Охота о чем-нибудь поразмышлять... Без писем к тебе слох бы я тут, наверное, со скуки, да еще один дружок выручает. Поп — я, кажется, писал... Веселейшее существо, огромное чувство юмора — во всем видит недостатки, даже в себе, и все высмеивает, да как-то по-доброму, просто весело жить: кажется, даже атмосфера вокруг него насыщена хохотом и здоровьем! Молодец пацан.

Пока, Машуха. Твой Сашка.

6 октября.

Здравствуй, Машуха!

Я смотрю, ты твердо решила стать педагогом. Что ж, это очень интересная и не из легких работа. Я чувствую, что мне придется за себя краснеть. Я ведь совсем не собираюсь учиться дальше, во всяком случае сейчас у меня такое настроение. А ты закончишь институт и рядом с тобой я буду казаться фуфлыжником, который не может сказать и слова, а если и скажет, то невпопад... Да, Маша, я совсем не разбираюсь в стихах, а потому оценка, которую я могу дать твоему стихотворению «Послание», наверняка не будет соответствовать действительности, и вообще у меня сегодня хреновое настроение... Сам не знаю, почему. Почему ты решила, что я собираюсь поворачивать «свои следы вспять», и зачем мне увольняться с должности любимого по собственному желанию? А когда я «озябший и промокший», то я совсем не хороший. А наоборот. Злой, раздраженный, психованный — бросаюсь на каждого, кто подойдет с каким-нибудь вопросом, и вполне могу дать по морде из-за какого-нибудь пустяка. Парни мою натуру поняли. Видишь, жизнь без светлых идеалов, одна серая проза. Только когда спать ложусь, остается

маленько времени подумать о тебе. Нет, хватит. А то еще нагрублю... И так письмо не из приятных...

До свидания, Машута. Твой Сашка.

11 октября.

Здравствуй, Маша!

Вчера получил твое письмо. Были на ученьях, написать не мог. У меня все нормально, если можно так назвать ту ненормальную жизнь по распорядку и в то же время без порядка, которой я живу. Жду не дожидусь конца учебки, скоро будут экзамены по стрельбе. Я буду стрелять ночью из пулемета.

Машутка, разогрей мне душу, разбереди меня, пожалуйста... Остывает сердце. Милая, любимая, родная, сделай что-нибудь! Вспомни, что ли, разбитую люстру и монеты в пельменях... Не может быть, чтоб все это было зря. Не может! Это судьба, да? Увлеки меня, Машенька, заставь поревновать, что ли, чтоб кровь опять бежала... Чтоб злой был на тебя, на себя, на весь свет, злому легче. Пропаду без тебя! Маша! Ну что же это со мной, а, или устал я? Не пойму ничего. Милая, сегодня ты мне снилась...

20.10.86.

Мария!

Ты можешь удивиться этому письму. Я тебе совсем не знаком. Я — Берик. Я, как и Сашка, являюсь курсантом школы сержантского состава. Поп был дежурный по роте и ходил получать почту, а как раз в этот день, в смысле сегодня, пришла эта злосчастная телеграмма; мы, то есть Берик и Поп, прочитав эту телеграмму, решили ее не показывать Сашке, но кто-то из ребят уже сказал ему, и нам пришлось... А как раз сегодня вечером у нас были стрельбы, тут мы и стали волноваться. Дело в том, что те, кто идут в оцепление, — это в общем опасно. А он в укрытии не сидел, а ходил на самых опасных участках...

Маша! Теперь я, Поп. Тебе Берик в общем обрисовал ситуацию. Я только хочу продолжить: в оцепление ходят только губари и те, кто по собственной воле захотел туда идти — обычно Сашку, да и любого из нас, туда на аркане не затащишь, а тут он пошел... Я был свидетелем твоей первой телеграммы, как раз когда он ее получил, была команда: «Рота!..», все замерли, понимаешь, а он орал, как маленький мальчик... А когда он получил эту, он прямо как-то поглупел и вообще как бы перестал над собой работать, как будто ходит в обмороке.

Маша!

Ты напиши ему. Очень прошу. И если можешь, извинись за эту свою глупость. Ведь вы же любите друг друга, дураки!

Это опять Берик... Сашка не знает про наше письмо, и ты не проболтайся. Он может оскорбиться, подумать, что мы унижаем его своими просьбами к тебе... Ты должна понять, что служба Александра зависит только от тебя. Мы ждем. Отвечай, только быстро.

Берик, Поп.

**Письма подготовлены
Ириной КОРНИЕНКО**

Вместо послесловия

СЛОВО ЧЛЕНУ СОВЕТА «ДИАЛОГ-КЛУБА» ДЕСЯТИКЛАССНИКУ ИЛЬЕ ПЛЯМОВАТОМУ:

— При отделе молодежных проблем журнала существует очный «Диалог-клуб». Надеюсь, что редакция журнала еще даст возможность познакомиться нам поближе — читателям и совету «Диалог-клуба». А пока... Ребята попросили меня сказать несколько слов о предложенных вам письмах, о Саше...

Саша ежедневно предается неистовому самокопанию. Он бесконечно прокручивает в себе трепетные воспоминания и желанные ситуации. Все это поддерживает и развивает в нем чувство потери... Отсюда — кричащие строки: «Почему сейчас? Именно сейчас, когда любовь, когда страсть, когда кровь бурлит...».

Материал «Что же со мной?» заставляет задуматься: как решить противоречие между желаниями призванного, раскрепощенными самим возрастом, и между его возможностями, ограниченными воинскими уставами. Речь идет не о перенесении сроков службы на более поздний возраст, «бесчувственный» уже, ведь армия наша нуждается в ловких и сильных... А вот в чрезмерно эмоциональных, как думается мне, не нуждается — чувства там вредят, отвлекают от чисто армейских забот. Так, может быть, задуматься после истории, случившейся с Сашей, законсервировать все личное на два года, полностью уйти в службу? Лично для меня это не голая теория. Еще немного — и тоже разлука с родными, с любимой девушкой. Так что — может, действительно уже на призывном пункте вычеркнуть всех их (по крайней мере — ее) из памяти? Не травить себя воспоминаниями? Не заставлять свои чувства работать вхолостую, «вразнос»?

Нет, на такой эксперимент я пока не готов. Из-за любимой девчонки, во-первых... Каково ей будет почувствовать резкую смену моего отношения к ней? Поймет ли она, что эта смена — временная? Во-вторых, думаю, что эмоциональное самопожертвование если для службы и обернется плюсом, то для всего общества — минус!.. За два года подавления самых естественных желаний не станет ли юноша бесчувственным «сухарем»? Более того, усилие над собой может ожесточить этого «сухаря», сделать его агрессивным и свирепым, превратить в идеолога и практика «дедовщины»...

Еще: у меня мышление достаточно конкретное, мне трудно будет абстрагироваться там, в армии, до таких понятий, как долг перед страной, перед историей. Нет-нет, я понимаю, для чего должен потеть два года в гимнастерке. Но армейские трудности мне помогут, надеюсь, преодолеть не чувство долга вообще, а — перед конкретными людьми: перед мамой, девушкой, друзьями, соседями по дому, земляками... И не надо «корчевать» из своей души любовь к ним... Она — составная боевой и политической подготовки бойца. Она, эта любовь, — залог того, что не улыбнется иностранно с высоты сверхзвуковой трассы новоиспеченный Пауэрс при виде моего города, что не оставит нас в дураках очередной Руст...

Итак, «консервация» чувств — это не метод. Но эмоционально готовить себя надо! И заслуга прочитанной солдатской мелодрамы в письмах (иначе жанра и не определить) в том, что подталкивает к подобным размышлениям, показывает, как трудно и порой неправомерно рискованно уйти в ряды армейские не подготовленным эмоционально, заставляет каждого из нас определить для себя ту меру временного эмоционального закрепощения, которая позволит и остаться любимым и влюбленным, и не стать «сухарем»...

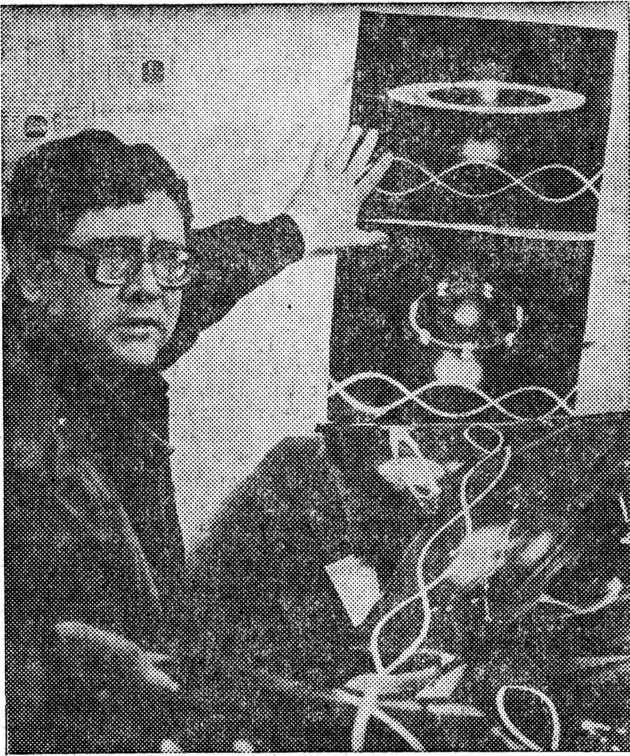

ВЗРЫВНАЯ ВОЛНА

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМЫ-БАЛЛАДЫ

Любовь ЛАДЕЙЩИКОВА

1. Не так-то много мальчиков взросло
В XX веке, в год рожденья сына.
Минувшая война прожгла столетье
Взрывной, незатухающей волной.
Мне повезло: огонь вернул отца.
Я заново вынашиваю Время —
Но Время беспокойно, как ребенок,
И очень важно, в чьих оно руках.
2. Укрытия, убежища от бомб,—
Возможный саркофаг живых
и мертвых,
Мы называли в детстве —
просто «бомбой»
И с «бомбы» совершали перелет
На инвалидский маленький гаражик,
Где мирно отдыхала, грея спину,
Бесплатная машина ветерана,
Цена которой — пара бывших ног.
3. А во дворе — всю сияло солнце,
Росли деревья и смеялись дети.
Сменялись поколения... И деды
Смотрели снисходительно на внуков,
Играющих в веселую войну.
Но иногда им обжигала сердце
Сквозная боль, летящая оттуда,
Откуда возвращается лишь память —
Обратная ударная волна.
И ветераны собирались вместе,
Кто с костылем под мышкой,
кто безрукий,
Но о войне почти не говорили,
Предпочитая молча наблюдать.
...Сражался деревянный пистолетик
С пластмассовым красивым автоматом,
Стреляющим вокруг пучками света,
И чей-то внук, расстрелянный в упор,
Вставал, смеясь, и вновь на землю
падал,
Не чувствуя, не зная
страха смерти,
Как летний день счастливо
не сдаваясь:
«Я вовсе не убитый! Я — живой!..»
4. Я в День Победы маленькому
сыну,—
И внуку рано умершего деда,—
Давала поддержать в руках медали,
А иногда — примерить ордена.
Но вот однажды мальчик пятилетний,
Надев медаль «За взятие Берлина»,
Ушел в поход один, без разрешенья,
На взятие соседского двора...
Другой мальчишка,
лет на пять постарше,
Что тоже рос на улице Победы,
- Схватил медаль, связав «герою» руки,
И рассмеявшись, навсегда исчез...
Не знала я, что этого урока
Достаточно для маленького сердца,
Чтобы потом всю жизнь искать по свету
Кусочек солнца, добытый в боях.
Обидчик не сумел с наградой вместе
Украсть чужую память и надежду.
Но он похитить смог святыню эту
Лишь потому, что не имел своей...
А каждый должен знать,
чей он наследник,
И жаль детей, которым не известно
О дедушках, сражавшихся за счастье,
И об отцах, забывших сыновей.
Нельзя терять наследников Победы.
У памяти — невыбранные щеки...
Щекой колючей прикоснитесь к внукам!
5. Не отнимайте память у детей.
6. Едва родившись и ступив на землю,
Когда война отхлынула от дома,
И жизнь одна к другой тянулась жизни,—
Мне вовсе не хотелось умирать.
Но словно сговорившись,
сто болезней
Накинулись на маленькое тело
И над больничной койкой прозвучало
Убийственное слово — дефицит.
Был выжить шанс,
но не было лекарства.
Но, как гласит семейное преданье,
Отец меня, как гаснущее пламя,
Схватил — и вынес из глухих палат.
А по дороге, штурмом взяв аптеку,
Он, воевавший все четыре года,
Решил над смертью одержать победу.
Но не штыком орудия, — шприцом.
Я думаю, что новое рожденье,
Точнее, воскрешение из мертвых,
Мне сильно обострило память сердца:
Вся жизнь моя — на острие иглы...
...Игла судьбы не обошла и сына,
Хотя болезни сделались хитрее,
И по лесам шныряют диверсанты —
Заразой начиненные клещи.
Свинец и стронций накопились в листьях,
А дождь и ветер — радиоактивны,
И день за днем растет гора оружия,
Как раковая опухоль Земли...
И это все — досталось нашим детям.
Хотя они имеют и другое:
И светлый день, и щедрый хлеб,
и песни,
И шансы на Грядущее без войн...
- Спасенье от слепых болезней века
Одно — борьба, борьба за Мир
и Счастье,
Чтоб замолчали ядерные взрывы
На полигонах взвинченных страстей.
Нельзя сидеть, сложив перо и руки,
Нельзя дремать, закрыв глаза
на правду,
А путь — всегда один — преодоление,
Крылатая победа над судьбой.
...Найди, сынок, в душе такие силы,
Чтоб встать и приподняться над бедою.
Держись! Не зря тебе из чаши жизни
Пришлось несладкий отхлебнуть глоток.
6. А Время знает, как трудны Победы.
Пусть мир царит на нашей половине,
Но рядом — необъявленные войны
Из вен земных выкачивают кровь.
Нет, войны эти мы не разжигали,
Но кто-то должен потушить пожары,
И Время повзрослевшими глазами
В упор глядит на наших сыновей.
Не каждый, кто ушел, назад вернулся,
Но всем Земля свое раскрыла сердце...
...Не дай вам бог над сыном наклониться,
Навек его укладывая спать...
Врастает мать березкой в изголовье,
А сын с портрета смотрит — и не верит,
Что дата его светлого рожденья
Совпала с черной датой похорон...
Земля, что обняла его навеки,
Тугой волной ударит в сердце друга,
И друг — неземного — заменит
И молодость свою не пощадит.
Другие сыновья — потушат пламя,
Другие сыновья — прорвутся к звездам,
Другие — в быль шагнув,—
легендой станут,
Но разъяренный атом — усмирят.
...И мальчик мой — пойдет дорогой этой,
Переломив, как трость, свои недуги,
Поднимется, на юность опираясь,
И добровольно встанет в строгий строй.
7. «...Когда же, наконец, затихнут войны?!
Летит над миром не одно столетье.
Вернись, сынок! Я жду тебя!
Но прежде —
Мужчиной будь — и потуши огонь!»
Тревогу материнскую по свету
Развеял от огня спасенный ветер:
«Скажи, Земля, когда вернешь мне сына?»
«...Я — тоже мать», — ответила Земля.

«Уральский следопыт» уже печатал лет 20 назад статью об этом уникальном коллективе — студенческом конструкторском бюро «Прометей»...

Сегодня — сохраняя прежний энтузиазм первооткрывателей — коллектив выходит за рамки самостоятельности, и СКБ выросло в специальную хозрасчетную лабораторию светозвукового синтеза, где продолжают проводить свои необычные эксперименты сотрудники и студенты КАИ. Требуется профессионализация и сама проблема светомызыки в рамках всей страны. Необходимо создание единого координационного центра (НИИ либо проблемной лаборатории), направляющего все отечественные исследования в области искусства космического века». Пока эти функции добровольно взяло на себя (и по мере сил решает) СКБ «Прометей» КАИ совместно со студией светомызыки Казанского молодежного центра.

СВЕТИТЬ ВСЕГДА...

Булат ГАЛЕЕВ, доктор философских наук

Объединение или, как чаще говорят, клубы по интересам... Что же это такое? Кружки филателистов, цветоводов, собирателей пуговиц? Дискотеки? Любители книг и канареечного пения? Однозначно ответить на данный вопрос трудно. Зачем молодежи нужны подобные объединения? В каком направлении они должны развиваться — здесь есть над чем подумать... Единственное, в чем уверен — основная их цель не реализация пассивной заповеди: «чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало» (читай: не болталось в подворотнях, не задирало прохожих и другие «не»). Вместе с тем грош цена собирателю марок, книг, действующему в стиле Плюшкина. В лучшем случае это останется фактом их биографии, свидетельством способности красиво «убивать время». Но вспомним слова К. Маркса о «свободном времени» как о «настоящем богатстве», которое постоянно увеличивается по мере социального прогресса. Зачем же, спрашивается, обществу стремиться к этому богатству, если его приходится «убивать»? Да, досуг

важен, развлекаться нужно, помня, конечно, что делу время, а потехе — час. Но разве ради этого только следует объединяться «по интересам»? Интерес может быть и более высоким. И он может служить не только отдыху, утолению жажды общения, и даже не просто самовоспитанию (хотя уже любители канареечного пения испытывают благодарность такого рода результатов). Он должен быть (всегда и обязательно) общественно значимым. Восторженные длинноногие журналистки молодежных газет часто спрашивают: «Светомызыка — для вас хобби?». Не люблю этого иностранного слова, которое можно перевести на русский как «бить баклуши». Но если всерьез, если уж пользоваться данным словом, то настоящее хобби — сама жизнь «по интересам», чтобы не убивать время, а убиваться в погоне за ним, страдать от его нехватки. Жить, работать по интересам означает то, что результаты хобби (интереса, увлечения), в пределе, в идеале должны быть интересными для всех. Ведь будущее, к которому мы все стремимся, и предполагает

совпадение интересов общества и личных интересов каждого в отдельности.

...Теперь конкретно о работе СКБ «Прометей». Началось все 25 лет назад, и на самом деле с самостоятельности. Пусть и неожиданной, хотя бы уже потому, что она объединяла в себе самостоятельность художественную и техническую. Сами выбрали себе цель — исполнить знаменитый «Прометей» великого композитора А. Н. Скрябина со светом. Сами создали инструмент. Сами сели за него и провели необычный светоконцерт, ставший событием, отмеченным не только в местной, казанской прессе, но и за рубежом.

Сами — это студенты двух казанских вузов, авиационного института и консерватории. Тогда, в 1962 году, и закрепилось стихийно за организовавшимся коллективом столь непривычное в стенах авиационного института название: СКБ «Прометей». В 60-е годы, в период кибернетического бума, подобных групп в стране возникло немало. И в основном они были обречены на ко-

роткую жизнь: вспыхнув ярко, исчезали... Прошедшие четверть века — срок немалый. За это время проянилось, в чем причины столь драматической судьбы светомузыкальных коллективов.

Все здесь было «не так», все «выламывалось» за рамки привычного. Чтобы провести один светоконцерт, нужно год готовить необходимую аппаратуру, притом новую, неизвестную, и что немаловажно, не столь уж дешевую. Какая клубная структура выдержит такое? Да и сам инструментарий оказался не простым, он не ограничивался одной лишь электроникой, настойчиво требуя освоения светотехники, физики, химии, электроакустики, кино- и телетехники, лазерных средств (во всех этих областях у «прометеевцев» есть сейчас авторские свидетельства на изобретение).

Чтобы разобраться, куда двигаться дальше, необходим свет теории — оказалось, не только музыковедения, но и психологии, физиологии, эстетики, философии и — самое очевидное: сама проблема светомузыкального синтеза сложна, многогранна в чисто творческом плане. С первого взгляда ясно — это есть союз музыки и живописи. В то же время светомузыка близка к кинематографу — оба молодых искусства тесно связали свою судьбу с техникой, оба обращены к зрению и слуху, оба воспроизводятся на экране. А по внутренней своей природе светомузыка, как выясняется, представляет дальнейшее, «инструментальное» развитие танца, своего рода хореографию светокрасочных проекций. (Не удивительно, что среди тех, кто начинал в СКБ, на сегодняшний день уже несколько членов Союза композиторов, кинематографистов, художников. Куда ж было деваться — ведь собственного Союза светомузыкантов не было и нет).

Историко-теоретический анализ показывает, что до сих пор культура, по сути дела, еще не знала такой широкой, комплексной проблемы, требующей для своего разрешения практически всей совокупности человеческих знаний и способностей. В одиночку все это вряд ли осилить, да и не может же каждый быть Леонардо да Винчи. Выходит, надо хотя бы понимать саму сложность проблемы и стремиться объединить разносторонние возможности в целостном, гармонично действующем коллективе. И тут выручал именно самодетельный характер работы — ведь вряд ли какой-либо официальной организации разрешена столь широкая профпригодность действий. Конечно, выдержать такой режим — придумываешь сам, делаешь сам, причем все — от болта до анализа «цветного слуха» и создания произведений, и главное, «не по службе, а по душе» — было под силу

не каждому. Многие уходили, порою разочарованные, когда проходили «праздники» (аплодисменты, пресса), когда приходили рабочие будни, без которых не бывает самих праздников. Но и здесь работа СКБ не пропала даром — больше тысячи студентов КАИ и других вузов Казани прошли в нем школу самостоятельного инженерного мышления. Попутно происходит приобщение к искусству, к истории культуры. Много пишется о необходимости всестороннего, гармонического воспитания. Здесь это происходило в естественной и, значит, продуктивной форме.

Уже тех результатов, которые имеются, достаточно для признания деятельности СКБ на уровне НИИ (это не наш домysel, о том не писала центральная печать). Серия светоинструментов «Прометей», «Кристалл», на которых исполнялись произведения А. Н. Скрябина, Н. А. Римского-Корсакова, И. Ф. Стравинского и др. Первое в стране театрализованное светопредставление под открытым небом «Навечно в памяти народной». Первые светомузыкальные фильмы на музыку Э. Вареца, Г. В. Свиридова и др. В Казани действуют несколько объектов световой архитектуры — «Малиновый звон» в Спасской башне кремля, светомузыкальные витражи в гостинице «Татарстан», в музее КАИ. Оригинальна динамическая подсветка здания цирка, где изменения цвета были связаны уже не со звуком, а с состоянием погоды. Сконструирована типовая аппаратура для управления мощными светомузыкальными фонтанами. Уникальна 24-канальная установка «пространственной музыки», позволяющая звуку двигаться по любой траектории в объеме зала. И, наконец, множество различных светомузыкальных приборов для оформления интерьеров — кабинетов релаксации на производстве, классов интенсивного обучения, залов эстетотерапии в медицине, пультовых помещений при решении задач инженерной психологии, а также дискотек, музеев, театров, клубов. Многообразны и привлекаемые технические средства — от обычной диапроекции до электронно-лучевой трубки и жидких кристаллов. Установки «Идель», «Ялкын» были подарены в свое время отряду космонавтов СССР, другой вариант — XV съезду ВЛКСМ. Часть аппаратуры запускается сейчас в серийное производство одним из казанских заводов... А до этого — своего рода «полигонные» испытания на многочисленных выставках, отечественных и зарубежных. В СКБ имеется карта: «Где мы только не были». На ней отмечены десятки городов страны, где «прометеевцы» выступали с лекциями и концертами. Много пометок и там, где они и на самом

деле «не были», но где экспонировались их приборы и фильмы — ГДР, НРБ, ЧССР, ПНР, Куба, Сирия, Греция, Италия, США, Англия, Франция, Канада... Работы СКБ представлялись на IX и XII Всемирных фестивалях молодежи и студентов, в культурной программе Всемирной Олимпиады в Москве. Одних только медалей ВДНХ в наградной «копилке» коллектива — 65, не считая сотен грамот и дипломов ГК, ОК и ЦК ВЛКСМ, НТО, ДОСААФ и т. д. В 1980 году СКБ «Прометей» было удостоено звания лауреата премии комсомола Татарии им. М. Джалля в области науки и техники.

Чист только тот колодец, из которого берут воду, — гласит народная мудрость. Всеми находками коллектив делится в своих книгах — их около 20, в статьях — их уже более 300. Среди них — публикации в Большой Советской и в Музыкальной энциклопедиях. Многие тысячи писем приходят в СКБ со всех концов страны, и на каждое здесь принято отвечать. Пять всесоюзных конференций и школ молодых специалистов «Свет и музыка» проведены в Казани, а в 1987 году здесь с большим успехом прошел всесоюзный фестиваль светомузыки. Все это — для того, чтобы помочь самостоятельным энтузиастам «искусства космического века», для общего дела. Как и студия светомузыки при казанском молодежном центре, созданная на общественных началах, — в ней ежегодно проводится по 50—60 выступлений для молодежи и гостей города.

Очевидно, что СКБ уже выходит за пределы студенческой самостоятельности. На самом деле технические разработки выполняются в рамках финансируемых хозяйственных работ, и на их базе в КАИ создана специальная лаборатория светозвукового синтеза (освоен объем работ в 1 млн. руб., столько же запланировано на следующую пятилетку). Да и как здесь обойтись без финансирования, когда осциллограф или лазер, например, стоят по несколько тысяч рублей. Один эстетик как-то пошутил: наряду с тяжелой и легкой индустрией существует, мол, сверхлегкая индустрия, — имея в виду технику, используемую в современном искусстве. Потаскал бы он тонны оборудования для светомузыкальных фонтанов или для спектакля «Звук и Свет»...

С техникой, следовательно, все ясно — раз за зарплату, значит, это уже не самодетельность. Выходит, они уже профессионалы, хотя начали работать в СКБ еще с 1 курса учебы — Рустем Сайфуллин (прошло уже 20 лет, сейчас он старший научный сотрудник), Валентин Букатин (ведущий инженер), Евгения Горбунова (патентовед) и др. А как же быть с остальными формами деятельности

коллектива? Из студенческого отчета выросла монография Ирины Ванечкиной о А. Н. Скрябине, из дипломной работы готовится кандидатская диссертация Ирины Трофимовой, проводившей интереснейшие эксперименты с детьми по рисованию музыки. То же самое можно сказать и об авторе статьи, защищавшемся по «прометеевской» тематике. Как быть со спектаклями, фильмами, музеем, студией, конференциями?

Ведь все это вне плана. Никто, как говорится, не просил, не заставлял. Выходит — самодеятельность? Да, и «прометеевцы» с гордостью признают свою причастность к ней. Только не к этой самодеятельности, что является синонимом непрофессионализма. **Сами сделали профессию** и сами стали в ней «самодеятельными» профессионалами, потому что нет пока специальности «светомузыкант» в справочнике профессий. Более того, профессия эта, становится ясным, исходно обречена на самодеятельность, как это ни звучит парадоксально, ибо создание технического инструментария светомузыки и ее произведений — слитные, нераздельные процессы. В этом существенный момент специфики нового искусства. И говоря здесь о самодеятельном характере многостороннего творчества, следует вспомнить понимание человеческой Самодеятельности основоположниками марксизма, в которое они включали «развитие совокупности способностей», подразумевая под этим гармоническое развитие целостной личности, характеризуемое ими как «самоцель» социального прогресса.

Наши коллеги из западных стран в своих письмах в СКБ «Прометей» не раз выражали зависть в предоставленных в СССР возможностях светомузыкального экспериментирования, сетуя на одностороннюю коммерческую направленность своих работ. В том нет ничего удивительного — вышедшая вперед в Октябрьской революции наша страна естественно использует все достоинства современной НТР для революции духовной, в приближении конечных целей общественного развития.

Коллективу «Прометей», можно сказать, повезло. Его работы всегда находили поддержку и в своем институте, и со стороны общественных организаций, прежде всего комсомольских. Становится очевидным, что многое еще предстоит сделать нам самим. Но как бы ни сложилась судьба коллектива, как бы ни стал он называться в будущем, он останется «объединением по интересам», высоко неся знамя самодеятельности, ибо только такой способ жизни может оправдать формулировку Экзюперы: «Я счастлив, потому что не знаю разницы между работой и досугом». Пусть наша установка целей предельно завышена. Только тогда можно увидеть перспективу развития и понять А. В. Луначарского, который дал другую формулировку счастья. Характеризуя деятельность В. И. Ленина в революции, Луначарский считал, что история шеннула ему на ухо свой

«МАЛИНОВЫЙ ЗВОН». Спасская башня Казанского кремля.

СВЕТОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КАЗАНСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ. (Макет).

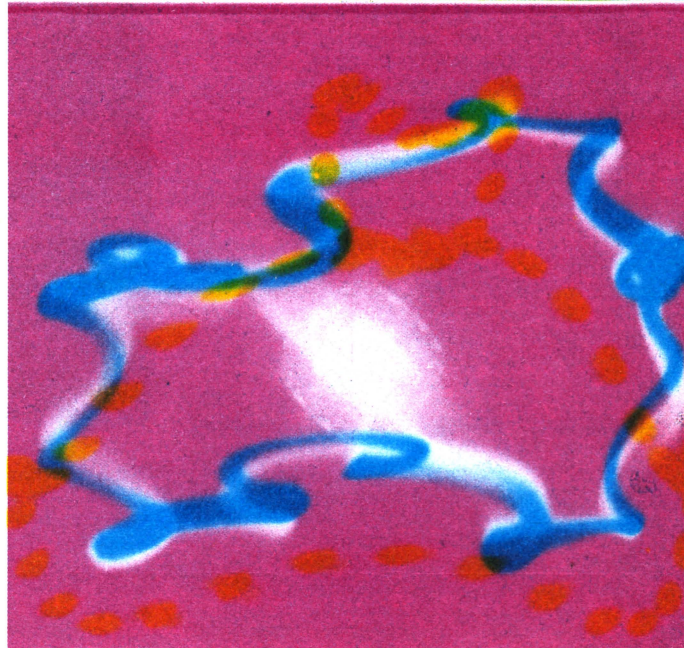
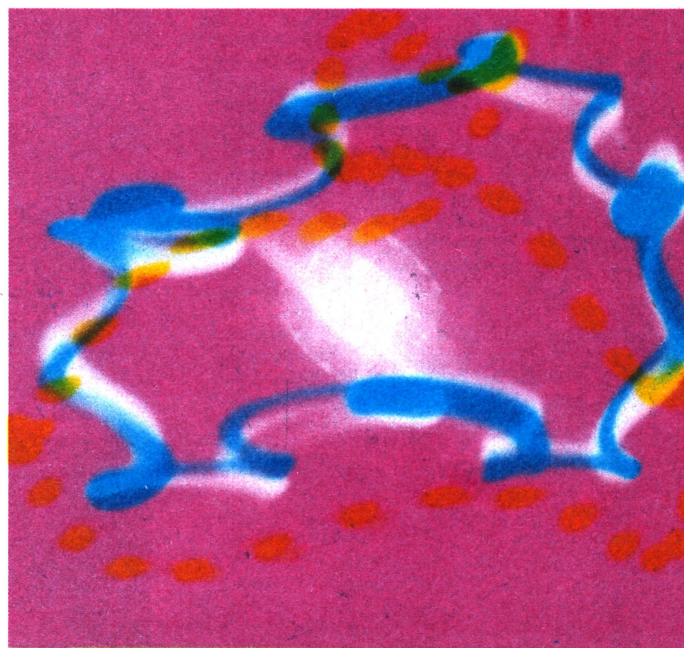
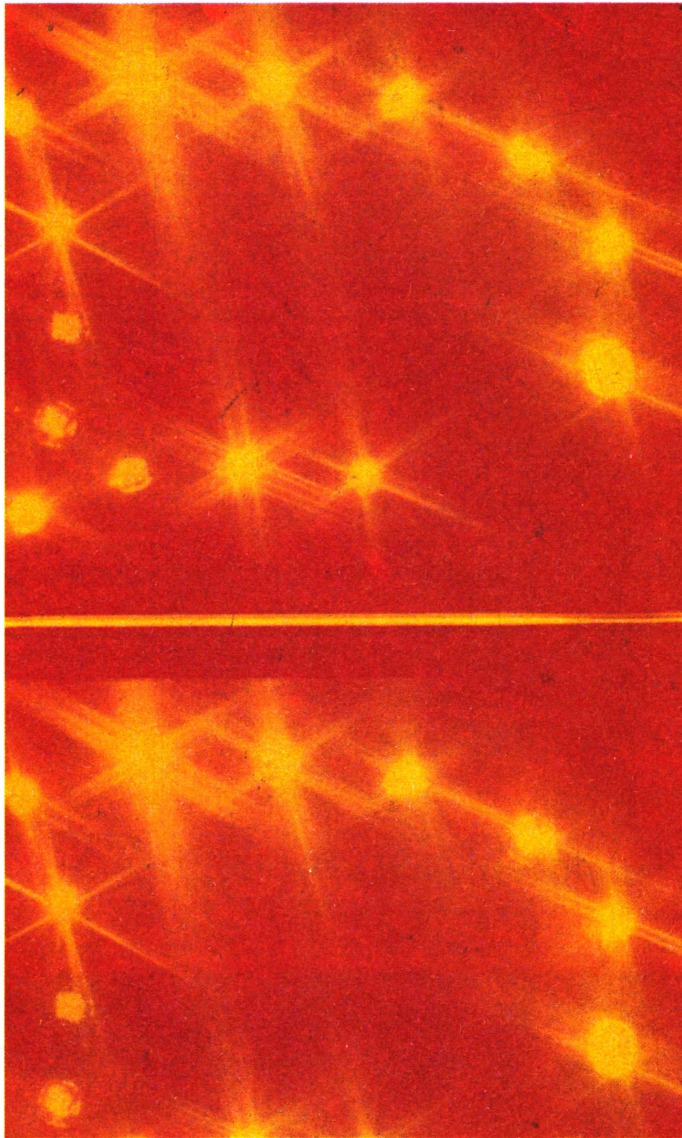

секрет. В идеале к тому должен стремиться каждый — услышать «секрет» истории, предназначенный именно для него. Одной из основных целей существующих объединений по интересам и является, по нашему мнению, содействие в том, чтобы помочь услышать этот «свой секрет» каждому молодому человеку, чтобы он мог

принести максимальную пользу обществу, а значит, и себе. Тем более ответственной обязанностью «командиров» молодежи в комсомоле при организации подобных объединений, они сами должны при этом работать в том режиме, который Экзюперы называл счастьем.

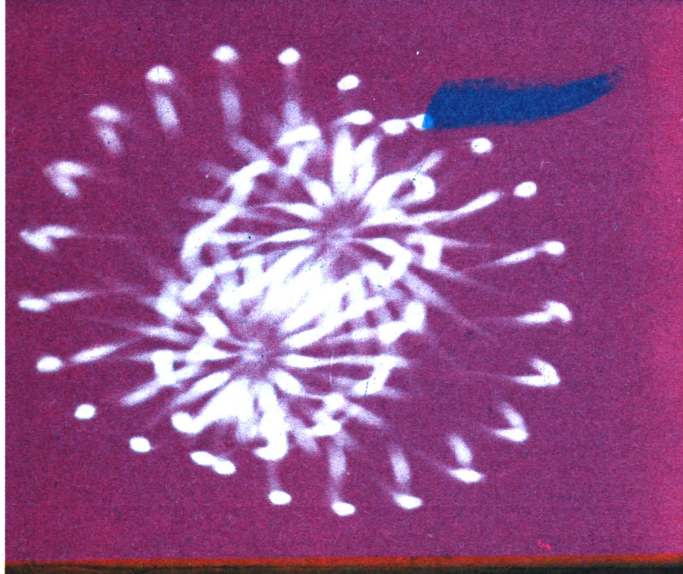
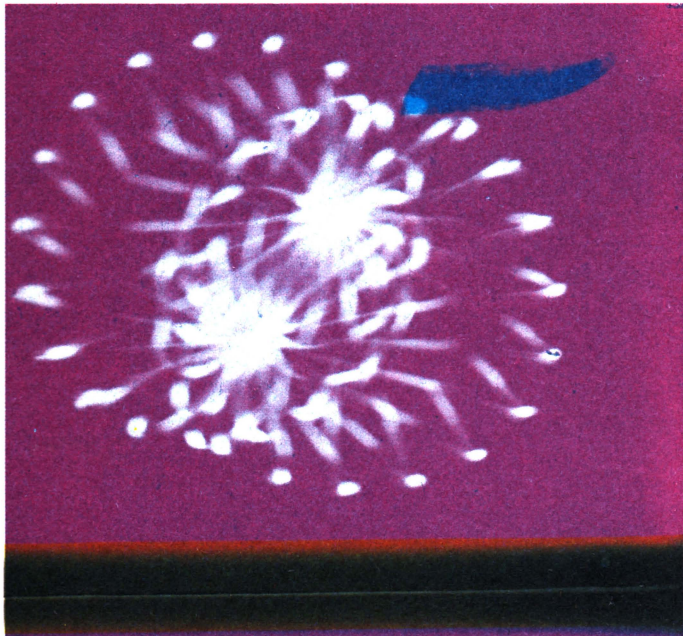

Кадры из светомузыкальных фильмов.

Световой витраж.

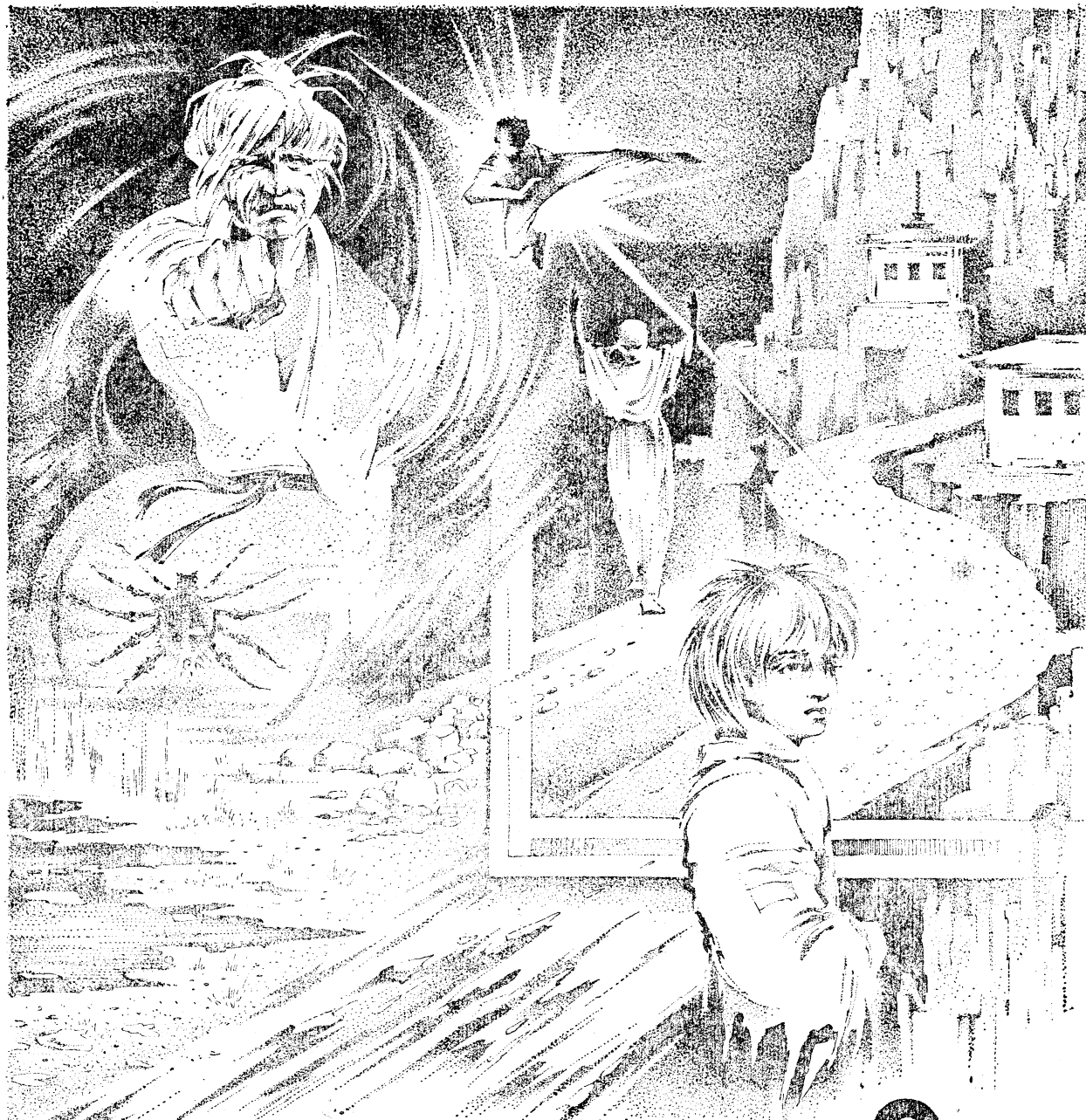
Световой витраж.

Кадр из светомузыкального фильма на музыку Свиридова
«ВРЕМЯ, ВПЕРЕД». (Студия «Прометей»).

Фото на вкладке Игоря Горячева, Фарида Губаева

рассказы

Рисунок
Дмитрия Литвинова

УДАР МОЛНИИ

Евгений ФИЛЕНКО

Сдается мне, что вы впервые в нашей стране, и потому законы гостеприимства, которые у нас в крови, просто обязывают меня за вполне умеренную плату прийти к вам на помощь...

Только, ради бога, не смотрите, что этот милый городок, высокопарно именующий себя столицей свободного государства, кажется похожим на горную деревушку. Поездка с его окраины до здания парламента займет у вас немногим меньше времени, чем, скажем, от Версаля до Эйфелевой башни. Это я заявляю вам как таксист. Правда, некоторые зловольные склонны отнести это обстоятельство на счет восхитительной извилистости наших улочек. Но даже в этом есть своя ни с чем не сравнимая прелесть, лицо города... Бывал ли я в Париже? Конечно, тоже шоферирил...

Нет, это обманчивое впечатление, никто в это время суток у нас не спит, а эпидемий не бывало с момента обретения независимости. Дело в том, что наша столица является самой тихой и спокойной столицей в мире. По слухам, так же тихо в одном из островных королевств Мальдивского архипелага. Я в это не верю, папуасы очень шумный народ. Что? На Мальдивах не живут папуасы? Кой черт, где же им еще жить?!

Впрочем, должен вам заметить, что порой и у нас бывает шумок, если, к примеру, кто-нибудь приедет на гастроли. Или кому-то взбретет в голову провести здесь какой ни то матч на звание чемпиона по чумли-либо этакому... Последний раз круговерть была год два назад. Ох, и задали туристы нам работенки! Вези туда; вези сюда, покажи им Хрустальную пагоду, где ночевал и молился принц Гаутама до приобщения ко вселенской мудрости — там есть на что посмотреть, настоятельно рекомендую... покажи женский монастырь, ибо наши монашенки — самые смиренные и самые прекрасные женщины в мире... покажи им, пардон, самый фешенебельный бордель... Нет, не самый фешенебельный в мире, у вас в Штатах есть и почище. Ах, вы не из Штатов? Из России?.. Ну, я так сразу и подумал, это же очевидно! Так на чем мы остановились? Да, а все оттого, что в нашем государстве самые низкие в мире налоги на коммерческие спортивные зрелища.

Кто приезжал? Один иностранец, не то из Бельгии, не то из Голландии. Звали его Дон Мертон, и он считал себя чемпионом мира. Титулов у него и действительно было, как грязи, например — Гроссмейстер

Евгений Иванович Филенко родился в 1954 году. В 1976 году окончил экономический факультет Пермского университета. Живет в Перми, работает инженером-программистом.

Первый рассказ напечатал в 1964 году. Публиковался в журналах «Вокруг света», «Изобретатель и рационализатор», «Студенческий меридиан», «Юный техник», в сборниках «Поиск-81», «Поиск-86», «Поиск-87», «Гель» и других. В Пермском издательстве в этом году выходит его первый авторский сборник «Сага о Тимофееве», куда включен и рассказ «Ловушка для падающих звезд», печатавшийся в 1983 году в нашем журнале.

(154)

Каратэ. Я и сам немного разбираюсь в этой музыке, по молодости баловался. Согласитесь, что для таксиста это вещь необходимая, особенно при нынешнем росте преступности... Нет, у нас пока еще тихо — в нашем славном государстве самый низкий уровень преступности среди несовершеннолетних в этой части континента.

Так вот, этот Мертон мог творить чудеса. Я кое-что видел, можете мне поверить. Из кирпичной кладки на добротном растворе он в момент сделал груды щебенки. Ударом ноги прогнул двухтавровую балку. Каково?! Выступал он на Большой арене, однако люди приезжали отовсюду, благо до любого пограничного пункта можно запросто доехать на велосипеде до исхода дня, если только вам посчастливится засветло выбраться из столичного лабиринта. Да еще туристов поднавалило... В общем, арена ломилась от зрителей, а кассы — от выручки. И все бы прошло, как обычно, если бы Мертон не бросил вызов местным мастерам. Представляете, он предложил каждый божий день проводить по три контактных поединка в три раунда, и если хотя бы в одном за все время гастролей будет ничья — возможности победы над собой он не допускал, — то весь доход от выступлений Мертон обязуется передать нашим спортивным федерациям. Что такое контактный поединок? Я знаю, как это сказать на нашем языке, а по-английски иного названия не придумаю. Это значит, что боец не обязан сдерживать свои удары, как то принято в спортивном каратэ. Вообще-то такие поединки запрещены. Настоящий мастер может запросто убить соперника. А эта дылда Мертон был настоящий мастер, экстра-супер-люкс. Даже в Японии, говорят, ему удалось уберечь свои денежки.

Наши ребята откликнулись на вызов, потому что зашло таким доходом, какой никому и не снился... В общем, троих парней Мертон сильно покалечил, еще одного выбросил ударом ноги в десятый ряд трибун, а это далеко — можете на досуге убедиться. И все бы мы ему спустили — и то, что он наших увечил, и что в отеле девчонкам проходу не давал, и что государство наше оскорбил, утираясь после поединков полотенцем цветов национального флага — кто его разберет, может, он не нарочно, какое полотенце привез, тем и утирался... Да только в свободное от тренировок время он заглядывал к боевикам «Черной фаланги» — слышали, должно быть, о нашей единокровной фашистской сволочи? — чтобы поднатаскать их немного. И потому на кимоно у него был вышит черный паук, символ принадлежности к фалангистам. А они в знак признательности громче всех орала на его представлениях. Черный паук на кимоно — вот этого нельзя было прощать. Вы, наверное, не знаете, что здесь витворяли чернопаучники десять лет назад?..

А только сделать-то мы ничего и не могли. Что тут поделаешь, когда он рельсы пятками гнет?

Как сейчас помню: все стены оклеены портретами Мертона. Круглая белобрысая физиономия, в глазах пустота, свинцовый кулак перед грудью, а на рукаве паук... Идешь по улице и не знаешь, куда глаза деть. Ну, и с расстройства прибредешь, естественно, в забегаловку. Есть у нас особая таксистская пивнушка, называется «Багажник». Между нами, понятно, а на вывеске-то там совсем другое написано... И было это в субботу, сидели мы, все старые дружки, вместе в армии гудели, вместе баранку вертим столько лет — хлестали пиво, и ни о чем не хотелось говорить, до того на душе было гнусно. Через три дня Мертон уезжал — кажется, в Катманду, и нечем было ему заплатить за надругательство. Чего мы только не придумывали: и в правительство петицию написать, и собача рыло ему начистить... Но мелким все это казалось, недостойным. Вот кабы на арене сбить с него спесь!

А хозяин забегаловки, по прозвищу Фужер, тоже свой парень, ходил за стойкой, сопел и таскал себя

Аэлига-88

за усы. Все вместе это говорило, что он принимает нашу общую беду близко к сердцу, что вертится у него на языке кое-что, да сказать никак не решится. Я и подкатил к нему, будто за дозой пива, тихонько взял за ладкан и спросил вполголоса:

— Что, есть кто-то на примете?

— Дьявол его разберет,— бормочет Фужер, пряча глаза.— Вроде хлипковат.

— Выкладывай,— выжимаю сцепление.— Тут задета наша с тобой национальная гордость. Или не тебя эти субчики за ноги подвешивали?

Он и сдался.

— Все, ребята,— командует.— Заведение закрыто. Мотайте отсюда до вечера.

Дружки-таксисты было возмутились, но увидели выражение моего лица и шустро потянулись к выходу.

— Едем,— говорю я Фужеру.— Мой лимузин к твоим услугам.

Сели мы и поехали. И прикатили на самую что ни на есть окраину, куда туристов вроде вас никогда не водят. Припарковались перед обшарпанным трехэтажным домиком.

— Здесь,— говорит Фужер.— Первый этаж, вторая дверь по коридору налево.

— А сам что не идешь?

— Стыдно... Он просил меня языком не трепать.

— Ладно,— согласился я.— Оставайся, стереги механизм. Как-нибудь управлюсь.

В коридоре меня ждут грязный полумрак и разнообразные запахи, обычное дело в наших домах, но трудно вообразимое для приезжих, которые дальше центра не гуляют. Тут тебе и квашеной капустой разит, и крапивным самогоном, и, пардон, сортиром... Я быстренько нахожу на ощупь нужную дверь, аккуратно стучу, и от моего стука дверь открывается сама собой.

Глазам моим является чистенькая комнатка с хорошо промытым единственным окном, стены оклеены белой бумагой, но это заметно лишь там, где нет стеллажей. А стеллажи, скажу я вам, занимали все пространство от пола до потолка и были наглухо забиты книгами — старинными такими фолиантами в черных от времени переплетах. В углу наблюдается маленькая кроватка, рядом стол, заваленный бумагами, а за столом — хозяин.

— Что нужно? — спрашивает он с неудовольствием.

Я молчу, потому что в этот момент мысленно извлекаю его из-за стола и ставлю рядышком с Мертонном. От этого сопоставления делается мне жарковато. Человеку за столом где-то под тридцать, блеклое худое лицо, редкие волосы, сложение, судя по всему, обычное, как у нас с вами. А фалангистский прихвостень Мертон — это сто двадцать килограммов чистой свинины на два метра, все обтянуто белой атласной кожей без признаков надоедания. И еще я поглядел на руки этого человека, что покойно лежали поверх бумажек. Вы, наверное, догадываетесь, что я мечтал увидеть — у мастеров каратэ кулаки отбиты постоянными тренировками, как булыжники. А у хозяина этой комнаты длинные косялые пальцы, залапаны чернилами... В общем, типичный домосед и книжник.

— Похоже, я не по адресу,— бормочу я и пачусь к выходу, вспоминая побольше ругательств для Фужера.— Мне нужен был тот, кто жил здесь прежде.

— В этой конуре я живу с момента постройки дома,— говорит хозяин.— Так что выкладывайте все начистоту, и поживее.

Ну, я решил, что отступить всегда успею, и потому двинул в атаку. Топою вплотную к столу, придираясь к губам, приближаюсь к столу, придираясь к губам.

— Что же это делается? — начинаю без предисловий.— Если всякая погань будет ноги вытирать о нашу

национальную гордость, и впрямь лучше в Штаты мотануть, от стыда подалше!

— Вы о чем? — изумляется он, подбирая отпавшую от неожиданности челюсть.

— Да все о Мертоне, будь он неладен. Ведь что творит!

— Ах, об этом мальчишке... — протянул он.

«Хорош мальчик», — думаю я, одновременно продолжая кипятиться и расписывать ему художества чертова гастролера.

— Непорядок,— говорит книжник без особого интереса.— Это он увлекся. Однако трудно ждать чего-то иного от человека, развращенного рекламой и дешевой популярностью. Не огорчайтесь, уважаемый, эстрадные идолы ведут себя не лучше, хотя я что-то не припоминаю, чтобы ко мне приходили на них жаловаться.

— Так ведь пауки! — кричу я.— Паук у него на руке нашит!

И тут его словно подменили. Только что на лице было выражение ленивого безразличия, и вдруг словно забрало опустили. Каменная маска и глаза-бойницы.

— Это он зря,— цедит сквозь зубы.— Черный паук — это, если мне память не изменяет, фалангист? Так нельзя...

Вылезает он из-за стола и давай ходить по комнате, горбясь и теребя себя за подбородок.

— Знаете, что я вам посоветую? — объявляет он, досыта нагулявшись.— Напишите петицию, соберите подписи и направьте в парламент. И его вышлют по политическим мотивам, у нас ведь официально запрещена пропаганда всяких ультра.

— Петицию? — спрашиваю я.— Толку от нее! Кое-кто ему в правительстве за это спасибо скажет, а он и вовсе распустит хвост: мол, не соображали в бою, так решили бумажками одолеть. А вот если бы ему рыло здесь начистили при двадцати тысячах очевидцев, морду его паучью...

— Так,— говорит хозяин с раздражением.— Это вас ко мне, конечно же, дядюшка подослал, болтун несусветный!

Тут дверь настезь распахивается, и всваливается Фужер, весь багровый от гнева.

— Я тебе дам болтуна! — режет он с порога.— Кто тебя, сопляка, в соплячестве твоём на руках нянчил, на горшок сажал, сопли утирал, когда родители твои смылись в Австралию и сгнули там? Забыл уже? Память у вас больно коротка, у сопляков сопливых!..

— Но я же просил... — бормочет хозяин, а сам не знает, куда от стыда деться.

Однако Фужер разошелся не на шутку.

— Накостылять бы тебе по шее, и все дела! За то, что я на тебя последние гроши тратил, от родных детей отрывал!..

— Тихо, братцы! — ору я громче всех.— Давайте о Мертоне.

Фужер мигом успокоился, сел на краешек кровати. А хозяин снова забегал по комнате.

— Надо бы, конечно, вправить мозги этому мальшу,— приговаривает на ходу.— Но дойди эта история до военного ведомства, они же в лепешку расшибутся, а добудут у меня нужные им сведения. А не добудут, так просто уничтожат, чтобы никому не досталось. И меня уничтожат, и вас, дядюшка, и вас,— кивает мне,— за компанию.

— Мна это вроде бы ни к чему,— ввинчиваю я со значением, а сам ни сатаны не понимаю.

— А если слухи уйдут за океан? — волнуется книжник.— И не того я боюсь, что всех нас в труху изотрут, хотя и это неприятно. А того, что какой-нибудь головастый спец из разведки в конце концов разберет, что к чему...

Фужер с кислой миной кивает своей лакированной лысиной, будто сувенирный болванчик, а мне на-

доело, что ничего усечь в их переживаниях не могу:

— О чем, собственно, речь?

Хозяин тормозит на полдороге, закусывает язык и в полном недоумении глядит на Фужера:

— Вы что же — не посвятили его в подробности?!

Фужер сконфуженно хмыкает.

— Лихо! — усмехается хозяин. — Знай вы всю правду, ни за что бы не поперлись ко мне... Я никакой не супермастер каратэ. Я всего лишь историк. Пишу монографию о памятниках древней философской мысли. Все это, — он обводит широким жестом горы книг, — собрано мной в поездках по стране. Старинные рукописи, цены им нет. Там есть знания, которые все еще недоступны нашему разуму...

— Изумительно, — поддакиваю. — Только Мертону плевать на нашу богатую культуру, он же бетонные плиты ладонью крошит!

— Да баловство это, — ворчит хозяин и делает паузу. Будто раздумывает, нужно ли ему продолжать или забыть — таки про родственные чувства и выставить нас обоих за дверь. — Шалости это по сравнению с тем, что умели наши предки. В общем... Однажды мне попал на глаза древний манускрипт «Искусство быть молнией разящей», предположительно датированный десятым веком нашей эры... Никогда, ни в одной монографии я даже не уломяну о том, что он существует.

— Почему? — спрашиваю, затаив дыхание.

— Потому что там содержится описание комплекса упражнений, увеличивающих... как бы вам это сказать?... реактивность организма. Словом, человек после нескольких пустяшных телодвижений обретает способность двигаться намного быстрее обычного.

— Во сколько же раз?

— Не знаю. В десять, в двадцать. Может быть, в сто. Наши предки использовали это знание для отражения набегов завоевателей. Они становились людьми-молниями, неуязвимыми для любого оружия, разящими внезапно и безжалостно.

— Откуда вы знаете, что это не сказка?

— Откуда, откуда... Я испытал это на себе. Вон дядюшка сидел, на что это похоже.

Фужер кивает головой еще живее.

— Там нет ничего заумного, — с горечью говорит хозяин. — Не какие-нибудь йоговские асаны. Искусство быть молнией доступно даже младенцу, вот что страшно... — И тут его словно прорвало: — Наши праотцы умели все, что за деньги вытворяет перед вами Мертон, и даже больше! Попробуйте вообразить схватку двух молний! Конечно, не могло быть и речи о той высочайшей культуре движений, что присуща каратэ, дзюдо и прочим современным единоборствам, которые формировались и оттачивались веками. Наше военное искусство заглохло едва ли не полтысячи лет назад, и трудно сказать, хорошо это или плохо. Оно могло бы оказать такое воздействие на всю человеческую цивилизацию, что я даже не рискую об этом задумываться... Ведь любое прикосновение человека-молнии убивало! Это все равно, что вас ненароком заденет на взлете сверхзвуковой лайнер!

Что, теперь и вам стало ясно, чего он так опасался, этот книголюб? Да полади его открытие в руки военных — наших ли, союзников ли, — и они заполучили бы абсолютное оружие, чистое и неотразимое. Диверсант, движущийся со скоростью мысли. Солдат, опережающий пулю. Сапер, обезвреживающий мину до того, как она коснулась земли... По-моему, нет ничего поганее, чем дарить военным новую игрушку. Вы согласны? То-то...

Но с другой стороны: если бы человек сам по себе стал оружием, так, быть может, мы не придумали бы этих жутких бомб? Остановились бы, одумались, зареклись бы навсегда воевать. Или, если уж никак не истребить человеку в себе эту страсть к убийствам, извели бы друг дружку еще в десятом

веке. Прямо так — голыми руками. Но не погнали бы весь остальной мир всякой там радиацией! Чтoб зверье невинное жило себе да радовалось, и не вспоминало даже о том, что ходил когда-то по земле человек!

Запоздало это искусство, сильно запоздало. Изменить что-нибудь к лучшему оно уже не могло, а сильнее того навредить — это запросто...

— Господи, владыка наш и спаситель, — ужаснулся я в тот миг. — И вы не уничтожили эту книжонку, не сожгли ее в тот же час?! — а сам шарю глазами по комнате, по черным переплетам и свиткам на стеллажах.

— Нет, — отвечает он. — Я оставил ее там, где нашел. Пусть лежит еще века, не для нас она, сегодняшних. Только перелистал от корки до корки, у меня память фотографическая.

Я встаю, кланяюсь и, как честный человек, собираюсь уходить. Но Фужер продолжает сидеть на своем месте, как приклепанный!

— Как там ваш театрик? — спрашивает он с самым невинным интересом. — Процветает?

— Вполне, — говорит хозяин слегка удивленно. — Но я оставил труппу. Годы не те, да и времени недостает ни на что.

— Какой там еще театрик? — уже от дверей интересуюсь я.

— Так, пустяки, — поясняет хозяин. — Мы ставим на любительской сцене старинные пьесы в классическом национальном стиле. Народу нравится...

— Еще бы! — с воодушевлением подхватывает Фужер. — Помню, как ты играл монаха, животики надорвешь!

— Ну-ну, — говорит хозяин медленно. — Таково хитреца, как вы, почтенный дядюшка, поискать. Только пустой это номер! Я же ничего не смыслю в каратэ.

— А тебе и не надо! — машет руками Фужер. — Твое дело маленькое: выйти, поклониться и трахнуть Мертон по сопатке. Каратэ — дело нехитрое, верно я говорю? — это он уже мне.

— Нехитрое, — отвечаю я. — Некоторые господа занимаются этой пустяковиной двадцать лет по восемь часов ежедневно, и все без толку.

— Не знаю, не знаю, — напеваает Фужер, — но лично я из всей нынешней болтовни запомнил две вещи: что каждое касание человека-молнии убивает, и еще что-то про фотографическую память. — С этими словами он вытаскивает из кармана пузатенький томик в яркой обложке и посылает его на стол, хозяину под нос. — А нам никого убивать не надо. Убийство — грех великий. Нам только мозги кой-кому на место вправить...

Что, вы думаете, он ему подсунил? Иллюстрированное руководство для занятий каратэ! Хозяин полистал ее без особого энтузиазма и отложил.

— Ладно, — говорит он сердито. — Ритуалы здесь описаны, что там и как. Схожу еще куда-нибудь, взгляну на тренировки. Национальный престиж — дело серьезное...

Спустя несколько минут выходим мы с Фужером из затхлого помещения на свежий воздух. Закурили.

— Про паука ему сказал? — спрашивает Фужер.

— Прямо с порога!

— Правильно. Тут ты его и поддел. У него с фалангистами еще со времен студенчества личные счета. Помнишь, как они университетскую библиотеку пожгли?

Обычно я быстро соображаю, что к чему, таксистская работа такая, а тут словно затмение нашло — никак не могу понять, о чем все время шла речь и до чего же мы договорились. Поэтому я с наивным видом интересуюсь:

— Послушай, старина, он что, и впрямь собрался задать вздрючку Мертону?

— Кто их разберет, этих ученых,— ухмыляется тот.— Может, и собрался. Но раззадорили мы его не на шутку. В таком деле главное — подпустить перцу в одно место, как ты полагаешь?

— Согласен. А что он там погибал насчет фотографий?

— Фотографическая память,— поясняет Фужер.— Один раз поглядел — на всю жизнь запомнил. Как сфотографировал. Вот он полистает мой презент, к настоящим мастерам прогуляется и станет большим специалистом по мордобоею ногами. Экстра-суперлюкс, как ты выражаешься.

— Пока он будет припоминать, как делается простой «коо-цуки», — говорю я недоверчиво, — Мертон вобьет его в землю по самые уши.

— Вряд ли, — отвечает Фужер, попыхивая сигареткой. — Думаю, прежде чем Мертон хотя бы пошевелится, мой парень успеет и вспомнить, и сделать этот твой «коо-цуки» как положено, и даже подремать чуток, пока Мертон будет считать собственные кувырки.

Истекает день, другой... Мертон калечит еще одного сумасброда, профессионального борца весом под двести килограммов, выбивает пыль из нескольких ребят в белых кимоно с черными поясами. И по всему видно, что нет для него большего удовольствия. Страшный он был все же боец.

В последний день арена трещала от наплыва желающих увидеть прощальное выступление Гроссмейстера Каратэ. И каждый втайне, на самом доньше души, надеялся, что отыщется в нашей славной стране хотя бы кто-нибудь, способный после первого раунда уйти с арены своими ногами. Мертон по обыкновению своему дробил кирпичную кладку, ломал бетонные плиты и стопки черепицы, все чин чинном...

А сцепиться с ним в этот последний день пожелал один лишь человек. Странствующий монах, случайно заглянувший в нашу гостеприимную столицу по пути из одного монастыря в другой в поисках вселенской мудрости.

Фужера в тот вечер не было в зале — накануне в его заведении состоялась маленькая поножовщина, и у него возникли проблемы с полицией. К тому же, сдается мне, он боялся-таки увидеть, как из его задумки выйдет натуральный пшик, а из его любимого племянника сделают рубленый шинцель...

Так уж вышло, что первым таксомотором, повернувшись нашему монаху по пути на арену, оказался именно мой. И я с полным моим почтением подвез приобщенного к тайнам небес до самого входа, выскочил из кабины раньше него и с поклонами открыл ему дверцу. Монах, не глядя в мою сторону, подошел к полицейским, что-то им бросил через плечо, и те чуть ли не за руки влихнули меня в эту ревущую тысячами голосов коробку следом за моим пассажиром. Я поулыбался для приличия: мол, день еще не закончен, мне бы денюжка подзаработать... Но те, здоровенные буйволы, ни в какую. Сказано — сопровождать до арены, и хоть тресни!

Довел я монаха до кулис, пристроился там. Таращусь на происходящее в дырочку, а сам тряусь, как паралитик.

Мертон стоял в центре татами, сложив руки на груди. В белом кимоно с черным пауком на рукаве, перетянутый широким красным поясом, огромный флангистский жеребец. В этот миг он казался мне, да и всем, кто сидел на трибунах, и в самом деле непобедимым. Неодолимой злой силой. Стихией.

Я оглянулся на своего монаха, о котором, кажется, все и забыли. А он укрывался в тени, присел на корточки и чуть ли не поклонил бьет. Лицо мирное, потустороннее какое-то... Увидел меня и словно опомнился. И тихонько мне шепотом:

— Вы не смотрите на меня. Ни к чему это вам.

А я ему тем же манером отвечаю:

— Что же мне, на того носорога прикажете смотреть?

— Это как угодно. А от меня отвернитесь. Зачем вам знать лишнее? Да и меня задерживаете...

Тогда только я понял, что вовсе не скромничает он по бог весть какому поводу, а тайну хочет убедить. На тот случай, о котором говорил там, в своей конуре. Если вдруг начнут душу из нас вынимать за то страшное знание, что откуда один только он хранит. Чтобы, значит, не о чем было мне пробалтываться. А за себя он вроде как бы и спокоен.

— Ладно, — говорю. — И впрямь не для моих мозгов эта штука. Только ты, парень, не подведи.

Трибуны уже начали пошумливать, засвистели. Заскучал народ, зрелище ему подавай...

И тогда к ним вышел человек среднего роста, заурядного телосложения, в черном потрепанном халатишке с капюшоном. Отложил в сторону длинный монашеский посох, скинул сбитые в странствиях сандалии. Потуже затянул веревку из шерсти яка, что была ему вместо пояса. Поискал глазами Мертон, словно бы не заметил сразу. И слегка так поклонился ему. Как равному.

Хотя над нашими головами уже много лет крутятся спутники, а в горах со дня на день запустят атомную электростанцию, мы не смеемся над своими монахами. Но одно дело видеть его на улице возле монастыря, и совсем другое — посреди спортивной арены, в перекрестье прожекторов. И поэтому по рядам зрителей прокатился конфузливый смехок, и даже Мертон переступил с ноги на ногу и недоуменно покосился на судей: дескать, кого же вы мне это подсунули?! Только нашему монаху все было нипочем. Стоял себе невозмутимо и тарачился по сторонам, будто тысячи эти сумасшедшие не на него собрались сюда посмотреть, а исключительно для того, чтобы он отвлекся от возвышенных размышлений, за ними наблюдая.

А потом судья разрешил противников и дал команду к началу боя. В этот момент нашему священнослужителю вздумалось почесаться, что он и проделал с большим наслаждением. И это окончательно убедило всех, включая Мертон, что на арену вышел самоубийца. Впрочем, вряд ли Мертон задумал что-то серьезное: наверняка его предупредили, что в нашей стране монаха лучше пощадить. Лупить, стало быть, но не в полную силу. Поэтому Гроссмейстер терпеливо дождался, когда у соперника прошел зуд, и лишь тогда быстро двинулся вперед. Он с ходу нанес обходной удар ногой, «маваси», намереваясь разом покочнчить с этим балаганом. Затрещало белое кимоно, ветерок пронесся над ареной... Я зажмурился.

Но чудаковатого монаха не оказалось в том месте, куда пришелся удар. Он возник немного в стороне от места схватки, все такой же спокойный, задумчивый, до предела углубленный в себя. И только я догадывался, что все это время он старательно шелест страницами учебника каратэ в своей невероятной памяти.

Мертон развернулся к нему. На мгновение замер. Словно ловил его в перекрестье прицела своими стеклянными глазами. А потом тело его взорвалось одним движением, рука пошла от плеча, как ракета из пусковой шахты — с той же силой и скоростью. И будто бы даже грохот прокатился над ареной от этого страшного удара... Между тем его противник, не меняя позы, очутился в трех шагах за его спиной. Я уверен, что многим искренне захотелось протереть глаза. В том числе и Мертону.

Гроссмейстер немедля выстрелил длинным «цуки» — это основной удар в каратэ, если вы знаете... Тут они впервые вошли в контакт, потому что монах добрался до нужной страницы, прочитал, что там пишут умные люди, и попробовал заблокировать атаку. Но слегка ошибся и сделал это не так, как обычно

принято в каратэ, то есть в направлении движения атакующего — с тем, чтобы использовать его же собственную силу. Вместо этого он поставил Мертону встречный блок против движения его руки, и этот конь, играючи ломавший бетонные плиты, с криком боли схватился за предплечье. Врачи по краям арены вскинулись, не сразу сообразив, к кому же спешить, но судья остановил их: Мертон не просил о помощи. Он был потрясен, но не напуган. Он просто не умел пугаться, не был приучен, потому что еще не встречал равного себе. Не знал он, что по неведению сцепился с древним человеком-молнией, непобедимым воином нашей земли, одним из тех, кто века назад отражал набеги всяких там кочевников и самураев...

Пока Мертон приходил в чувство, монах стоял в двух шагах напротив него и ждал. И вся Большая арена ждала, замерла на вздохе...

Потом Гроссмейстер принял боевую стойку и двинулся вперед, хотя в нем ощущалась громадная неуверенность. Должно быть, только теперь он испытал нужду собрать воедино всю свою силу, мастерство и злость, чтобы победить. И уж, разумеется, начисто забыл обо всех увещеваниях насчет вежливого обращения с местными священнослужителями.

Тут все и закончилось.

Монах ударил его — быть может, один раз, быть может — все сто. Никто не видел удара, а на рапиде, который накрутили почувывшие сенсацию хроникеры, картинка оказалась смазанной. В одном я абсолютно уверен: он бил не кончиками пальцев, как большие мастера, а кулаком. Книжка-то была для начинающих, там на каждой странице призывы: берегите пальцы да берегите пальцы... Думаю, что пальцами он попросту пробил бы Мертона насквозь, как гнилую тыкву.

Что ни говоришь, а Мертон был великим бойцом, пусть даже и скотиной редкостной. Он сумел подняться после этого удара, хотя наверняка чувствовал себя так, словно в него врезался танк. Он выпрямился, но уже был не в состоянии даже закрыться, его руки висели плетями, колени подламывались.

И тогда монах протянул руку, ухватил Мертона за рукав с нашитым черным пауком и дернул на себя. Рукав оторвался, монах отбросил его прочь и, отходя, наступил босыми пятками. Будто гадюку растоптал. А отходил он потому, что Мертон, не в силах устоять от рывка, валился на татами ничком.

Полагаю, вы догадываетесь, что происходило на трибунах. Скажу только, что снесли и сравняли с землей центральные ворота, в которых били подвешенных фалангистов и вступившую за них полицию. И до сих пор, кстати, не отстроили. Сам я того не видел, но дружки говорят, что деanzo так душу не отведили!.. Нашего монашка сгоряча хотели объявить святым, да разыскать не смогли: под шумок сгинул. Вместе с одним таксистом... Остались лишь посох и сандали. Между прочим, вы можете их видеть в нашем музее спортивной славы при Большой арене.

Вообразите себе: едем это мы с вами по тихим извилистым улочкам маленькой столицы крохотного государства, а где-то на окраине, в затхлой комнатухе, доверху заваленной книгами, за письменным столом сидит человек, обладающий секретом невероятного могущества. Он мог бы иметь деньги и власть, если бы захотел, но он просто сидит и пишет. Потому что деньги, конечно, неплохая штука, но они не главное в этой жизни. Да и во всех последующих воплощениях. Совсем не главное... Так что пусть он сидит себе и пишет, а мы тем временем подъедем к самому шикарному столичному отелю. Только не пугайтесь его внешнего вида, внутри он гораздо привлекательнее. Настоящий экстра-супер-люкс.

Почему я не побоялся вам все это рассказать? Ну что вы, разве я похож на сумасшедшего... Я же отлично знаю, что у вас там тоже не любят черных пауков.

ТРАМВАЙ ДО КОНЕЧНОЙ

Игорь ФЕДОРОВ

Я давно собирался сделать в коридоре антресоли. Эдакие деревянные полки для хранения всяких палаток, спальников, котелков, которые зимой пылятся под диванами и шкафами в ожидании летней свободы.

Давно собирался, но то молотка и гвоздей не находил, то доски упорно не хотели ко мне попадать. И времени не хватало — как всегда. Но сегодня наконец судьба ко мне снизошла и одарила щедро. И вот в левой руке сумка с инструментом, на правом плече увесистый и негабаритный груз пиломатериалов; настроение, как и погода, в норме, и ноги несут на остановку трамвая. Все идет к тому, что жилищный вопрос моих причиндалов будет сегодня решен.

Подъехал трамвай. Странный какой-то, наверное, опять новая конструкция. Я совершил сложный маневр досками и, кажется, задев кого-то выходящего, забрался в дверь.

О счастье! В углу свободное место. Примостил поустойчивее доски, на пол поставил сумку и сел, довольно отдуваясь и вытирая пот со лба.

Трамвай тронулся.

Но не успели проехать и минуты, как надо мной навис согбенный сухонький старикашка. Он держался вешущей рукой за поручень, слегка покашливал от тряски и пристально смотрел на меня чайными глазками. Мне стало неловко. Свободных мест больше не было, рядом сидели сплошь женщины, дети и инвалиды, ближайšie кандидаты на уступление места выдвинулись в другом конце вагона, а старикашка смотрел на меня.

Я встал, отодвинул сумку и сказал:

— Садитесь, пожалуйста.

Старик вдруг резко подскочил к сиденью и, подернув брюки, плюхнулся на него. В глазах бежали злорадные искорки.

— Ну и стой теперь, лопух! До самой конечной! Или пока я не выйду! — проблеял он с радостью.

Очень странной показалась мне эта фраза.

— Почему до конечной?

— А здесь все до конечной!

Было чему удивиться.

— Ничего подобного. Я на Первомайской выхожу.

— Хех-хе! Будет тебе конечная — тогда и выйдишь. Может, и на Первое мая.

Сумасшедший какой-то. Я отвернулся. Трамвай шел себе помаленьку. Водитель остановок не объявлял,

Игорь Федоров родился в 1961 году. Живет и работает в Виннице, руководит клубом старшеклассников при Дворце пионеров. Председатель КЛФ «Лаборатория». Его рассказ «Лабиринт» напечатан в этом году в первом выпуске новосибирского альманаха «Румбы фантастики». Рассказ «Трамвай до конечной» рекомендован для публикации в нашем журнале первым литературным семинаром на «Аэлите»-88.

но, видно, все и так знали, где им выходить. Я присмотрелся внимательнее и почувствовал какую-то странность. Уж очень устойчиво все тут сидели, не было трамвайной легкомысленности, временности. Один мужчина жевал бутерброд. Слово не в трамвае ехал, а в поезде. Тут же я увидел подтверждение своим мыслям. Недалеко от входа, там, где в обычных трамваях висит компостер, нагло краснел стопкран...

Старик вдруг дернул меня за рукав:

— А вот и нечего нос воротить! Лучше бывалого человека послушал бы.

Я только что-то промычал в ответ. Старика хватил и этого. Воодушевленный, он собрался произнести заготовленную, видимо, речь, но нас отвлекло незначительное, как я тогда подумал, происшествие.

Мужчина лет тридцати, сидевший до этого почти незаметно, вдруг вскочил, рванул на себе галстук и закричал на весь трамвай плаксивым голосом:

— Ну невозможно же так, неужели вы все не чувствуете? Сколько можно?!

Подскочил к стопкрану и дернул. Трамвай резко остановился. Я, естественно, сел на старичка, какой-то ребенок проснулся и закричал. А мужчина выскокил в открывшуюся дверь.

В вагоне повисла зловещая тишина. Все, даже компания молодежи на задней площадке, мрачно смотрели вслед. Меня накрыло ощущение чего-то ужасного и непоправимого, и я тоже застыл.

Старичок покрывал и проговорил с осуждением:

— Все мы там будем, конечно, но ведь нельзя же так...

А какой-то мужской голос за моей спиной сказал с неожиданной злобой:

— Слабак!

Пассажиры зашевелились, потихоньку начали говорить. Трамвай опять поехал. Старик проворчал:

— Раньше-то их штрафовали, изолировали от остальных, нормальных, кто на своей выходит... Едешь, и едь себе. До конечной. Не нравится или места сидячего не досталось — придумай чего-нибудь. А так — последнее дело.

Я по-прежнему ничего не понимал.

— Вот, помню, когда еще молодой я был, — старик мечтательно затряс головой, — так и без этого чуть не весь вагон на одной остановке выходил. Как затеют что-нибудь историческое — горы там своротить или еще что, так и выходят. Многие до конечных не доезжали. Я и сам пару раз чуть не вышел.

Трамвай опять остановился. На задней площадке несколько ребят пожали руки друзьям, набрали воздуха, как перед прыжком, и шагнули наружу. Им тоже смотрели вслед. Одна женщина даже всхлинула. Я же начал кое-что понимать.

— А эти почему?

— Эти? А они, бедняги, в южных войсках служили. Оттуда многие выходят.

— И все так просто смотрят?

— А что поделаешь? Их остановка. Вообще-то каждый сам выбирает себе конечную. Вон, видишь, девочка на заднем сиденье? — Старик неестественно скосил глаза, показывая. — У нее вон шприц в сумке просвечивает, и взгляд остекленелый. Видишь?

— Ну.

— Так вот ей всего-то пару остановок ехать осталось. Долго не протянет.

Я присмотрелся. Действительно — девушка, и симпатичная. Сидит, закинув ногу на ногу. Ноги красивые. Ярко накрашена. И шприц в прозрачной сумке. А взгляд — как у стариков — в пустоту, в свой уход. Становилось жутковато.

Опять остановка.

Я почти привычно сжался и с ужасом, смешанным с радостью — не я! — посмотрел, как и все в вагоне, на дверь. Вышла небольшая группа строгих, по-

военному подтянутых, не старых еще людей. Я уже боялся спрашивать вслух. Молча посмотрел на старика — знатока правил движения и расписания этого странного трамвая.

— А об этих и не спрашивай, — вздохнул старик. — Не обо всем нам знать дано.

Трамвай тронулся. Один парень остался стоять на подножке, придерживая рукой дверь, и все смотрел вслед вышедшим. На повороте вагон дернулся, и он... не удержался.

Скользнула рука по стеклу двери — пальцы напряженные до боли, до белизны — вскрик — звук упавшего тела. И всё.

У меня перехватило дыхание.

А старик, видно, привык ко всему.

— Ничего, запишут — под машину попал.

— К-кто запишет?

— Ну, кто, известно кто. Вагоновожатый. Э-хе-хе.

Теперь я уже совсем другими глазами смотрел на вагон и его пассажиров. Конечно, из трамвая не только выходили. Но если выход человека был замечен, то приход происходил буднично, без остановок, так — притормаживание. Наибольшая текучесть была сзади, на площадке для стоящих. Спереди сидели спокойно, с чувством исполняемого долга. Некоторые (видимо, зная, куда попадут) входили прямо с табуретками и, сдвинув возмущающихся стоящих, усаживались в проходе. Эти даже курили и пили. Прямо в трамвае.

Иногда кто-то из пассажиров вдруг начинал кашлять или стонать, вставал, подходил к двери. Но выходили не всегда. Иногда возвращались на свое место, и соседи вздыхали с облегчением.

Вдруг, как по подсказке проклятого старика, встала и сомнамбулически пошла к двери та девушка с заднего сиденья. Соседи, как зачарованные, смотрели ей вслед. Один парень рванул к ней. Вдруг стоящий в углу площадки этакий атлет в черной рубашке подскочил и, оттолкнув парня, попытался усестись на его место. Парень схватил «черного» за руку и потянул на себя. Тогда «черный», не вставая, сильно ударил его ногой в живот. Парень отлетел и упал, корчась от боли. Трамвай остановился. Девушка вышла. «Черный» вскочил с сиденья, угрожающе глянул на стоящих и ногой вытолкнул парня наружу. Быстро вернулся и сел.

Трамвай стоял. Все молчали.

И тут поднялся мой старик. Ни на кого не глядя, он прошел на заднюю площадку к сидящему «черному», сверху вниз посмотрел на него.

— Эх ты, собака. Я бы еще понял, если бы за вход... Но за сидячее место так?! Не хочу я с тобой в одном вагоне ехать, противно!

Плюнул под ноги, повернулся и вышел.

Трамвай дернулся и поехал.

Я как-то выключенно опустил на освободившееся место. Что же это? Как? Как теперь? Может, стопкран дернуть? Нет. Это не для меня. Но что же тогда? Куда мы катимся. Где конечная? Двери заколотить? Но тогда никто не войдет. Что же делать?..

И опять кто-то заслонил от меня солнце. Я с трудом вернулся в действительность, уже зная, что это значит и что меня ожидает. Ну нет, я теперь не лопух и не слабак...

Надо мной стояла женщина. Беременная.

Остаться сидеть? Уступить ей место и снова стать лопухом? Ну и пусть! Пусть я лопух! Но не могу я, отвернувшись, пилиться в сияющее стекло. И пусть этот «черный» смеется. Не могу!

И сколько бы мне еще ни оставалось до моей конечной, я хочу проехать хорошо. Пусть стоя. Но выйду чистым.

Я встал. Взял свои доски, инструмент и принялся строить стулья.

Трамвай ехал до конечной.

ШАГ НА ДОРОГУ

Иван ТЯГЛОВ

Весенние часы тетушки Катрины сломались к полудню. Черная секундная стрелка проскочила еще несколько делений по желтому, старой слоновой кости циферблату, потом застыла. Зеленый трилистник на оси стрелок потемнел, пожух и наклонился, касаясь высохшей хрусткой кромкой резных листочков, отмечающих часы и минуты.

Тетушка прибежала, бросив пирожки, заахала, то-ропливо вытирая руки. Так расстроилась, что даже хлопнула разок масляной ладонью по белому свежему переднику, а немного придя в себя, вытащила Вальку из темных недр большого кресла.

— Валя, мальчик, помнишь еще, где этот сыч бородатый живет? Умнейший наш. Да... Беги к нему. Скажешь: Катрина послала за Солнечным Ароматом с Песчаного Лабиринта. Часы, скажи, у нее сломались. Все, беги скорее.

Валька не препирался. Первый раз видел Катрину такой испуганной. Аккуратно поставил на полку «Пенную дугу» и рванул.

На улице потемнело, вдоль кривых улочек нижней слободы потянул Полночный ветер, который вообще не должен дуть в такое время. Валька, ежась под его ледяными порывами, побежал вверх по Артиллерийской. В небе тоже происходили жутковатые перемены. Легкие белые перья облаков, длинными хвостами тянувшиеся от степей в океан, набухали, темнели, разлохмачивая края, грозили снегопадом.

Валька спешил, не обращая внимания на отчаянный скрип пыльных лопухов вдоль канавы, на холод, залезавший под рубаху острыми иглами. Длинные темно-русые волосы поминутно падали ему на глаза, и он сдувал их сердито, взмахивая головой. Становилось все холоднее. Решительно не годились для такой погоды легонькая рубашка навыпуск с шортами, да только ничего другого у Вальки здесь не было.

Вот она, лестница. Теперь вверх по выглаженным, сточенным ногам ступеням.

Скорей, скорей! Вот уже и Летнее солнце затянулось серыми клубами. Валька рванулся из последних сил, слизывая капельки пота с верхней губы. Простучала под ногами деревянная мостовая, знакомая дверь открылась сразу.

— Ну-с, молодой человек, вы, конечно, не откажетесь от горячего чая.— Бородатый горбоносый человек наклонился над ним, но глаза, серые и холодные, как облачные пряди, смотрели из каких-то одному Умнейшему ведомых далей. Преодолевая ощущение букашки под микроскопом, Валька сказал:

— У тети Катрины сломались весенние часы, она просила Солнечный Аромат... Скорее, я счас назад.— Вот неугомонная,— хмыкнул Умнейший.— Сколько раз я ей хотел эти часы остановить. Говорил ведь... Скорее! Там зима возвращается.

— Э-э,— Умнейший повернулся к маленькому

Иван Валерьевич Тяглов родился в 1963 году. По профессии инженер-электронщик, в 1986 году окончил Московский инженерно-физический институт. Живет в Свердловске, работает инструктором в юнкорском отряде «Каравелла».

Рассказ «Шаг на дорогу» — первая публикация автора.

(160)

шкафчику красного дерева, открыл, начал перебирать корбочки и пузырьки.

— Ты не бойся так,— сказал он, рассматривая бутылочку из молочно-белого камня.— Сейчас найдем. Только нести придется мне самому.

— Вот еще. Я быстрее.

— Да не быстрее... Тебе ведь сейчас домой.

Валька поглядел искоса. Конечно, это — Умнейший, но все же откуда ему знать?

— Да ведь ты считаешь все это сном. Не так ли? Стоит ли удивляться, что я знаю о тебе многое?

— Зачем вам столько вопросов?— хрипло спросил Валька. Начинала кружиться голова, и он почувствовал, как страшно тянет черный провал, раскрывшийся там, выше мрачнейшего неба.

— Ну вот,— пробормотал Умнейший, извлекая из шкафчика розовый стеклянный флакон.

— Кстати, я принес твою одежду, она там, у камина.

Голова кружилась уже так сильно, что в глазах плыла серая муть.

— Вы... Скажите Сергею... Ну...

— Скажу, скажу. Ты переодевайся.

— А что... дальше?— против воли вырвалось у Вальки.

— Ну, не знаю. Думаю, Троичная магия вступает в свои права... Торопись.

Валька кинулся в соседнюю комнату. Скинул шорты и рубаху, достал из-за камина, большого, закопченного, серебристые штаны и куртку с личной карточкой на планке нагрудного кармашка. Все уже крутилось темным вихрем, гудело, вспыхивало искрами.

Куртка не застегивалась. Пальцы сорвались с кнопки. В туманном мраке грохнула молния.

Валька открыл глаза.

Что-то тоненько, по-осиному гудело над ухом. Он прижался лбом к холодному стеклу. За этим окном всегда было лето. Картина, просто картина в боевом посту БАСа.

Сам боевой пост походил более всего на земную квартиру, какие были три десятка лет назад, когда строились первые БАСы. Так придумали, чтобы не отвлекать дежурного от главного экрана.

Откуда здесь взялось окно-картина, Валька не знал.

На той первой, месячной давности, экскурсии майор долго рассказывал о грозных боевых машинах, укрытых под вздыбленными равнинами БАСа, о высокой Миссии, о простом и единственно разумном устройстве мира.

— Вера Петровна,— вдруг шепотом спросил маленький Антон.— А на картине?..

Вера Петровна обернулась и покраснела: полкласса столпилось у «окна». Майор не глядя продолжал что-то бубнить.

— Вы куда смотрите? Ну-ка все...

Валька стоял и не мог оторваться.

Сзади жестко светили рельефные лампы подсветки шкал приборов, оставляя только два цвета — черный и белый.

А от окна на лица ребят ложились голубые, рыжие, желтые отсветы. И белизны было много в теплой пыли степной дороги, сбегавшей к городу, казавшемуся отсюда, с крутого лба горы-наката, просто белыми кубиками под изящными черепичными чешуйками. Дома взбирались на другую вершину, поворачивались к синему горизонту, а там скрывались то ли ряды голубых холмов, то ли пенные гребни волн разбегались по пустынным песчаным берегам.

На самой вершине города, отталкиваясь от каменной подошвы, сводила стены в небо башня белого камня. Под острым граненым колпаком крыши можно было рассмотреть часы. Должно быть, старинные куранты с боем.

Азия-88

Над ухом сопел Генка Федоров; становилось душно. Валька разглядел маленькие высохшие былинки-колоски у края окна — на обочине дороги. Камни ее, гладкие, ушедшие в землю, были совсем рядом, и вдруг так, что сердце заглодело, потянуло сделать еще шаг. На дорогу.

Закружилась голова. Вальке показалось, что стрелка курантов на башне двинулась, колыхнулись под ветром колоски у самого стекла, и ветерок этот, пролетев прозрачную границу, ласковым своим теплом коснулся Валькиного лица, в носу защекотало от запаха пыли и горьковатых степных трав, иссохших за лето...

— Что ты здесь делаешь?

Мальчик вздрогнул и очнулся. У кресла управления, опершись руками на пульт-подлокотник, стоял майор Стежнев.

Валька заглодел и начал медленно, бочком пробираться мимо майора к выходу.

Из материалов заседания Группы Безопасности:

«Нач. физсектора Вангарт: Систему Дельта представляют все? Ну вот, месяц назад она зарегистрировала исчезновение с БАСа одного человека. Мы решили, что это сбой, и копались в схемах, пока сигнал не появился вновь. Но мои люди ничего не нашли. Неделию спустя история повторилась. Поисковый луч ничего не дал. Тут до нас дошло, что это не поломка. А сигнал, как и в первый раз, появился сам по себе».

Поначалу Валька решил, что ему повезло. Мама возилась на кухне, заказывая ужин с конвейера. Только спросила: «Уроки сделал?» — и продолжила выстукивать сложные комбинации, внимательно глядя под срез экранной бленды. Он проскочил к себе, хлопнулся на тахту и с облегчением увидел, как дверь скользнула на место. Потом нехотя потянулся к полке. Завтра был производственный день. Та-ак, «Справочник по тяжсистемам».

«График на третий уровень... детали сюда, команда... ответ схемы... Сигнал... так... деталь в блок, команда... Уровень пятый, деталь... команда... график... деталь... команда, ответ системы... экран дает...».

...Длинный зал — длинные ряды одинаковых мальчиков в одинаковой одежде. Лиц не видно из-под косях срезов дисплейных бленд.

Уровень... деталь... команда... ответ. Уровень... деталь... команда... ответ. Вера Петровна с лицом, похожим на мигающий экран дисплея.

Валька свалился с тахты, подполз на животе к домашнему видеокону, ткнул клавишу: «Привет, Тась». Экран ответил: замерцал, обрисовал «Тасю».

Мальчик знал, что это только фокусы электроники. Все же круглая курносая рожица, придуманная кибером, казалась более живой, чем вечно строгое, бледное лицо Веры Петровны.

— Тась, скажи, сон или нет?

— Не знаю. Машины всего Пояса на это не отвечают.

— Ты так думаешь?

— Спроси Главную.

— А ты-то что?

— Я не думаю, я только знаю или не знаю.

— Что-то ты сегодня крутишь.

— А как быть, блоки закрыты.

— Какие блоки? — тревога от встречи с майором успела улечься, но теперь в голове опять заворочались тоскливые мысли. «И Умнейший странное говорил». Видеокон загудел сильнее.

— Ты перегружаешь меня. Подключись к большой сети.

— Я не знаю как.

— По четыреста двенадцать набери код, клавиша...

— Помню. Вот так и так. Ого!

(161) — Ответ на такой вопрос в закрытых блоках. Опечатаны они личным паролем Стежнева... Валя, я чувствую опасность.

— Какую?

— Ты не обратил внимания сегодня: Стежнев при оружии. Во время нашей встречи кобура была расстегнута.

— Ты откуда знаешь?

— Я знаю все, что видит малая сеть.

— Ах да, видеокон в Боевом посту...

— Да, Валя... Тебя вызывает номер пятьсот восьмой.

— Кто?! Говори по-человечески.

— Николаев Петр Евгеньевич.

— Никакой он не Евгеньевич. Просил же, чтобы по-человечески называла...

— Валя? — голос доносился с потемневшего экрана. — Завтра после школы приходи ко мне. Обязательно! Лучше даже сегодня, если пустят родители.

— Хорошо... — оторопело согласился Валька. — Я только спрошусь.

Такое было первый раз. Петр даже про родителей не спросил. Обычно, как заведет: «А родители? Они не будут опять ругать, что ты ко мне?...».

Из материалов заседания Группы Безопасности:

«Пред. педкомиссии Никитич: Дельта не дала личного номера исчезающего объекта ни в одном случае, следовательно этого номера и нет. Поэтому позволите сделать вывод о несовершенности объекта для системы. То есть я вынужден признать недоработку свою и своего ведомства».

М-р Стежнев: Прекратите словоблудие, Никитич. Итак, ясно, что этими фокусами занимается ребенок...».

— Папа, можно, я пойду вечером к Петру Евгеньевичу?

Отец был хмур и неразговорчив, как всегда. Ну, почти всегда. Приходил с работы, ругался с матерью по поводу низкой зарплаты и маленьких отпусков. Потом так же зло бросал: «Куда ты отсюда денешься! Тянешь, тянешь на Землю, а там дня спокойно не живешь, обратно просишься». Как бывало на Земле, Валька не знал: ребят с БАСа не отпускали.

— Ну-ка, садись сюда, Валентин Сергеевич, — сказал отец неожиданно. Даже подвинул второе кресло. Валька смущенно присел на подлокотник.

— Нет, ты нормально садись. Разговор у нас с тобой будет долгий.

— Пап...

В голосе отца нарастал злой ледок:

— Я долго смотрел сквозь пальцы на то, как ты шляешься к этому Николаеву. Я терпел, когда ты начал таскать от него книги. Но теперь я прихожу в школу по вызову председателя педкомиссии и узнаю, что мой сын, оказывается, на подозрении. Причем подозревают его ни много ни мало в подрыве безопасности Астростанции. Говори, ты подбивал одноклассников срывать производственные дни?

— Нет... — удивленно сказал Валька.

— Надеюсь, ты не врешь. Но смотри, мы живем на переднем крае борьбы за безопасность человечества. Это большая честь и огромная ответственность. У каждого, кому выпало жить здесь, линия жизни прямая и строгая. Не нравится, не достоин — уходи. Неважно, большой ты или маленький... Твои книги переполнены ерундой и приключенщиной. Не спорю, иногда хочется этакого...

— Папа, почему взорвали Чужого?

— Что?! Откуда ты знаешь?.. Ну ладно... Все чужое — угроза. Запомни, извне может придти только беда. Поэтому мы расстреливаем даже каменные глыбы обычных метеоритов и скалы астероидов. А твои книги опаснее мертвых каменных глыб.

— Но почему?

— Они отвлекают людей от упорной повседневной работы. А кроме того, ты уже задал слишком много вопросов... Но я всегда полагал, что в школе вам достаточно подробно объясняют...

— Как объяснить, что взорван корабль, просящий помощи!

— Да с чего ты взял, что это был корабль и он просил о помощи? Это тебе в школе сказали такую чушь?

— Не в школе...

— Знаешь что! Мне начинает казаться, что Никитич прав, подозревая тебя. Никуда сегодня не пойдешь. А с этим Николаевым надо еще разобраться. Думаю, это его идеи у тебя в голове.

У Вальки горели уши, но глаза оставались сухими. «Еще и дерзко», — раздраженно подумал Сергей Леонидович.

Возможно, разревись Валька, все было бы иначе, но давно были заплаканы в холодную пластиковую подушку все слезы. А те, что оставались еще, злые и отчаянные, крепко зажаты с той жаркой ночи, когда полыхнула цирковая тюрьма в городе Сосновый порт. Только об этих делах на всей станции знал — не знал, догадывался разве Петр, да еще строили кое-какие догадки Вангарт со Стежневым.

Из справочника военно-космических сил ООН:

«Боевая Астростанция БАС-25. ...Удаление от Земли наибольшее: 856 астр. ед. Масса базового астероида: 675 Мт. Дальность огня СВ-артиллерии: 0,25 светогода. Экипаж: 1500 человек. Группа боевых установок, ученые, сотрудники промкомплеса, вспомогательный персонал, дети».

Из материалов заседания Группы Безопасности:

«Вангарт: Нам задавали вопрос: из какой области это явление — физики или психологии? Могу сказать одно: если это физика, то такого порядка, с каким нам не приходилось иметь дела. Могу, впрочем, успокоить присутствующих: даже не представляя, что происходит, мы можем рассчитать энергию суперволнового удара, достаточную для уничтожения или нейтрализации явления».

Стежнев: Все-таки, ваши предположения?

Вангарт: Туманные. Есть вероятность замыкания с параллельным пространством, может быть также контакт с искривлением пространства нашего. Сам по себе тоннель существует реально, он ощутим для наших приборов».

Стежнев: Что даст залп СВ-орудия?

Вангарт: Если точно считать частоты, тоннель будет разрушен, а в противоположной точке контакта энергия залпа станет тепловой или ядерной вспышкой, тут трудно точно сказать».

Если хорошо знаешь видеокон, то в своей квартире ты полный хозяин. Сергей Леонидович забыл убрать кибер из комнаты сына.

— Тась, меня заперли.

— Где блокирована дверь?

— Ручным контроллером по коду главного запрета.

— По таким пустякам меня дергать?

— Без тебя все равно не обойтись. Вызывай Антошку... Привет. Тош, у тебя дома кто есть?

— Не... Я один сижу, скучаю. К тебе можно?

— Вот что: захвати ваш ручной контроллер и беги в наш сектор. Ко мне не ходи, подключись к квартальной розетке, понял?

— Счас...

На миг Валька ощутил прилив веселого энтузиазма: все идет как задумано! Он от удовольствия встал на голову, дрыгнул босыми пятками, грохнулся на упругие подушки, сброшенные с тахты. Но тут же

стало тревожно, как тогда, под стенами башни, когда по мостовой гремели подковы конной стражи, а Сережа с Родиком никак не возвращались. Но что же сейчас? Ведь вроде спокойно все?

— Тась? Что творится кругом?

— Эх ты, Наполеон в двенадцать лет. Смотри...

Главный коридор уходил от камеры в перспективу, в нем по случаю вечернего часа царил полумрак и вроде даже курился легкий туман, придавая пространству жидкостеров некую загадочность. И вот в смутной глубине изображения прорезалась синяя вспышка, еще одна. На камеру наполнили строем уступа громадные черепахи со срезанными по вертикали боками и большими желтыми стрелами на лобовой броне. Они замирали по одной у каждого пассажира квартирных блоков и поворачивались лбами к входу. На верхних башенках продолжали сверкать синие огни.

Валька испуганно смотрел на экран.

— Что это?

— Роботы аварийного резерва, общая блокада.

— А Тошка?

— Он успел. Контроллер уже работает, дверь свободна.

— Я не о том. Как Тошка вернется домой?

— Блокада объявлена на сутки, завтра он будет у себя.

— Кто объявил?

— Стежнев.

— Что же делать?

— Не знаю...

«Сережа, Родик, ребята, как же так? У себя дома я будто среди врагов. Так горько и непонятно все...».

— Тась, Антошку зови сюда. И еще... Дай связь с пятьсот восьмым.

— С кем?

— С Петром, — мрачно сказал Валька.

...

— Валя, ты? Ты где сейчас?

— Дома... Пала запретил выходить. Дверь я открыл, но...

— Знаю. Майор уже объявил по трансляции. Как он боится, однако!

— Чего?

— Ты с видеоконом хорошо работаешь? Тогда: код пятьдесят семьдесят шесть СВ — открывай майорские блоки.

Из решения Группы Безопасности:

«...Ввиду того, что данное явление представляет собой неконтролируемое проникновение в наш мир чужой пространственно-временной системы, принято решение разрушить возникшую связь методом предельным начальником физсектора БАС-25 доктором Вангартом. Несовершеннолетнего Кошкина Валентина со станции выслать, как возможный источник опасности. Принять меры по недопущению впредь подобных происшествий».

— Тась, вызови...

— Не могу. Только что прошло отключение видеосвязи по малой сети.

— Майорские блоки записала?

— Да.

«А вы опоздали, майор... Тепловая или ядерная?.. За что? Что мы вам сделали!..».

В прихожей тренькнул звонок. Валька вылетел из комнаты. Появившийся на шум Сергей Леонидович удивленно переводил взгляд с открытой двери на сына. Антошка довольно уверенно врал, что он просто проходил мимо, а тут сирена, роботы... «Ну что с тобой делать. Пока останься, но родителям я твоим выскажу...» — не договорила Валькина мама.

— Тошка, сиди в моей комнате, может, Тась что скажет. — Валька споро застегивал ботинки.

— Это что такое?.. — возмутился Сергей Леонидович. — Ты куда это?

— Я должен, папа.

— Никуда не пойдешь. — Охваченный праведным гневом, отец сделал шаг вперед и схватил Вальку за плечо. Но сын вдруг резко выпрямился и глянул так, что сами собой разжались пальцы.

— Ты что себе позволяешь! — Это мама...

— Оставайся, пусть теперь его там железки испытывают. — Сергей Леонидович слабо махнул рукой.

— Тош, ты прости, пожалуйста, что ничего не рассказывал. А теперь и времени нет. — Валька выскочил за дверь. Маленький Антон печально смотрел вслед. Ему почудилось вдруг, что он никогда больше не увидит Вальку, на глаза навернулись слезы.

«Ну и пусть поймают, тогда все им скажу, они не посмеют». Скорей, блокада на сутки, через сутки все будет кончено... Мелькают колонны-трубопроводы пасажа. Робот!.. Красная «пятерка» на синей стене, вот и люк.

Черепаша высунулась из-за колонны, но тяжелая бронеплита скользнула на место. Щупальце хлестнуло по стали, прилипло.

Здесь спецроботов не было. Заблокировать промкомплекс — означало мгновенно погубить БАС. Валька не знал, что именно сможет сделать, но думал пробраться по магистралям до самого Боевого поста. Проскочив люк, он оказался на маленькой площадке, мокрой и скользкой от охлаждающей жидкости, сочащейся из какого-то трубопровода. Валька крутил головой, пытаясь сориентироваться, но тут прямо перед глазами вспыхнуло табло: «Уровень первый, обеспечение жилых блоков». Блики легли по краям узких прорезей в стенке громадной трубы. Загудело. Под табло, прямо из пластика площадки, вытянулся стержень, зажег сверху вниз цепочку красных огней. Лифт! Все правильно. Валька облегченно вздохнул. Теперь вниз.

Под полом тихо зашипели механизмы, и потолок внезапно ушел вверх. Узкие прорези сменились круглыми окнами. Там открылось сумрачное пространство, пересеченное багрово светящимися лентами магистралей и голубыми огнями трубопроводов. Время от времени вспыхивал резкий белый свет дежурных постов, неведь откуда всплывали темные горбы тяжелых систем.

Лифт вдруг дернулся, покатился куда-то в сторону. Валька изо всех сил вцепился в стержень управления, но оказался все-таки на полу, отлетел к решетчатым щитам ограждения, извозившись в маслянистой дряни.

Граненая штанга с противным шипением уползла в приемный колодец. Клеть лифта замерла, и Валька, шатаясь, поднялся на ноги. Огромный, светящийся желтым, сплюснутый шар висел в воздухе, поддерживаемый могучим искусственным сталактитом. Мальчик стоял на краю торчащего из ядра широкого раструба.

Вальке вообще-то повезло. Он оказался в транспортном центре промкомплекса, откуда можно попасть в любую точку БАСа. Валька вяло подумал, что надо бы найти пульт. Творилось что-то странное. Так вот как защищен промкомплекс во время общей блокады... Мысли вяло копошились в голове.

Где-то гулом отдаленной грозы отозвалась работа неизвестного механизма. Неожиданно почудилось знакомое в невнятных отзвуках. Потерянная мелодия, скорее, тень ее...

Дню навстречу...

Немного кружилась голова, но мысли стали яснее. И словно выйдя в полумраке! Да как он может сидеть, скорее к пультам!

А мелодия вырвалась из тоскливой мути:

Дню навстречу

Пробили часы поутру,

Встал над башней

Рассвет золотой,

А в ночи

Позади

Не погасли костры

И для нас не кончается бой...

Песня была не очень. Да, конечно, немного было здесь поэзии. Но она была оттуда, сложилась сама собой в рассветный час на Артиллерийской горке, когда стены форта приняли розовые и золотистые солнечные мазки, а город еще кутался в синеватую дымку предутреннего тумана.

Есть пульт! Высотой в два Валькиных роста, а вдоль панели хоть забег устраивай. И схема магистралей мерцает разноцветными контурами. Так! Вот она, красная линия главного монорельса... Не доходит, немного не доходит до золотистого квадрата Боевого поста. Ничего, там, конечно, есть какая-нибудь аварийная лесенка. Валька выскочил на перрон, а позади, над пультом полыхнул красный тревожный огонь, стена разошлась, из открывшегося прохода выскочила желто-серая «черепаша». Валька опережал сигнал тревоги! Он проскочил в люк вагона-капсулы. Сложились тонкие стержни, прижимая колпак. Исчез почти мгновенно раструб перрона. Центробежная сила прижала Вальку к прозрачной стенке, капсула со свистом метнулась по дуге монорельса.

Спустя секунды кабина воткнулась между кубическими колпаками какой-то установки, замерла. Теперь наверх! Как только удержался Валька на гладком скате подпрыгнувшего колпака! Но удержался и вцепился в поручень смотровой площадки, перекинул тело через певила...

В бункере, как повсюду на нижних уровнях, стояли сумерки. Смутной тенью перечеркивала наискось дальнюю стенку узкая металлическая лестница, от площадки туда — по легкому мостику, светлой чертой вытянувшегося над глыбами машин. Но вдруг за спиной вспыхнули лиловые прямоугольники «глаз», железный голос сказал:

— Стой и не двигайся.

Валька вздрогнул, даже в животе поначалу похолодело. А потом повернулся и, глядя в упор на «черепашку», сказал негромко: «Чтоб я металлолома боялся». Мальчишки с Артиллерийской горки, из огненных Дней Смуты стали рядом, и он улыбнулся ребятам. Страх не было, вот только голова кружилась все сильнее, да еще прорезался зверский гул.

«Черепаша» неуверенно выпустила щупальца, опять втянула под ланцир. Неожиданно сверху упал широкий луч. И другой голос, человеческий, знакомый: «Номер десять сорок пять, отставить!». Внутри робота что-то зажужжало, он попятился, разворачиваясь. По лестнице, потом по мостику загрохотали шаги, все ближе, ближе...

— Номер пятьсот восьмой, ты не можешь отметить приказ, данный номером двадцать пятым! — рявкнул вдруг робот, и щупальца метнулись наружу.

— Ах ты, железо!.. Говорил я вам, Стежнев! — Крепкий белобрысый человек расставил ноги для упора, чуть присел. — Ложись, Валя! — Грохнуло бледное пламя, верхний колпак робота вместе со щупальцами и всей электронной начинкой разлетелся фейерверком горячих искр.

— Петр! — Валька кинулся к человеку, а тот обнял его за плечи, прижал к себе, ерошил волосы: «Ну что же ты сбегал-то, малыш...».

Они вместе поднимались по лестнице, Валька впереди, Петр за ним.

— Значит, теперь, Валя, ты все знаешь?

— Не все, конечно. Вот Умнейший говорил о Троицкой магии... Я был там трижды... Когда первый раз, была Смута, шли бои, горело все... А может, больше не могу?

— Наверно, это было бы лучшим выходом, — гру-

стно сказал Петр.— Но тоннель есть, так говорят приборы.

Как легкий дымок, рассеялась Валькина радость. Тревога вернулась: «Ведь ничего еще не сделано, они готовятся к залпу».

— Но ведь это не каменный обломок, а живая планета! Они не посмеют! — Валька прошел двери, остановился, с надеждой взглянул на Петра. Тот вздохнул:

— Они сделают. Для майора это не планета, а всего лишь странная смесь безудержной фантазии шестиклассника Вальки Кошкина с фокусами дальнего космоса. А кроме того, ведь Стежнев расстрелял чужой корабль из-за крохотной возможности ошибки в расшифровке их сигналов. Второй вариант был почти невероятен, но майор предпочел не рисковать. Да и дело тут не в одном Стежневе. Остальные тоже не захотят жертвовать.

— Чем?! — яростно крикнул Валька.

— Ого. Ты подожди, не кипятись. Речь идет об устоявшемся порядке вещей.

— Так пусть отправят меня на Землю!

— И ты увезешь с собой свое опасное качество...

Валька узнал наконец коридор, по которому они шли. Он соединился с Главным тоннелем станции около самого Боевого поста, значит, идти оставалось совсем немного.

— У тебя поесть ничего нет?

— А?.. Вот, держи конфетку... Помнишь, ты рассказывал мне свой сон?

Валька не ответил: он старательно сосал сладкий комочек.

— Значит, не сон? Эх, чудо ты мое чудное, что мы с этими чудесами теперь делать будем?..

— Петь, а откуда ты все знаешь? — Конфета, увя, кончилась.

— Это просто: я — электронщик, со своего пульта через защиту могу влезть в любой блок. Кстати, майор помог мне искать тебя, разрешил работать на пульте Боевого поста и даже выдал оружие.

— Зачем?

— Он не в силах был отменить блокаду, а ты ведь мог сгнать там, в недрах... Валя, боюсь, выход один: ты сам должен разрушить тоннель.

В голове у Вальки — пустой шелест, ничего не осталось, один пепел. Идти больше некуда: они стояли перед дверью Боевого поста.

— Это нормальный мальчишка, — раздраженно сказал врач. — Но если вам нужны более серьезные данные, то я не понимаю, зачем мы сидим здесь. В клинике...

— Обстоятельства не позволяют нам отправиться туда, доктор Хоггин. — Майор откинулся в кресле.

— Я что-то не видел нормальных детей, способных устраивать фокусы с метрикой пространства без всякой техники, — пробормотал Вангерт. — А ведь может быть, что все это — вообще его создание. Иначе откуда такое совпадение с картиной? Или он нам тут слегка привирает?

— Я не вру, — устало сказал Валька. «Как пусто... И Петр сидит с ними, уже сдался. Даже он. И голова эта дурацкая все сильнее кружится».

Майор резко поднялся с кресла, opravил перадинный мундир. Остальные вскочили, как по команде.

— У кого какие вопросы к молодому человеку?

— Мне не о чем его спрашивать, — буркнул Никитич. — Он пренебрег всем, что мы ему дали.

— Я удовлетворена тем, что его не будет в числе учащих нашей школы при любом повороте событий...

Валька стоял, прижавшись спиной к окну. Взрослые стеной окружали его. Должно быть, от головокружения их лица, мундиры, костюмы сливались в один сплошной темный водоворот.

— Прекратите, ведь мальчику плохо! Он был под излучением!

— Полагаю, не только родители, но и школа виновата, что у нас вырос ленивец, которому не по нутру нормальный повседневный труд, — говорил в это время Сергей Леонидович.

— Мама! — слезы закипали в Валькином голосе. Он еще нашел лицо матери и наткнулся на жесткий колющий взгляд.

«Антошка! А ведь ты все еще сидишь взаперти! — вспыхнуло вдруг в голове. — Ты меня прости, Антошка. Может, еще увидимся...».

Валька дернулся назад от беспощадной глухой стены. Ударил спиной в холодную жесткость стекла. И оно дрогнуло, стало не толще пленки мыльного пузыря, лопнуло. Валька вылетел в посылке ветра, берущего разбег над сухой травой. Он с трудом удержался на ногах, пятась, переступил несколько шагов по разогретым летним солнцем камням степной дороги. С легким, рассыпчатым звоном навсегда растаял в зазвездных даях Боевой пост...

Майор военно-космических сил Стежнев сидел у окна-картины и тер кулаки, разбитые в кровь о непробиваемое спедстекло. Вангерт повторял растерянно: «Тоннель исчез... Физика в опасности».

В бывшей Валькиной комнате выпавший Антошка наткнулся на «Трех мушкетеров», старательно укрытых за толстенным справочником.

Валька с ребятами закончили недавно строить катапульту для запуска «Летучего дракона» прямо с Артиллерийской горки. Умнейший при встрече удивленно качает головой, и они понимающе улыбаются друг другу, вот только у Вальки улыбка выходит печальной, словно он вспоминает кого-то, оставшегося далеко-далеко.

БЕГСТВО

Сергей ТРУСОВ

Когда в разгар отпусков к вам на работу прибывает новое оборудование, а осенью ожидается комиссия из министерства, грандиозные планы на лето приказывают долго жить.

Ты ждал июня, и он пришел. За окнами буйствует солнце, где-то шумит море, по вечерам стрекочут цикады, а в глубине пальмовых аллей целуются влюбленные. Ты же, пытая от натуги и обливаясь потом, таскаешь с этажа на этаж тяжеленные ящики... В конце концов начинает казаться, что это лето в твоей жизни последнее и вслед за ним наступит бесконечная зима с трескучими злыми морозами. Нимб муче-

Сергей Петрович Трусов родился в 1957 году. Закончил институт инженеров железнодорожного транспорта в Гомеле. Живет в Минске, работает ведущим инженером-программистом в вычислительном центре Белорусской железной дороги.

С рассказами выступает с 1982 года — в газетах, в журнале «Рабочая смена». Участник семинара молодых писателей-фантастов (Дубульты, 1986).

В нашем журнале печатается впервые.

ника слепит глаза, и ты видишь в повседневных заботах то, чего в них нет. Надеяешься ящики разумом и начинаешь их крыть почем зря.

Жажда перемен превращает тебя в шагающую заводную куклу, которая, даже натолкнувшись на стену, продолжает перебирать ногами. Когда выясняется, что ящик с программной документацией прибудет позже и программисту делать пока нечего, — ты идешь к начальнику. Под напором твоих слов он молчит, хмурится, тяжело дышит, а затем говорит «ладно» и отпущает на неделю. Стена отступает.

Ты приходишь домой и не знаешь, куда себя деть. В патетическом приступе собираешь рюкзак, мужественно сомкнув губы и мысленно повторяя: «б е ж а т ы!» Электричка уносит тебя из города, и через несколько остановок ты углубляешься в лес в надежде отдохнуть от них всех.

Ты убежал.

Шел третий день добровольного отказа от благ цивилизации. С рюкзаком за плечами я топал по лесной тропинке и с удовольствием ощущал, как ноги пружинисто отталкиваются от земли. Голова была полна свежих впечатлений, умных мыслей и с непривычки слегка гудела. Я спешил, опасаясь, что, если остановлюсь и расслаблюсь, оставшиеся дни пролетят незаметно.

Поначалу мне часто попадались дачные строения и собиратели грибов и ягод. Я ускорял темп, стараясь достичь безлюдных мест. Желание хоть немного побыть отшельником — Робинзоном или Зверобоем — таилось во мне всегда. Кроме того, я надеялся встретить Неведомое...

Лишь в конце третьего дня я оказался в настоящем лесу. Высочные сосны скрывали солнце, и внизу было сумрачно. Чаща, бурелом, густой папоротник и заросшие мхом валуны.

Потом лес поредел, и, взобравшись на пригорок, я увидел болото. Оно тянулось далеко и упиралось в частокол деревьев. Еще дальше виднелись синеватые холмы. Попытаться обойти неожиданное препятствие было бессмысленно. Возвращаться назад тоже не хотелось. Время близилось к вечеру, и мне не улыбалось продираться сквозь завалы, которые я только что одолел. Походив взад-вперед, я обнаружил ровную сухую поляну.

Через час поляна моими усилиями приобрела вполне обжитой вид. Пламя костра облизывало закопченный котелок, и я вновь поднялся на пригорок, чтобы получше рассмотреть болото.

Быстро темнело. Солнце превратилось в багровый диск, иссеченный полосками облаков. Диск опускался куда-то за край земли, поджигая небо и лес. Стволы мертвых деревьев, торчащие над трясиной, обуглились на глазах.

Я отступил. Гамма цветов подействовала на меня угнетающе, и я пожалел о выборе места для ночлега. В то же время подумалось, не нашел ли я то, что искал. Неведомое, чем бы оно ни было, явно коснулось этих мест.

Пожиная, я забрался в палатку. Полчища комаров, казалось, не кормились с момента рождения. Несколько раз я выбирался наружу и просовывал в свое убежище глеющую головешку. Жалкие эти потуги лишь раздражали кровопийцу, и я избрал тактику измора. Наброесал в костер веток и уселся рядом, ожидая, когда комарье уgomонится.

Одиночество располагает к отвлеченным размышлениям, и злобные нападки комариного племени навели меня на мысль о его ненависти к человеческому роду. Эволюция поспешила в отношении насекомых, которые лишь суетятся и усложняются, сила их обрести сознание. Я был для них объектом биологической мести. Ничего удивительного, счастливы всю жизнь

испытывают на себе огонь из всех видов оружия, которым располагают неудачники.

С болота доносилось кваканье лягушек. Костер прогорел, и лишь алые угли, похожие на огни далекого ночного города, жадно таращились в темноту. Млечный путь обозначил в небе дорогу, по которой мне никогда не пройти. Я гость в этом огромном мире, и после моего ухода здесь ничего не изменится. Все так же будут светить звезды, квакать лягушки и тлеть угли погасших костров.

Я позавидовал комарам. У кого нет разума, тому незнакома грусть. Неудачников не волнуют проблемы, порожденные тем, чего они не имеют. В этом их преимущество...

Хруст ветки прервал невеселые раздумья.

За три дня шепот леса стал для меня привычным. Я перестал вздрагивать по пустякам и всматриваться в каждый куст. Но сейчас неизвестное доселе чувство подсказало мне, что я не один.

Не меняя позы, я обшарил глазами темноту. Наверное, Зверобой поступил бы иначе. Он бы отпрыгнул в сторону и через секунду лежал бы незримый, готовый на слух палить из «коленебоя». Я же походил на глухого страуса, зарывшего голову в песок. Единственное, что сделал, — это незаметно подтянул топорик.

Откуда-то сбоку вышел человек и громко произнес:

— Вечер добрый! Обогреться позволишь?

На душе полегчало. Злодей подкрался бы сзади и непременно попытался бы оглушить дубиной с тяжелым корневищем на конце. Хотя... я ведь ни разу не встречал настоящего злодея.

— Пожалуйста.— Я поднялся и бросил на угли охапку хвороста.

Человек подошел, и я разглядел фуражку с зеленым околышком.

— Я лесник,— сказал незнакомец.— Смотрю, костер горит, вот и решил поинтересоваться. Вы один?

— Да.

— Я за вами наблюдал.— Он ткнул куда-то рукой.— На браконьера вы не похожи. Турист?

— Нет. Просто отдыхаю. Отпуск.

— Понятно.— Он присел на корточки.— Городской?

— Да.

— С огнем надо поосторожнее. Лес сухой, не углядишь — и пойдет трещать. А вы сидите на месте, я думал, может, уснули. Не помешал?

На вид ему было около пятидесяти. Держался он миролюбиво, краснотое в отблесках пламени лицо радовалось возможности поболтать. Форменные китель и фуражка внушали доверие.

Я улыбнулся и повесил над костром котелок с остывшим чаем.

Поначалу темой нашего разговора был лес и связанные с ним проблемы, волнующие лесников. Однако вскоре Федор Николаевич — так звали нового моего знакомого — понял, что в данном вопросе я собеседник никудышный. Некоторое время мы просто смотрели на догорающий костер. Потом беседа возобновилась, избрав иное русло, но сквозь дремоту я слабо улавливал ее смысл.

— ...нехорошее место,— донесся до меня обрывок фразы, и я невольно вздрогнул.

— Что?

— Я говорю, удивился, увидав здесь костер,— пояснил лесник, пошуровав угли.— Люди избегают этих мест.

Сон слетел с меня в один миг.

— Почему?

Лесник вздохнул.

— Да разве их разберешь. Слухи всякие ходят, а спросишь кого — молчит или отшучивается. Один вот сказал недавно — видел такое, чего быть не может, но не расскажу, чтоб за дурня не посчитали.

Я передернул плечами и подбросил в костер веток. То ли лесник решил рассказать на ночь пару страшных историй, то ли здесь и впрямь что-то происходит. Место подходящее. Болото и вообще...

— А вы сами что-нибудь видели? — спросил я, постаравшись усмехнуться.

— Видел, — тихо произнес Федор Николаевич.

Пламя костра освещало стену леса, а дальше был совершенный мрак. Там что-то происходило. Бесшумно носились в воздухе крылатые твари, осторожно ступали никем не виданные существа, подолгу замирали за каждым деревом, переглядывались и подавали друг другу какие-то знаки. Приближались, но в полосу света не выходили.

Мои надежды на встречу с Неведомым, кажется, осуществились.

— Человечка видел, — проговорил лесник, подняв на меня глаза.

— Какого человечка?

— С виду обыкновенного. Вроде вас, например, или меня.

— Ну?

— Поговорили мы с ним. Разошлись. Я оглянулся — а его нет.

— Как так нет?

— А вот так. Между нами шагов десять было. Ни дерева, ни куста — поляна.

— Хм... Может, спрятался?

Лесник покачал головой.

— Я искал. Несколько раз окликнул. Потом ушел.

Мы замолчали. Здравомыслящие люди убеждены, будто чудес не бывает. Это их дело. Я никогда не был здравомыслящим и потому поверил. Так интереснее жить, хотя и чаще попадаешь впросак.

Было очень здорово сидеть вот так у костра и сознавать, что вокруг происходят странные вещи. Я боялся, что лесник, продолжив рассказ, сведет его к тривиальной разгадке и все испортит. Однако любопытство оказалось сильнее, и я спросил:

— А как он выглядел, этот человек?

— Старичок, — коротко ответил Федор Николаевич. — Маленький сухонький старичок.

— Ну хорошо, а о чем вы говорили?

Федор Николаевич усмехнулся.

— Он представился лесником и спросил, что я здесь делаю.

— Интересно. Но ведь лесник-то вы?

— Я.

— Это был ваш коллега?

— Всех своих коллег в округе я знаю в лицо.

— Ну тогда просто сумасшедший. Или шутник. Он увидел вашу фуражку, китель. И решил подучить-ся.

— В тот день я был без формы, — задумчиво произнес Федор Николаевич. — А вот на нем форма была.

— Какая?

— Наша.

Я почувствовал, что начинаю путаться. Был один лесник, стало два. Кто настоящий? Прикинул так и этак и решил, что Федор Николаевич меня разыгрывает. Наверное, среди лесников ходит такая известная шутка, и они не упускают случая подкузьмить дилетанта. В данном случае — меня... Стало неинтересно. Я ожидал истории из жизни лесных привидений, а тут какие-то лесники. Чтобы не огорчать собеседника, я промолчал.

— Я сразу заподозрил неладное, — продолжал Федор Николаевич. — Но виду не подал. Сказал, что собираю ягоды, и, как бы ненароком, задал пару вопросов, на которые смог бы ответить только настоящий лесник.

— Ну и?..

— Он ответил.

— А потом?

— Потом спрашивать начал он. Очень странные были вопросы.

— Например?

— Он спросил, нравится ли мне болото. — Федор Николаевич как-то напряженно хмыкнул и стрельнул в меня глазами. — Ничего вопросик, а? Вот вам — нравится?

Я подумал и пожал плечами.

— Вообще-то да. Есть в нем что-то... сильное, злое, не обузданное. Но пока спящее.

— Вот-вот! — обрадовался мой лесник. — И у меня такое же чувство. А старичок так и сказал, я, говорит, наблюдал за вами, когда вы болото разглядывали, поэтому и спрашиваю. Вижу, говорит, что оно произвело на вас впечатление.

Я зачем-то кивнул головой. Какая-то мысль настойчиво свербил мозг, но Федор Николаевич не дал сосредоточиться.

— Потом он сказал, что болото это не простое. Будто и не болото вовсе, а му... му... — Лесник смущенно крикнул, достал из кармана клочок бумаги, развернул и по слогам прочитал: — Му-та-ци-онная зона. — И добавил: — Я записал, чтобы не забыть. Мудреные слова, непонятные.

На традиционные шутки это не походило, и мне стало не по себе. Ночь, дремучий лес, ненормальный лесник — сочетание малопривлекательное. Теперь мне хотелось, чтобы финал наступил поскорее, оказавшись смешным и незатейливым.

Но Федор Николаевич гнул свое, пугая серьезным лицом.

— Старичок сказал, что раньше оно было чем-то иным, а потом стало болотом... Или болото стало им. В общем, не разберешь. Мы люди темные, нам не понять.

— Когда это раньше? — недовольно буркнул я.

— Давным-давно. Нас тогда еще не было. И леса тоже не было.

— А что было?

— Может, вообще ничего. А может, что-то и было. Не знаю.

Воцарилось молчание. Я внимательно разглядывал лесника. Кажется, он почувствовал себя неудобно. Засопел, завозился, устраиваясь поудобнее, но мне показалось, что он хитрит. Пытается скрыть беспокойство.

Я хмуро потребовал:

— Дальше.

Федор Николаевич оживился.

— Вот и я сказал, дальше, мол. А он говорит, что болото в чем-то там опоздало, не воспользовалось моментом, не успело. Теперь, значит, поздно, а когда следующий случай представится — неизвестно.

Он осторожно глянул на меня и, воодушевившись моим терпением, затараторил быстро и сбивчиво:

— Оно... болото то есть, может и само кое-чего достичь и, надо сказать, достигло, но мало. Оно не знает как и поэтому хочет чужими успехами попользоваться. Временно, конечно. Потом все вернет, как и было. Даже своим поделится, это уж обязательно. Мол, в обиде не останетесь...

— А зачем?

— Что... зачем? — пршептал лесник.

Кажется, он испугался. Не веря в успех, он страстно желал убедить меня в своей правдивости, а теперь оторопел оттого, что я принял все дозасы и заговорил на его языке. На самом же деле, я задал первый попавшийся вопрос.

— Зачем, э-э... пользоваться чужими успехами?

— А оно... — Лесник сглотнул. — Оно могло бы добиться большего, но у него нет опыта.

— Какого опыта?

Он напрягся, губы у него дрогнули, а глаза посмотрели с мольбой и как-то по-собачьи. Мол, дага-дайся сам, ты ведь умный, а я говорить не умею.

Но все же сказал. Выдохнул:

— Человеческого... спыта.

Я не знал, что еще спросить. Пытаясь разобраться с болотом, увяз по уши. Перед глазами стоял неприятный старик и шепелявил беззубым ртом, неся околесицу. Бред оказался заразительным. Чтобы избавиться от навязчивой картины, я лег на спину и стал считать звезды.

Федор Николаевич понуро смотрел в потухший костер.

— Вот и вы не поверили,— с грустью заметил он.— И никто не верит.

— Да ну что вы!

Мне стало совестно. Никаких альтернатив! В природе до сих пор встречаются тайны, и это прекрасно. Человек? Ну и пусть! Исчез? И на здоровье! Когда-нибудь наука и этому найдет объяснение. Будем продолжать диалог.

— А откуда он взял все это?

Федор Николаевич вздохнул, секунду помедлил и сказал:

— А он сам... оттуда.

Я не понял, и лесник пояснил:

— Из болота он.

— У него там свой дом, что ли?— спросил я и сжал губы, которые упрямо растягивались в улыбке.

— Нет. Дом ему не нужен. Когда он там, он не человек, а когда выходит, становится человеком. Вернее, только похожим, а на самом деле тоже не человек. Я, наверное, непонятно объясняю?

— Ну почему же, в принципе ясно... Вообще-то нет, ничего не ясно. Вы ему сказали, что вы лесник?

— Сказал. И даже удостоверение предъявил.

— А он что?

— Он засмеялся. Я, говорит, знал, что встречу когда-нибудь настоящего лесника.

— Сознался, значит?

— Сознался.

— Ну и кто же он на самом деле?

— Сказал, что его болото сделало. Для разведки.

Я промолчал. Наверное, у Федора Николаевича шпионomanия. Кажется, есть такие люди, которым повсюду мерещатся шпионы. Враги не дремлют и засылают своих лазутчиков прямо в болото. Там у них резиденция.

Вообще-то мне повезло, будет о чем рассказать друзьям.

— И комары здешние тоже разведчики,— продолжал бубнить лесник.— Болото их породило, чтобы они всю живность исследовали, которая вокруг ходит.

Это было уже слишком. Я ничего не ответил, только посмотрел— и Федор Николаевич поспешно добавил:

— Это старичок так сказал.

Странная была ночь. Я узнал много нового. Окажется, и в наше время шастают по лесам старички-колдуны, прикидываясь лесниками. Лешие в современном обличьи.

— Ну, и какова же цель этих исследований?

— Болото большие силы в себе чувствует,— объяснил лесник.— А как ими распорядиться, не знает. Вот и хочет нашу жизнь изучить. Чтобы понять, а может, и помочь чем. Оно ведь тоже живое, но по другому пути пошло, и вроде как в тупике сейчас.

«Параллельные прямые пересекаются в бесконечности»,— не к месту подумал я и сказал:

— Так пускай бы этот старик шел себе в город или в деревню, изучал бы там, что надо, и помогал.

— Не может он далеко от болота отходить,— произнес лесник с укоризной, словно заступаясь за коллегу.— Да и по времени не успеет. Он же не настоящий. Конструкция сложная, недолговечная— рассыпается.

Помолчал и добавил:

— И не город ему нужен, а люди. Нутро ихнее. Так. Час от часу не легче. Досушая игра слов вы-

ростала во что-то законченное. Кажется, с чего начали, тем и завершим— исчезновением старичка.

— Ну а чего этот старик хотел? Предлагал что-нибудь конкретное?

— Предлагал.— Лесник посмотрел на меня как будто с надеждой.— Отбрось, говорит, все сомнения и войди в болото. Хоть на пару секунд.

— Как — войди?!

— Ну, погрузись, что ли.

— Да он псих!

— Конечно, псих,— послушно согласился Федор Николаевич.— Я тоже сказал, что псих.

— А он?

— Он говорит, не хочешь — не надо. А поверишь или тягу в себе услышишь — приходи и не сомневайся.

— Какую еще тягу?

— Болото ведь не простое. Раз ты рядом с ним побыл, оно тебя потом за тысячу километров найдет и позовет.

— Бред,— заявил я и задумался.

Мифический старичок предлагал чушь. Я бы рассмелся, если бы бессонная ночь не убила во мне чувство юмора. С другой стороны, несмотря ни на что, рассказу лесника нельзя отказать в логичности. Я, как программист, смотрел со своей колокольни. Если принять несколько аксиом о мутации болота, последующие рассуждения выглядят вполне убедительно. В истории математики немало примеров, когда абстрактные и абсурдные на первый взгляд умозаключения приводили к новой картине мироздания. Это меня беспокоило. Я искренне желал встретить Неведомое, но теперь противился этой встрече, избежать которой не смог...

Небо на востоке заголубело, однако спать расхотелось, хотя я и устал чертовски. Наконец бледнеющие в вышине звезды подсказали ответ. Наверное, Федор Николаевич страдает бессонницей и за долгие ночи перечитал уйму фантастической литературы. Как следствие — разработал свою теорию, а поделиться не с кем. Вот и шатается по лесу в поисках оппонентов. Жена его, конечно, не понимает. Попробуйте, предложите собственной жене погрузиться в болото. Все предварительные доводы она не воспримет, а само предложение расценит совершенно однозначно... Да, ему не позавидуешь.

А в общем, молодец. Свою концепцию чужими устами апробирует. А чтобы страшнее вышло, на себя намекает. Другой бы сразу быка за рога — я, мол, такой-то и такой-то, живу в болоте, пошли со мной. А этот старичком прикрылся, из-за спины выглядывает и в свою грудь пальцем тычет. На «прозрение» меня наводит, психолог! Нет, голуба, не доставлю я тебе удовольствия, не испугаюсь.

— Ладно.— Я поднялся, разминая затекшие ноги.— Пора собираться. Светает уже.

Федор Николаевич тоже подхватился.

— Вы уж меня извините,— пробормотал он растерянно.— Всю ночь из-за меня просидели. Вы бы поспали, что ли? А я вам черники принесу.

— Спасибо, но мне пора. На работу скоро. Три дня сюда, три дня обратно. Как раз успею.

— Ну что ж, конечно. Стало быть, не поверили?

— Чему?

— Ну... про старичка?

— Вы знаете, пожалуй, нет.

Лесник кивнул.

— Я тоже сначала не поверил. А когда он исчез, призадумался. Может, и верно, а?

— Все может быть,— согласился я и отправился собирать палатку.

Федор Николаевич мне помог, потом мы попрощались, и я ушел, ни разу не обернувшись.

Как-то незаметно рассвело, небо словно умылось, а верхушки сосен вспыхнули золотыми спичками.

ГОРОД ТРОРА

Степан ВАРТАНОВ

Так получилось, что злой волшебник Трор вышел на перевал, с которого открывается вид на Зеленую долину, глубокой ночью. Выйдя он днем или хотя бы вечером, наша история, возможно, пошла бы совсем по другому пути, и кто знает, что бы тогда получилось?

Жизнь этого края, а то и всей Страны, наверняка изменилась бы до неузнаваемости, а ведь Страна — это не так уж мало.

Но при чем тут время суток, спросите вы? А вот при чем. Выйдя на перевал днем или вечером, Трор, конечно, увидел бы долину, однако усталость, — а шел он несколько дней, не останавливаясь, — так вот, усталость не позволила бы ему как следует осознать увиденное. Но Трор поднялся на заснеженный перевал ночью — и не увидел ничего, так было темно. Хотя внизу стояло лето, но здесь, вблизи от вечных снегов, было холодно и голо, ветер выл, как стая голодных драконов — вы не знали, что они собираются в стаи? Собираются, но только в голодные годы. Впрочем, там, где проходил Трор, им иногда не помогала даже эта крайняя мера — нрав у Трора был крутой, и добрые дела, совершенные им за много веков, можно было легко пересчитать по пальцам одной руки. Обычно же оставались за ним лишь развалины.

Еще вы, конечно, можете поинтересоваться — я говорю о тех из вас, кто повнимательнее, — как это Трор ухитрился идти не останавливаясь несколько дней? Что же, вопрос резонный. Можно было бы, разумеется, пошутить: мол, между днями бывают ночи, и ночью, дескать, Трор спал. Но нет, он шел и ночью.

Ныне, когда волшебников — настоящих, старой закваски — почти не осталось, а может быть, и не осталось вовсе, когда даже колдуны исчезли с ярмарок и не пугают больше простаков и ротозеев своими фальшивыми чудесами, когда о драконах рассказывают сказки... что можно объяснить?

Одним словом, Трор мог идти трое, и четверо, а то и десять суток подряд, мог он превращаться в самые неожиданные предметы и в самых страшных животных. В нестрашных он не превращался — не то, чтобы не умел, а такой уж был у него характер. Но и волшебники устают, хотя и медленнее, чем люди. К тому моменту, с которого я начал свой рассказ, Трор устал, замерз и хотел спать. Думаю, не стоит добывать, что он был зол на весь свет.

Итак, выйдя на перевал, Трор свалился и уснул как убитый. Спал он прямо на снегу, а чтобы было не так холодно — обратился предварительно в снежный сугроб.

А проснувшись утром, Трор увидел Зеленую долину. Сейчас мало кто помнит, как она выглядела в те годы, я, по крайней мере, могу лишь догадываться

Степан Сергеевич Вартанов родился в 1964 году. В 1987 году окончил химический факультет МГУ. Живет в Москве, учится в аспирантуре Института биохимии.

Рассказ «Город Трора» — первая публикация молодого автора.

(168)

об этом, что же касается вас... Но не будем отвлекаться.

Долина была прекрасна. Бегущая с гор речка разбивалась здесь на множество ручьев и ручейков, звенели маленькие водопады, над которыми дрожали яркие радуги. Вся долина была покрыта зеленью, и острые глаза Трора позволяли ему разглядеть любую веточку там, внизу. В небе кружились птички, в трапе бегали жучки, мыши и прочая мелюзга, но зверей покрупнее Трор не увидел. Тот, кто знал Трора, а знали его в те времена все — еще бы, ведь едва ли не каждая мать пугала им своих детей, — так вот, кто его знал, предпочитал не попадаться ему на глаза, справедливо считая, что лучше уж пожить немножко так, а не доживать свой век в виде трухлявой колоды или, скажем, зубочистки.

Долина Трору понравилась.

— Поживу-ка я здесь немного, — решил он и, обернувшись коршуном, взмыл в небо.

Ах, небо! Даже Трору, выходит, не удалось устоять против его чар. Что случилось со злым волшебником, почему он сделал то, что сделал? Никто не смог ответить мне на этот вопрос. Но так или иначе, поднявшись в небо, Трор вдруг совершил поступок, который ни до него, ни, к счастью, после не совершал ни один волшебник. Хотя... Кто может утверждать это наверняка? Впрочем, я опять отвлекся. Итак, Трор-коршун спикировал к земле и превратился... в город.

Да-да, в город! Выросли, как из-под земли, каменные дома, выгнули спины мосты и мостики, переброшенные через речушки и ручейки, завертелось мельничное колесо. Помутнел и свисел столбами воздух, и пожалуйста — появились из воздуха фонарные столбы. Каждая вещь возникла тогда, когда о ней вспоминал Трор, и прочно занимала свое место.

Людей Трор всегда недолюбливал — может быть, потому они и возникли в последнюю очередь — граждане города в Зеленой долине.

Были они высокие и низкие, толстые и худые, молодые и старые. Никто из них, насколько мне известно, не удивился своему необыкновенному рождению — каждый точно знал, что должен делать в жизни. Пекарь месил тесто, трубочист чистил трубы, музыкант... Впрочем, о музыкантах речь пойдет особо.

Город вышел на славу. С одной стороны, конечно, был он немного мрачноват. Трор никогда не любил веселья, и во всем Городе вы бы не нашли ни легкомысленных завитушек в чугунной оgrade, ни танцующих статуй. И все-таки Город был красив. А что до нехватки веселья — его с лихвой восполняла Зеленая долина, ибо что могло быть красивее Зеленой долины, какой она была в те годы?

Но что же стало с волшебником? Каково ему было — быть целым городом, видеть тысячами глаз, дымить печными трубами да еще и крутиться мельничным колесом?

По свету ходят два ответа на этот вопрос. На севере Страны считают, что волшебник рассеялся на тысячи частей, а значит, люди Города — не люди вовсе, а все тот же волшебник, и как пальцы руки подчиняются своему хозяину, так и люди эти говорили и делали лишь то, чего хотел их создатель. Трор был злым, но зло, как считают сторонники этой точки зрения, рассеялось, перейдя по частичкам к каждому горожанину. Так и вышло, что были они злые, но не очень, хотя и не то чтобы добрые — ведь добра в Троре и вовсе не было.

Но есть и другая точка зрения — ее придерживаются в основном те, кто живет южнее Зеленой долины. Если хорошенько попросить рассказчика, он с удовольствием объяснит, что волшебник просто устал. Шутка ли — проделать такую работу?! Устал и уснул, оставив Город жить так, как его жители сочтут нужным.

Уснул и проспал многие сотни лет...

Аэлита-88

В то памятное утро музыкант Ван проснулся, как всегда, в семь часов. Позавтракав, тоже как всегда, овсяными хлопьями с молоком, он взял под мышку футляр с трубой и направился на площадь. Надо сказать, что за долгие годы, прошедшие со дня возникновения, Город сильно изменился. Так, площади этой раньше не было.

На площади ровно в девять, как и каждый день, играл оркестр. Ван подошел, когда почти все были уже в сборе. Еще немного, и оркестр исполнил марш под названием «Гимн Города Трора», а затем музыканты разошлись — каждый по своим делам.

Вообще-то, когда Трор превращался в Город, он заодно превратился и в нескольких музыкантов. Но вот ведь в чем загвоздка... Трор совершенно не знал нотной грамоты, был начисто лишен музыкального слуха и из всех мелодий знал лишь похоронную да несколько боевых маршей. Вот так и получилось: хоть и были Трором созданы музыканты, но что и как играть — они не знали. Правда, надо отдать Трору должное, он сумел наколдовать им хороший слух. А уж они сочинили десятки маршей — кроме маршей они ничего не играли.

Теперь, пожалуй, пора рассказать о Городе — каким он стал к моменту пробуждения Трора. Ибо Трор проснулся. Да-да! Проснулся — и тут же, по старой памяти, вызвал грозу. Небо, и без того черное, — а не было и четырех часов, — потемнело еще сильнее; сверкнула молния — и все потонуло в потоках воды и свисте ветра. Ветер этот прилетел из заморских стран и принес с собой оттуда массу всяческого мусора, в том числе и один листок... Но об этом после.

Как ни странно, гроза не порадовала Трора. Может быть, за века сна он стал добрее? Кто знает... Тогда Трор превратился в самого себя, то есть в невысокого мрачного человека, сунул руки в карманы и побрел осматривать городские достопримечательности. Через полчаса он заподозрил неладное. Через час он просто не знал, что и думать.

Стоя на высокой городской стене, Трор еще раз посмотрел на Город.

— Что они наделали?! Так испортить мой замысел! А долина? Они вырубил весь лес! А архитектура? Что они понастроили?!

Между тем из-за гор выглянуло солнце, и стрелки городских часов показали девять. В тот же миг на городской площади взрвели трубы, грохнули барабаны и зазвенели литавры. Трор схватился за голову, затем поднял к небу сжатые кулаки. Еще немного, и Город, несомненно, провалился бы сквозь землю, сгорел синим пламенем или распался бы на куски. Но тут...

— Господи, — прошептал он, — ведь я был этим городом! Я отделился от него лишь час назад! Выходит, этот город — тоже я?! В этом надо разобраться, — решил он. — Но смогу ли я удержаться? — спросил он сам себя.

И тут же придумал, что надо сделать.

— Приказываю, — сказал он властно. — Пусть моя волшебная сила уснет и спит ровно сутки.

За это время он собирался осмотреть весь город.

Сначала Ван пошел в лавку — купить себе овсяных хлопьев на следующую неделю, а затем, подобно многим другим горожанам, направился в парк — одно из главных городских развлечений. Еще из развлечения был оркестр, тот самый, в котором играл наш герой.

Больше развлечений не было, да и зачем? Спроси любого жителя, и он ответит, что вполне доволен. Правда, из-за гор проникали иногда бродячие артисты или, скажем, книжки. Но артистов встречала стра-

жа и не слишком вежливо давала им от ворот поворот. А что до книг... Нет, вы не думайте, горожан учили читать и писать, был такой закон. Но чтобы по доброй воле прочесть целую книгу — такого с ними не случилось.

Однако вернемся к Вану. Он как раз прогуливался по аллее городского парка — от фонтана к десятиметровой бронзовой статуе Трора-основателя. Горожане, к слову, чтити Трора, но за века в историю вкралось множество досадных, а то и забавных ошибок. Так, считалось, что Трор был волшебником очень добрым. Рассказывали, что, где бы он ни появился, за ним толпой бежали дети, смеясь и крича: «Дяденька Трор приехал!».

Так что на пьедестале памятника было выбито: «Доброму Трору от благодарных горожан».

Ван задумчиво поглядел на памятник и прошел себе дальше, не обратив ни малейшего внимания на невысокого человечка, что стоял, открыв рот и уставясь на монумент. Вану и в голову придти не могло, что этот замухрышка и гигант, отлитый в бронзе и простирющийся над Городом увитый бронзовыми цветами меч, — одно и то же лицо.

Пройдя пруд с лебедями и маленький ресторанчик, Ван подошел к розовым кустам. Что поделать, он любил розы. А уж когда подошел, то не заметить застрявшую в колючих ветвях бумажку просто не мог.

«Принесло ветром», — решил Ван и взял листок. Взял, уверяю вас, только для того, чтобы очистить кусты от мусора, ибо, повторяю, он любил розы. Несомненно, листок отправился бы в ближайшую урну, но тут Ван разглядел на нем ноты...

Ноты? Все-таки Ван был музыкантом. Он развернул листок, взгляделся... Да, это были ноты. Самые настоящие, написанные от руки и, видимо, неписанные. Скорее всего, порыв ветра стащил листок прямо из-под руки неизвестного композитора.

Ван прочел ноты — и ничего не понял. Прочел еще раз... Это не было маршем! Как же так?

Бедный Ван! В руки ему попали ноты грустной песенки, сочиненной влюбленным композитором где-то в Заморской Стране.

Мелодия очаровала Вана. Он поспешно направился домой (Трор все еще разглядывал свой памятник), заперся у себя в комнате, взял трубу... Над притихшим Городом зазвучала Музыка — впервые за долгие века. Ван даже заплакал. От счастья. И тут в дверь постучали.

За дверью оказался плотник Бал, двухметровый здоровяк, который, помнится, даже выступал на празднике Города — в соревнованиях по ломанию подков. Однако сейчас Бал выглядел словно бы съжившимся и смотрел, несмотря на свой огромный рост, как-то снизу и чуть сбоку. А из-за спины у него выглядывал старичок Чох, продавец гвоздик.

— Здравствуйте, — сказал Ван. Он не заметил в своем госте никаких перемен, ведь его душа продолжала витать в облаках. — Проходите, пожалуйста.

— Нет-нет, — сдавленно ответил Бал, — мы уж тут... — Он промолчал и спросил: — А что это было?

— Музыка, — мечтательно отозвался Ван.

— Но ведь это... это же не марш?

— Нет. Это музыка.

— А... зачем?

Ван пожал плечами. Он и сам не знал — зачем. Подняв трубу, он вновь повторил начальные такты мелодии, а когда оглянулся, увидел, что гости уже ушли. Ван вздохнул и вновь поднял трубу.

Наигравшись и проголодавшись к тому же, Ван направился в парковый ресторанчик, где всегда обедал. Ресторанчик этот... Да, нелишне, пожалуй, будет сказать два слова и о ресторанчике.

Было это легкое и изящное, но очень древнее здание. Резного камня колонны поддерживали ажурный потолок, в центре зала бил фонтанчик, в общем,

(162)

Аэлита-88

это было именно такое место, где приятно посидеть жарким летним днем, потягивая что-нибудь этакое из запотевшего бокала.

Но самое удивительное — при входе крассвалась внушительных размеров позолоченная доска, гласившая, что в этом самом ресторанчике особенно любил обедать Трор и даже встречался здесь со своими друзьями.

Трор?! С друзьями?! Тот самый Трор, который как-то раз превратил бегемота в суслика за то, что он не спрятался при его появлении, а суслика, наоборот, в бегемота — за то, что спрятался? (К слову, злодей-Трор немало времени провел впоследствии, наблюдая в волшебное зеркало, как пытается рыть нору отошавший бегемот и как пускает в пруду пузыри бедный суслик: привычки-то у них остались прежние). Вы можете себе представить, чтобы у такого, как Трор, были друзья?

Сейчас Трор сидел в том самом ресторанчике, перед чашкой чая с перцем и бутербродом с горчицей, и с отвращением смотрел вокруг.

Вшедший в зал Ван, ничего не подозревая, двинулся к столу Трора, где было его любимое место, спросил разрешения и, не получив ответа, сел.

— А еще, — ни с того ни с сего вдруг заговорил его сосед, — они поставили мне памятник! — Сосед шмыгнул носом, откусил от бутерброда, на котором Ван с изумлением заметил слой горчицы в палец толщиной, и запил чаем. В тот же миг из глаз у него брызнули слезы, лицо покраснело и задергалось. Странный человечек схватил из вазочки на столе салфетку, утер глаза и нос и бросил ее под стол, где уже лежало с десяток таких же салфеток, да и меню впридачу.

— Памятник кому? — поинтересовался Ван, приступая к обеду.

— Мне!

— Простите, а вы?..

— А я — Трор, — человечек повторил процедуру с горчицей и салфеткой. — Трор я!

— Не похоже, — усомнился Ван.

— На кого не похоже?

— На Трора. — Ван вспомнил гигантский памятник.

— Я? — человечек вытаращил глаза. — Я не похож? На меня? — Он вдруг расхохотался, затем залпом дожевал свой бутерброд и заявил: — Не смешно.

— Простите, — сконфузился Ван, — я вовсе не хотел...

— А ограды, — перебил его человечек. — Что они понатыкали вместо моих оград? Зачем эти целующиеся ангелочки на каждом шагу? Эти жуткие завитушки? У меня там палец застрял, — он показал Вану палец, немый и исцарапанный.

Ван хотел заметить, что не надо было совать палец в эту самую завитушку, но не решился — слишком расстроенным выглядел собеседник.

— А этот ужасный концерт сегодня утром?! — повысил голос Трор. — Словно тысячу котов тянут за хвост, а коты, как ненормальные, вопят: «Слава Трору, Трору слава в пору!»

— Ну, знаете, — возмутился Ван, который, как вы помните, играл в том самом оркестре. — Прекрасная музыка. Классика!

Трор взял чашку и стал с безразличным видом пить.

— Говорят, — продолжал горячиться Ван, — что сам Трор слушал этот марш по два-три раза в день!

Тут раздался невнятный возглас, собеседник Вана поперхнулся, закашлялся и заорал:

— Пропадите вы пропадом с вашим Трором!

Он схватил со стола салатницу, довольно увесистую, кстати, и запустил ею в Вана. Впрочем, в Вана салатница не попала, а попала в лоб одному из трех господ, входивших в зал в этот момент.

«Убил», — подумал Ван в ужасе.

Ничего подобного!

Хотя салатница и разлетелась на куски, странный господин не обратил на это никакого внимания. Он подошел к Трору, а его спутники встали по бокам.

— Именем Трора, вы арестованы, — сказал Трору перемазанный салатом господин.

Только под вечер Ван вернулся домой. Странная сцена в ресторане произвела на него очень сильное впечатление. И дело тут было даже не в аресте несчастного, называвшего себя Трором. Просто у Вана никак не шли из головы едкие слова по поводу оркестра и его музыки. Теперь, сравнивая принесенную ветром мелодию с тем, что ему приходилось играть раньше, он приходил к выводу, что грубый человечек, поедавший горчицу, не так уж и неправ.

«Господи, — вдруг содрогнулся Ван, — ведь завтра утром...»

Завтра утром ему вновь предстояло играть «Слава Трору!» И послезавтра. И всю жизнь!

Чтобы успокоиться, он взял трубу и еще немного поиграл. Вы легко догадаетесь, что играл он в этот вечер вовсе не марш.

А как же Трор? Что стало с ним? Когда к нему подошли трое служителей порядка, Трор, разумеется, устроил в ресторанчике безобразную драку. Однако — без волшебной силы — он был вскоре побежден и доставлен в тюрьму.

Заметим, кстати, что в первоначальном Городе Трора тюрьмы не было вовсе. Это здание построили после. Не то, чтобы в Городе было много преступников, нет. Горожане, спроси вы у них, зачем им тюрьма, ответили бы: «Что мы, хуже других?». Добрые эти люди стремились быть не хуже соседей — и прилагали к тому немало усилий. Это мы с вами знаем, что нельзя быть лучше всего света сразу.

Что с того? Если у жителей Города чего-то не было из того, что в изобилии водилось у соседей, они просто-напросто заявляли, что это что-то — явная глупость, владеть которою могут лишь отсталые люди...

Но я опять отвлекся.

Итак, Ван сидел у окна и с грустью думал о том, что всю жизнь — подумать только, всю жизнь! — играл плохую музыку и даже не знал, что есть на свете хорошая.

Он вновь поднял трубу, и над ночными улицами полилась мелодия — гордая и печальная.

Тут дверь без стука распахнулась, и в комнату вошли уже знакомые Вану три господина.

— Вы арестованы, — сказал ему господин со ссадиной на лбу и с распухшим носом.

— Позвольте, — начал было Ван, но его уже тащили вниз по лестнице к черной карете, стоявшей у подъезда.

Возница взмахнул кнутом, и карета понеслась по ночным улицам — прямо к мрачному зданию тюрьмы.

Вана долго вели по мрачным, пахнущим сыростью коридорам, мимо угрюмых часовых, пока не подвели к окованной железом двери. Один из часовых снял со своей шеи ключ на бронзовой цепочке и открыл замок. Дверь со скрипом распахнулась, и бедного Вана втокнули в камеру.

— С новосельцем, — прозвучал из темного угла насмешливый голос.

Да-да, разумеется, это был Трор собственной персоной!

— Здравствуйте, — робко произнес Ван.

— Ого, — удивился Трор, — старый знакомый! Ну, рассказывай.

— Что тут рассказывать, — вздохнул Ван. — Я и сам не знаю, за что я сюда попал.

— Брось, — возразил Трор, — об этом говорит весь город. Ведь ты — музыкант Ван?

— Да, — удивился Ван. — А как вы догадались?

(170)

Аэлита-88

— Так что же ты молчишь?! — взорвался Трор. — Ведь это ты задумал переименовать Город, взорвать тюрьму и даже написал песню, призывающую к борьбе?

— Я?! — изумился Ван. — Песню я, правда, играл, но это не моя песня, ее принес ветер. А что касается бунта...

— А что за песня? — поинтересовался Трор.

— Ну вот: та-та-ра-та-ри-ти-ти...

— Ничего, — согласился с Ваном собеседник. — Все лучше, чем...

Он не договорил, но Ван понял, что имелось в виду.

— А за что арестовали вас? — поинтересовался он.

— За то, что я — Трор, — ухмыльнулся сосед.

— Но...

— Никаких «но»! — зарычал Трор. — Хватит! Или я — Трор, или быть тебе морским ежиком. Ей-ей, превращу!

— Но если вы — Трор, — возразил Ван, — то как же вы дали себя задержать?

— Очень просто. Я проснулся тут, — Трор неопределенно помахал рукой, — а моя волшебная сила дрыхнет. Да оно и к лучшему. Знаешь, — добавил он, помолчав, — я как-то изменился, пока спал. Подобрел, что ли? Шесть веков назад я злее был! А теперь вот думаю: стоит ли кого-то наказывать? Все-таки в том, что вы стали такими, есть и моя вина, а?

— Какими такими? — не понял Ван.

Трор вздохнул и стал рассказывать. Сначала он рассказал, как шел по свету и что видел по дороге, каждый раз прибавляя: «Этого у вас нет... Это вам и не снилось...». Ван был поражен, он и не знал, что мир так велик. Трор утверждал, что шел годы и годы, а ведь Город, в котором Ван прожил всю жизнь, легко можно было пройти из конца в конец за пару часов.

Затем Трор рассказал, как, выйдя на перевал, он восхитился красотой долины и превратил себя в Город. Он рассказывал о прекрасных зеленых рощах, о водопадах, которые теперь неведомо куда делись, о том, наконец, как дом за домом придумывал он Город — чтобы жителям его было красиво и удобно.

— Разве, — говорил он, — я создал хоть одного полицейского? Разве я, один из самых мудрых волшебников, мог написать школьные учебники, в которых говорится, что Земля — плоская? Но ведь именно это там сейчас написано! И зачем? Все только для того, чтобы поместить этот ваш город в самый центр мироздания!

— А какая Земля на самом деле? — удивился Ван.

— Кру-гла-я! Понял? А! — Трор безнадежно махнул рукой, а затем, без всякой связи с предыдущим, вдруг заявил: — А до судьи я все-таки доберусь!

— До какого судьи? — не понял Ван.

— Тебя не судили еще? — обрадовался Трор. — Ну, парень, у тебя все впереди! Это такой цирк...

— А что такое цирк?

Трор с жалостью посмотрел на Вана и отвернулся к стене, словно желая показать, что не имеет ничего общего с таким неучем. Через минуту он уже храпел.

А Вану не спалось. Сначала он долго ворочался с боку на бок, затем сел на своей койке, а потом и вовсе встал — подошел к окну. Вану было страшно. Никогда раньше он не помышлял о такой для себя участи — оказаться в тюрьме, а потому был совершенно не готов к свалившемуся на него испытанию.

Стоя у окна, забранного толстой решеткой, Ван глядел на залитую лунным светом улицу. Город спал, и единственным звуком в этой тишине был богатырский храп Трора.

Суд состоялся утром.

Со скрипом распахнулась тяжелая дверь, вошли два стражника и потащили взерошенного и сонного

Вана по коридорам, а затем вверх по лестнице — в судебный зал, находившийся тут же, в тюрьме.

Суды бывают разные. Самый торжественный и пышный суд проходил лет за сорок до описываемых событий в одном из восточных княжеств. Судили собачку кого-то из придворных, осмелившуюся погнаться за кошкой Его Величества. Суд проходил в Золотом Зале дворца и длился восемь месяцев. Кончился этот суд, как и следовало ожидать, смертным приговором, причем отрубили голову начальнику королевской охраны, с которым у короля были старые счеты.

— При чем же тут собачка? — спросите вы. Абсолютно ни при чем!

С другой стороны, как пример суда вовсе не торжественного, можно привести суды самого Трора. Вот у кого суд вершился без проволок! Стоило кому-то разозлить волшебника... В общем, понятно.

В Городе Трора суд был задуман как весьма пышное и торжественное зрелище. Но вот беда — мастера, что ремонтировали год назад судебный зал, скалтурили. После первого же дождя со стен облезла позолота, а надо сказать, облезшая позолота — зрелище не очень-то красивое...

Речи судей и присяжных были написаны так, чтобы внушать почтение и страх. И действительно, что-то чувствовалось грозное, когда полицейский говорил басом: «Встать! Именем Трора!». Но у полицейского был насморк, да и судьи постоянно путали слова и несли отсбятину...

Хотя нет, все-таки дело было в мастеровых.

— Встать, — пробублукал Вану в самое ухо простуженный шепот. — Именем... ап-чи-Трора!

Ван испуганно поднялся с места. В зал торжественно вошли три одетых в черное, очень похожих меж собою и очень толстых человека. Шли они медленно и величественно. Но на полпути последний из них споткнулся и выронил толстый серый том, который нес в руке. Том упал и разлетелся на листочки. Люди в черном бросились — на четвереньках — эти листочки собирать.

«Трор, конечно, расхохотался бы, — подумал Ван. — А я вот не могу...».

Наконец суд уселся на свои места.

— Начнем, — произнес человек в черном, что сидел в центре. При этом он посмотрел на сидящего слева. Тот поднялся.

— Именем Трора, — изрек он, — вы обвиняетесь в государственной измене. Признаетесь?

— В чем? — изумился Ван.

Тогда судья поднялся и объявил, что — именем Трора, разумеется! — двум бунтовщикам, Вану и неизвестному, отрубят головы. Процедура состоится утром.

Те, кого уже приговаривали в прошлом к смертной казни, поймут, а остальных я прошу поверить мне на слово: Ван имел полное право упасть в обморок.

Очнулся он уже в камере.

— Добрый вечер, — приветствовал его Трор. — Ну как, понял, что такое цирк?

— Чему ты радуешься? — рассердился Ван. — Ведь завтра нам отрубят головы. Одновременно — тебе и мне.

— Одновременно не отрубят, — успокоил его Трор. — В городе только один палач. Кому-то придется быть первым.

— Но за что?! — Ван заплакал.

— Как за что? Тебя за песню, а меня — за нарушение спокойствия и оскорбление величия. Есть страны, где за подобные вещи и похуже наказывают.

— Но что в этом такого? Песня. Ну и что? — недоумевал Ван.

— Эта песня зовет, пойми, чудак! — Трор улегся на койку и заложил руки за голову.

— Зовет?

— Ну да! Зовет прочь из этой дыры. Есть на Юге

такая сказка — пришел в город крысолов, тоже, кстати, с трубой, и заиграл. И все крысы ушли из города. Красивая сказка... А я вот видел, как это было на самом деле. Побили того крысолова. Люди побили, не крысы.

— За что — побили?

— Кто за что... Продавцы мышеловок боялись разориться, торговцы хлебом — что хлеба станет много, а значит, он будет дешевым... Так что бросили его, бедняжку, в море. Он, правда, выплыл, но крысами больше не занимался. Играл в кабаке. А потом сочинили сказку, что, мол, это крысы попрыгали в море. — Трор помолчал, потом добавил: — И про нас сказку сочинят, это точно.

Затем он, как и вчера, повернулся на бок и через минуту уже храпел.

И вот наступило утро. Чуть свет на городской площади застучали топоры — это плотники сколачивали эшафот. Затем стал собираться народ: послушать оркестр и заодно посмотреть на казнь.

Ван и Трор, в сопровождении четырех дюжих стражников, поднялись по деревянным ступеням туда, где палач уже готовил свой довольно-таки острый топор. Там же, на эшафоте, стоял накрытый сукном стол, за которым сидели судьи.

Стражи схватили Вана, подняли его и, как пушинку, положили головой на огромную колоду. Палач взмахнул топором...

Южнее Зеленой долины почему-то считают, что перед смертью, в самый последний момент, в голове человека с огромной скоростью проносится вся его жизнь.

Жители Севера резонно возражают — мол, какие там воспоминания, когда тебя с размаху тычут носом в занозистую колоду! Да и что было вспоминать Вану? Не хотел он ничего вспоминать...

...Топор больно ударил Вана по шее и разлетелся на куски. Как ни странно, наш музыкант все понял сразу. Он оглянулся на Трора.

О, Трора было не узнать! Теперь на нем были шитые золотом сапоги, куртка и штаны из фиолетового шелка и, главное, кроваво-красная мантия.

— Ап! — сказал Трор, и с Вана упали веревки.

Стража тоже упала. Лицом вниз.

— Судью сюда! — велел Трор.

Тут же из воздуха возникли два гигантских медведя и, после недолгих поисков, извлекли из-под стола господина судью.

— Скажи «ква!» — велел ему Трор.

— К-к-к-ва... — пролепетал бледный, как мел, толстяк и тут же превратился в жабу. Жаба эта стала расти и росла до тех пор, пока под нею не проломилась доска эшафота.

Тогда она заблестела медью.

— Ап! — снова сказал Трор, и бронзовая жаба взлетела в небо и опустилась вновь где-то за домами.

— Теперь у вас в парке новый памятник, — сказал Трор, и голос его разнесся по всей долине. — Это и есть ваш Трор. А настоящий Трор уходит. Живите, как хотите.

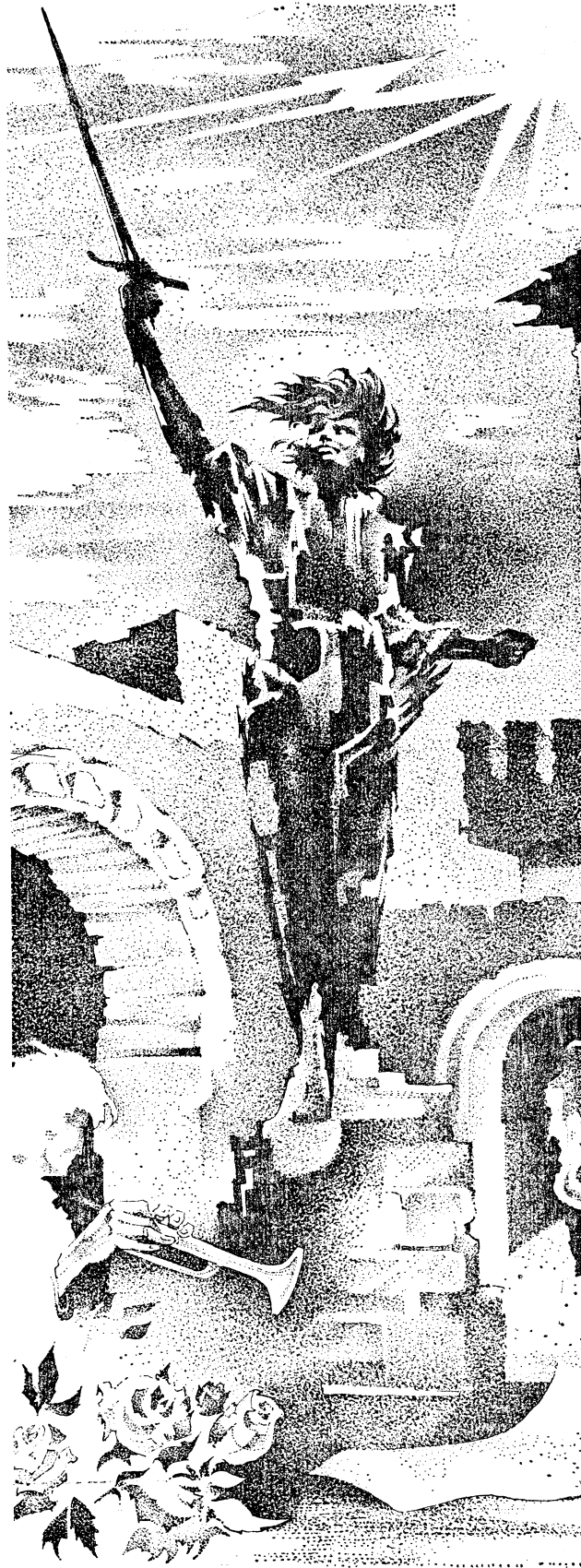
В тот же миг эшафот исчез, а Ван и Трор оказались далеко за городской стеной, на самом перевале.

— Отсюда я впервые увидел долину, — грустно сказал Трор. — Пошли, что ли?

И они пошли прочь.

А через час, как только взошло солнце, оркестр на городской площади исполнил «Гимн Города Трора».

(172)

А злата-88

«Аэлита»-88

Виталий БУГРОВ

Почти 280 любителей фантастики из 63 городов и поселков страны присоединились к нашим землякам-свердловчанам, пришедшим 13 мая во Дворец молодежи на литературный вечер, посвященный вручению «Аэлиты»-88 и 30-летию «Уральского следопыта».

Смотришь на список иногородних участников торжества — и не устаешь поражаться их энтузиазму. Мильково (это райцентр на Камчатке), Южно-Сахалинск, Хабаровск... Сибирь — ближняя и дальняя, и Украина, Казахстан и Молдавия, Прибалтика и Кавказ... Кто-то — в одиночку: делег и дорог путь, оплачиваемых же командировок (в отличие от совещания в Киеве) практически не было — лишь члены Всесоюзного совета КЛФ приехали в Свердловск по вызовам ЦК комсомола. Но многие — все же вдвоем-втроем, а нередко и больше. По шесть ребят приехало из Киева и Новосибирска, по семь — из Куйбышева, Магнитогорска и Николаева, и восемь — из Тюмени, девять — из Ленинграда и по десять — из Асбеста, Кургана и Омска. И — по традиционному уже примеру пермяков, которых нынче было 29, появились другие почти столь же солидные делегации: 20 человек — из Уфы, 21 — из Москвы, 22 — из Челябинска...

Тесновато становится в помещениях ДК автомобилистов, с которыми и мы, и гости наши успели сродниться за эти годы!

Мы, впрочем, не считаем пока, что пришла пора устанавливать квоту для «землячеств». Полагаем: едут ребята — и пусть едут! Разонравится, спадет интерес к нашим «Аэлитам» — сами перестанут ездить: и пряником не заманишь!

Другое дело, что, конечно же, для большей части приезжих дни в Свердловске — именно праздник. И стало быть, и редакции журнала, и свердловским клубам, и Всесоюзному совету КЛФ (да и самим гостям!) есть теперь над чем думать в плане зрелищности, общинтересности наших «Аэлит».

Что в этом плане было сделано в нынешнем году?

Ну, во-первых, вечер во Дворце молодежи. В его проведении, помимо сотрудников и друзей-помощников «Уральского следопыта», участвовала и большая группа писателей. Москвичи В. Бабенко, Н. Беркова, В. Гопман, А. Свиридов, А. Федоров, народный поэт Удмуртии О. Поскребышев, К. Симонян (Ереван), А. Балабуха (Ленинград), В. Головачев (Днепропетровск), свердловчане В. Крапивин, С. Другаль, Г. Дробиз, В. Станцев, наконец лауреат самой первой «Аэлиты» — А. Стругацкий (Москва) и нынешний ее лауреат — томский писатель В. Колупаев (см. о нем на 2-й стр. обложки)...

Во-вторых, пресс-конференция утром следующего дня в зале Свердловского обкома комсомола. Аудитория там была значительно уже, чем во Дворце молодежи — «своя», чисто «фэновская», а значит, являлась возможность расспросить писателей буквально обо всем, что интересовало: об их творчестве и литературных вкусах, о семинарах молодых фантастов, о состоянии советской НФ, о том, почему до сих пор нет в стране специального НФ журнала... и не только о литературе, но и о проблемах перестройки, об отношении к культуре Сталина, о событиях в Нагорном Карабахе...

В-третьих, первый за историю «Аэлит» карнавал в

ДК автомобилистов. В чем-то он, может быть, и не обошелся без накладок, однако редакция (а по отзывам — и сами его участники) искренне признательна свердловскому КЛФ «МИФ» за подготовку, оформление и проведение этого многокрасочного и веселого фантастического действа, в котором нашлось место и многочисленным заданиям для публики, и конкурсу костюмов, и самодеятельности (челябинцы, к примеру, показали постановку по рассказу своего земляка М. Клименко «Судная ночь»), и иному многому, в том числе — в развитии шуточной традиции, родившейся месяцем раньше в Николаеве (где была выбрана... мисс «Ефремовские чтения»-88!), — выбором «мисс «Аэлиты»-88».

В-четвертых, в-пятых, в-шестых... Традиционная выставка фантастической живописи — с участием не только свердловчан. Просмотр видеокассет с фантастическими фильмами... Сувениры, изготовленные изобретательными кооператорами (появление этих последних в среде «фэнов» надо бы всерьез осмыслить — за минусами, среди которых не на последнем месте высокие цены, не упустить несомненные плюсы)... Наконец, для тех, кто был у нас впервые, — музей «Уральского следопыта».

Вот, пожалуй, и все — если не считать мало от нас зависевшую и потому вдвойне удачную погоду (гости могли, наконец, увидеть индустриальный Свердловск укутанным зеленью) и то главное, за чем стоит ехать из самого свердловского далека, — общение с коллегами по интересам. Оно, впрочем, тоже лишь в малой степени определялось хозяевами праздника, ибо вершилось, как и полагается, в основном за полночь — в гостиничных номерах...

Но кто признается, что, направляясь в Свердловск,

примерял к себе лишь роль праздного зрителя? Если не все, то очень многие ехали сюда не только (или даже — не столько) отдохнуть, но и поработать.

В рамках традиционного семинара, помимо привычных уже секций фантастиковедения и обмена опытом, похоже, выделяются в самостоятельные: работа КЛФ с подростками, развитие творческого воображения, библиографическая, семинар молодых авторов.

Отдельно об этом последнем.

Уже и нашим читателям хорошо известен ежегодный семинар молодых писателей-фантастов, проводимый СП СССР в Малевке либо Дубултах (мы писали о нем в февральском номере). Под руководством Б. Стругацкого многие годы работает ленинградский семинар, выпускающий ныне второй свой сборник (первый — «Синяя дорога» — вышел несколько лет назад). Существует подобный семинар в Москве, после вынужденного перерыва возродился семинар в Томске (где его с давних пор ведет В. Колупаев), появился в Новосибирске.

В чем отличие нашего новичка — семинара «Аэлиты»?

Семинары в Ленинграде, Москве, Томске стабильны: состав их подбирался годами, участники хорошо знают друг друга — и рукописи, и потенциальные возможности.

Наша «Аэлита» скоротечна — скоротечен и ее семинар: два, от силы три неполных дня работы.

— Прежде всего, это семинар действительно молодых, а точнее даже сказать — начинающих авторов, тех, кто делает самые первые свои шаги в литературе, — говорит староста семинара молодой свердловский литератор А. Больных. — Участвовать в нем может любой желающий — из тех, кто приезжает на «Аэлиту». Вопрос о каком-либо предварительном отборе рукописей для обсуждения для нас пока не стоит, хотя и может возникнуть — именно в силу скоротечности семинара, физической нехватки времени. Кстати, опыт этого года показал: рукописи желающих обсудиться должны быть присланы заранее. На дни «Аэлиты» приходится масса событий — и должна быть гарантия, чтобы уж местные-то товарищи, участвующие в семинаре, могли прочесть эти рукописи заблаговременно. Поэтому предлагаем: желающие участвовать в семинаре будущего года должны прислать свои рукописи в адрес «Уральского следопыта» (с обязательной пометкой на конверте: семинар «Аэлита»-89) к январю-февралю, не позднее.

Ну, а нынешний семинар? Организованный, можно сказать, в самый последний момент — удался ли он?

— В целом — да, — отвечает А. Больных. — В его работе приняли участие 21 автор из 16 городов. Перед ними выступили писатель С. Другаль, критик В. Голман, член Всесоюзного совета КЛФ Р. Арбитман, один из руководителей новосибирского семинара В. Пищенко... Любого молодого автора волнует вопрос об отдаче, результатах обсуждения: что оно дает, кроме возможности услышать мнение со стороны? Ответу так. Рукописи, высоко оцененные на семинаре, могут быть рекомендованы к публикации в «Следопыте». Кроме того, наш семинар получил право рекомендовать авторов руководству Малевского семинара — хотя для участия в нем уже потребуется пройти отбор. Главное же, мы хотели бы помочь начинающим подтвердить встать на ноги, показать, каким трудным, нервным, но и чертовски интересным делом они занялись...

Как сложится судьба новорожденного семинара — покажет будущее. Говорим же мы о нем столь подробно — в предвидении неизбежных запросов о нем.

Вообще же, немало интересного было и на других секциях.

Библиографы, например, решили не откладывая приступить к созданию полной библиографии советской НФ: распределили между собой регионы (чтобы, обследовав местную периодику, хотя бы в первом приближении выявить и в ней все публикации фантастики и о фантастике) и уже к осени обязались прислать опись выявленного

главному координатору и энтузиасту огромной, но и необходимой этой работы — свердловчанину И. Халымбадзе, известному знатоку и библиографу НФ. Он издавна тесно связан с нами, поэтому те из наших читателей, кто обладает какой-либо не общедоступной библиографической информацией о фантастике и желал бы включиться в эту коллективную работу, могут связаться с ним через редакцию.

А среди сообщений, зачитанных на секции фантастиковедения, наибольший интерес вызвал доклад омича Н. Горнова. И немудрено: то был острокритический разбор прошлогсдней фантастики «Уральского следопыта». Общий вывод докладчика нелестен для нас: «Качество опубликованных вещей заметно хуже, нежели в былые «темные времена застоя»... На страницы журнала просятся множество рассказов, представляющих из себя... серую и аморфную массу...».

«Больше печатать произведений сложных, многоплановых, наводящих на размышления, — призывает Н. Горнов. — То есть не городить огород и не выдумывать новые градации в фантастике: вот это для юношества, а это, извините, они не поймут. Сразу не поймут — прочитают и поймут... А то мир «У. С.» стал порой напоминать двумерное пространство из рассказа Чуманова, ясное и банальное до того, что чувствуется оскомины во рту...».

Что ж, пусть не всегда убедителен был анализ конкретных вещей, пусть оценки порою подкреплялись лишь эмоциями, в целом это была та нелицеприятная, заинтересованная в успехе общего дела критика, по которой давно истосковалась, думаем, не только редакция нашего журнала, но и вся отечественная фантастика.

В дни «Аэлиты»-88 состоялось первое заседание избранный в Киеве Всесоюзного совета КЛФ. Уточнены были его задачи и структура, выделены основные направления работы, сформированы секции, спланированы первые мероприятия. Соответствующая информация, очевидно, уже разошлась по клубам — тем, чьи адреса известны совету. Но известны-то, по-видимому, далеко не все: не спешат клубы заявлять о себе, не торопятся вступать в возрождаемое ныне «Великое Кольцо» родственных объединений. Показательно в этом смысле, что на анкету мартовского номера «У. С.» откликнулись пока лишь около ста КЛФ. Даже среди тех 76 клубов, что были представлены на «Аэлите»-88, обнаружилось 18 (!) не оставивших сведений о себе для нашей картотеки. К помощи которой уже сейчас прибегает и Всесоюзный совет КЛФ...

Участники вечера во Дворце молодежи были проинформированы и о судьбе учрежденного в прошлом году приза имени И. А. Ефремова — «за вклад в развитие советской фантастики».

В этом году он присужден посмертно Дмитрию Александровичу Биленкину (1933—1987) — автору не только многих НФ повестей и рассказов, но и большого количества критических статей, в которых известный писатель активно утверждал высокие идеалы и назначение советской фантастики, боролся против засилья в ней серости и халтуры.

Лауреатом приза имени И. А. Ефремова стал также автор этого отчета.

МАРСЕЛЬ

ОСВЕЩЕН

МАРСЕЛЬ

МАРСЕЛЬ

повести
рисунки
илены
пьянковой

ЖИМЕНОН

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Приехав на набережную Орфевр, Мегрэ тут же вызвал к себе в кабинет Жанвье.

— Ничего нового по делу Марсиа?

— Нет. Только звонил инспектор Луи. Он хотел с вами поговорить.

— Он у себя?

— Нет. Будет в половине первого в ресторане «Рона» на бульваре Клиши.

— Пообедаешь со мной?

— Охотно. Жена сегодня уехала к матери, и мне придется обедать в ресторане.

Комиссар позвонил мадам Мегрэ.

— У меня много работы, и обедать я не приду.

Она и так это знала. Всякий раз, когда расследование доходило до какой-то определенной ситуации, Мегрэ испытывал потребность устроить себе передышку, вот так, пообедав с одним из своих сотрудников в пивной «Дофин».

Это был своего рода прием, чтобы постоянно быть погруженным в атмосферу дела и ни на минуту не отвлекаться. Оба спокойно шли пешком до пивной и занимали места у стойки, где уже собиралось много их коллег с набережной Орфевр.

— Разнообразия ради,— проворчал Мегрэ,— возму-ка я стаканчик аперитива...

Такое с ним случалось редко. С тех пор как его старый друг, доктор Пардон, посоветовал ему сле-

дить за здоровьем, он пил гораздо меньше, чем раньше, и ему часто случалось долго держать в зубах потухшую трубку.

— Ты не знаешь, что Луи от меня нужно?

— Всем известно, что он любит напускать на себя таинственный вид.

— Удивительный он человек, но в бригаде работать не смог бы. Он непременно должен действовать в одиночку...

Хозяин подошел поздороваться с ними. Он совсем облысел, но поскольку этот процесс длился уже долгие годы, никто не замечал особых перемен.

— Что сегодня на обед?

— Свиные сосиски... Но если вы предпочитаете бифштекс...

— Давайте сосиски! — отрезал Мегрэ.

— Мне тоже,— как эхо, повторил Жанвье.

Они вошли в зал ресторана, где заняты были только четыре столика. За двумя сидели адвокаты. Здесь Мегрэ и его сотрудники чувствовали себя, как дома. У комиссара было свое постоянное место, в углу у окна, откуда открывался вид на Сену и прохидившие по ней катера. Из окна кабинета он тоже видел эти же катера, и так продолжалось более тридцати лет. Впрочем, это зрелище ему не наскучило.

— Сделай одолжение,— сказал он Жанвье.— Когда вернешься на набережную Орфевр, позвони в Орли и закажи мне на завтра билет на Марсель. Желательно, в середине дня.

— Вы летите в Бандоль?

— Да. Неофициально, конечно, поскольку эти места не входят в нашу юрисдикцию.

— Днем должен быть транзитный рейс.

— Кстати, уже половина первого. Позвони инспектору Луи. Пусть, как только освободится, зайдет ко мне.

В четверть второго Вдовец уже сидел напротив комиссара. За окном шелестела листва. Мегрэ снял пиджак. Луи, как всегда, был одет во все черное.

— Сегодня утром мне звонила подруга моего неизвестного собеседника.

Мегрэ не смог сдержать улыбки.

— Имени своего она не назвала... Она очень взволнована: вот уже двое суток ее друг не подает признаков жизни.

Мегрэ спокойно ждал продолжения.

— Другая новость менее достоверная... Трое или четверо подозрительных личностей внезапно исчезли с Монмартра, и все они случайно оказались друзьями братьев Мори.

— У меня тоже есть для вас новость, инспектор. Я знаю, кто ваш анонимный осведомитель.

Луи густо покраснел. Ему показалось невероятным, что комиссару за сутки удалось установить личность этого таинственного человека. Иначе говоря, сделать то, чего сам он не сумел сделать за долгие годы.

— Кто это?

— Вы знаете Блоху?

— Да его знают все на Монмартре.

— Это он... Я узнал это от самого Манюэля Мори, то ли он случайно проговорился, то ли считал, что я в курсе дела.

Больше тридцати лет Мегрэ знал человека по прозвищу Блоха, потому, что ростом тот был не больше метра пятидесяти. К тому же он отличался

крайней худобой, и лицо у него тоже было необычным: большую часть занимал рот — удивительно подвижный, словно из резины.

Он рабстал рассыльным в «Крысином погребке», в шикарном кабаре на площади Пигаль, куда большинство клиентов приходило в смокингах. Блоха был одет в красного цвета униформу — короткий пиджачок и брюки, фуражка с галунами. Он стоял у двери, готовый мчаться, куда угодно.

Теперь «Крысиного погребка» больше не существовало. Блоха, настоящее имя которого — Жюстен Кротгон, много лет работал в пивной на улице Виктор-Массе, куда частенько навевывались главари преступного мира.

Он по-прежнему был на редкость худым и таким проворным, что мог пробраться куда угодно, только лицо его покрылось морщинами. Издалека его вообще можно было принять за подростка, но и вблизи он неплохо выглядел для своих сорока пяти или сорока шести лет.

— Как же я не узнал его голос? — сетовал Луи.

— Должно быть, он старался его изменить.

— Не настолько. Теперь, когда вы мне сказали, я задним числом узнаю... Как же я о нем не подумал!

— На какие деньги он жил последнее время?

— Он сожительствовал с девицей из «Канарейки». Она живет на улице Фромантен.

— Суенер?

— Очень возможно. Точно я не знаю. Странно, что такая видная девица живет с этим недомерком... Он родился в Париже, на бульваре Ля Шапель, думаю, нет смысла объяснять вам, чем занималась его мамаша. Она отправила его к одной из своих сестер в Вандею; в четырнадцать лет он вернулся в Париж и, чтобы существовать, выкручивался, как мог.

— Он в опасности, — значительно произнес Мегрэ.

— Вы полагаете, что Мори могут осмелиться...

— Сами они останутся вне подозрений, но в их окружении достаточно профессиональных убийц, и если нужно будет убрать лишнего свидетеля...

Инспектор Луи никак не мог прийти в себя:

— Блоха! Ведь его никто не боится... Его считают безобидным существом, полу-мужчиной, полумальчишкой, с морщинистым лицом. Он водит дружбу с отпетыми парнями, которые без опаски говорят при нем на любые темы... Думаю, он мечтает считаться своим в их среде. Я не удивился бы, если бы ему поручили стоять на стреме...

— Как зовут его подружку?

— Бланш Пигу... Улица Фромантен, дом двадцать восемь. Это в двух шагах от бульвара Клиши, где я только что обедал.

— Вы ее знаете?

— Только с виду. Она ни разу не была замешана ни в чем подозрительном.

— Наверняка она ложится спать только под утро. У нас есть шанс застать ее дома...

— Если ей не нужно сегодня делать прическу... Эти девицы встают рано, когда идут к парикмахеру.

Мегрэ подозвал Жанвье.

— Хочешь пойти с нами? Мы снова отправляемся на Монмартр.

— Взять машину?

— Конечно...

Они поехали втроем. День был солнечный, правда,

слишком жаркий для мая. Неудивительно, если бы разразилась гроза.

Улица Фромантен оказалась тихой. Дом номер двадцать восемь был сравнительно новым, довольно комфортабельным с виду.

— Поднимемся втроем? — спросил Жанвье.

— Сначала я поднимусь один, чтобы ее не испугать. Пусть меня сопровождает инспектор Луи, ведь звонила она ему.

— Третий этаж, вход с улицы, — сказала им консьержка.

На лестнице пахло едой, где-то плакал ребенок. Мегрэ нажал кнопку звонка. Пришлось подождать, пока дверь им открыла девушка, довольно пухленькая, в накинута на голое тело пеньюаре.

Она узнала инспектора Луи.

— Вы его нашли?

— Еще нет, но с вами хотел бы поговорить комиссар Мегрэ.

— Но я в таком виде... Я спала... Еще даже не успела причесаться.

— Мы подождем, — добродушно сказал Мегрэ.

У девушки было открытое, немного наивное лицо. На вид ей можно было дать лет двадцать пять, а образ жизни еще не наложил отпечаток на ее внешность.

— Входите... Располагайтесь... Я сейчас...

Она вошла в комнату, к которой, вероятно, примыкала ванная.

Если бы комиссару не приходилось часто иметь дело с определенным типом женщин, на которых порядочные женщины смотрят с презрением, он бы удивился, увидев, что подобная девица живет в такой обстановке.

В гостиной стояла добротная мебель типа модерн, какую можно встретить в каждой второй парижской квартире. И мебель, и паркет были тщательно натерты. Слегка попахивало мастикой.

Открыв наугад какую-то дверь, Мегрэ оказался в чистой кухне.

— Может быть, выпьете кофе? — предложила девушка, появившись в том же пеньюаре, сквозь которое просвечивало голое тело, но со следами косметики на лице.

— Нет, спасибо.

— Вы не возражаете, если я приготовлю себе? При моей профессии нельзя отказываться, когда клиент угощает спиртным. Боб, бармен, если удастся, наливает мне холодного чаю вместо виски, но некоторых посетителей не проведешь... Если хотите, в холодильнике есть пиво... Жюстен обожает пиво, считает, что от него можно поправиться. Представляет, он весит около сорока двух килограммов. Он чуть не стал жокеем, но его обучение продолжалось всего два дня... Он боится лошадей.

— Но не боится уголовников с Пигаль...

Она включила электрическую кофеварку. Кухня была оснащена современными приспособлениями.

— Вы мне не ответили насчет пива.

— Охотно выпью стаканчик...

— Ваш инспектор пьет только минеральную воду Виши, а у меня ее нет.

— Откуда вы знаете, что он пьет только Виши?

— Он изредка заходит в «Канарейку», когда осматривает все заведения... Садится в уголке в баре и слушает... Он знает гораздо больше, чем хочет показать.

— Вы знали, что Блоха звонил инспектору?

— Пожалуй, нет...

Взяв чашку кофе, она пошла в гостиную, а Мегрэ последовал за ней со стаканом пива.

— Он странный парень, инспектор Луи может вам рассказать. Не так ли, инспектор?

— Я всегда удивлялся, почему вы решили жить с ним вместе.

— Прежде всего потому, что я не выношу большинства сутенеров... По своим задаткам, я должна была стать порядочной женщиной, ведь я чувствую себя счастливой только, когда стряпаю, занимаюсь хозяйством...

Все трое сидели в удобных креслах.

— С такой профессией, как у меня, необходимо, чтобы рядом был мужчина...

— Даже такой неполноценный, как Жюстен Кротон?

— Зря вы так думаете. Действительно, в нем много инфантильного, но при этом — намного больше здравого смысла, чем это кажется...

Она не обращала внимания на то, что ее пеньюар почти распахнулся. Кожа у нее была ослепительно белой и, вероятно, очень нежной.

— Он всегда мечтал быть своим среди этого сброда. Для начала, как и многие, стал сутенером.

— Этим он занимается и теперь?

— Я не мешаю ему так думать... Благодаря этому он чувствует себя человеком. Теперь, как и во времена, когда он служил рассыльным, он охотно оказывает услуги любому... Время от времени он напускает на себя таинственный вид и сообщает:

— Не удивляйся, если я ночь или две не буду ночевать дома... Мы подготовили вооруженный налет.

— Он говорил правду?

— Действительно, какая-нибудь банда в это время готовила ограбление, но он-то в нем не участвовал... Я, правда, не знала, что он звонил инспектору и сообщал ему собранные сведения... Это придавало ему значительность в собственных глазах.

— Что произошло за последние два дня? Что он вам рассказывал?

— Ничего конкретного. Однажды утром он вернулся домой какой-то возбужденный. «Сегодня ночью был большой шум, — сказал он, — скоро это появится на первых страницах газет и вызовет сенсацию...» Кража со взломом? — спросила я. «Почище... Убийство... И жертва — известная личность в нашем квартале». Ты не можешь назвать мне имя? — спросила я. «Это скоро появится в газетах. Речь идет о мсье Морисе». Хозяине «Сардины»? — «Да... И только я один, не считая убийцы и его любовницы знаю, кто это сделал». А я предпочла бы не знать.

Она взяла новую сигарету, так как одну уже выкурила, выйдя из ванной.

— Я спросила его, что он собирается делать. Он ответил: «За меня не волнуйся». Надеюсь, ты не станешь шантажировать этого типа, спросила я. «Ты прекрасно знаешь, что это не в моих правилах». Ему известно, что ты в курсе? — продолжала я. «Если он узнает, до пенсии мне не дожить...»

Она на минутку замолчала, выпустив кольцо дыма.

— Это был его звездный час. «Если бы ты знала, о ком идет речь. Один из воротил на Монмартре... Что до его любовницы...» Ничего мне не говори... «Как хочешь. Ты узнаешь правду из газет, если только газеты посмеют опубликовать этот материал». Он

ушел утром и с тех пор я его больше не видела. Вечером в «Канарейке» на меня как-то странно поглядывали, а двое незнакомых мужчин буквально не сводили с меня глаз. Я, как всегда, сидела в баре с одним клиентом из провинции. Когда он бывает в Париже, то не упускает случая со мной встретиться... Мы пошли с ним в отель, а когда вышли оттуда, один из незнакомцев ходил взад и вперед по тротуару. Сначала я испугалась за Блоху. Его все так называют, и я в конце концов тоже привыкла... Впрочем, он этим очень гордится... Это своего рода популярность... Кроме того, он обожает корчить гримасы, чтобы рассмешить публику...

— Он мне звонил по телефону,— с деланным безразличием произнес инспектор Луи.

— Так я и думала. Вот откуда его таинственный вид и странные слова перед уходом. Ему действительно грозит опасность?

На сей раз ответил Мегрэ:

— Вне всякого сомнения. Убийца мсье Мориса знает, что его выдал Блоха.

— А я? Как вам кажется, за меня они не возьмутся?

— За вами по-прежнему следят?

— В прошлую ночь один из этих двоих снова был в «Канарейке». Его позвали к телефону, и он ушел, покосившись на меня.

— Если не ошибаюсь, они сейчас стараются скрыться в разных уголках Франции.

— А братья Мори?

— Кто вам о них говорил? Ни в газетах, ни по радио не упоминались их имена.

— О них судачит весь квартал. Они тоже уехали?

— Нет. Мы не выпускаем обоих из вида.

— Вы думаете, это они?

— Я не могу ответить на этот вопрос. В котором часу обычно вы выходите из дома?

— Часа в два или в три. Я хожу за покупками, ведь я люблю стряпать... Около десяти вечера навожу марафет и отправляюсь на работу — в «Канарейку»... Занимаю свое место в баре и жду... Иногда два часа, иногда только несколько минут, а случается просиживать до самого закрытия.

— Через час на улице будет стоять полицейский в штатском. Не удивляйтесь, он будет ходить за вами по пятам и сделает все возможное, чтобы вас защитить.

— Я должна идти на панихиду завтра? Все туда идут...

— Идите... Я тоже там буду... Как и ваш ангел-хранитель.

— Это мне напоминает уроки закона божьего...

Мегрэ и инспектор поднялись.

— Узнаете что-то новое, сразу же звоните в Уголовную полицию. Вызывайте меня или кого-нибудь из инспекторов моей бригады. Инспектор Луи редко бывает в своем кабинете.

— Благодарю вас, господин комиссар... До свидания, инспектор... Если у вас будут сведения о Жюстене...

— Надеюсь, что у нас их не будет. Он почуял опасность и где-то спрятался... Ему не нужно далеко уезжать, он знает Монмартр, как свои пять пальцев, а ведь там есть такие укромные уголки, где он сможет скрываться недели напролет и никому не попадаться на глаза.

— Хорошо бы,— вздохнула она, постучав по деревянной крышке стола.

Жанвье ждал их у входа.

— Ну, что?

— Она, конечно, боится, и я не могу ее за это упрекать... Боится за Блоху, боится за себя... Я обещал ей, что через час человек из нашей бригады будет стоять у ее дома и неотступно следовать за ней. Не забудь позаботиться об этом, когда мы вернемся на набережную... Подбери кого-нибудь, кто может появиться в шикарном ночном кабаре, не привлекая к себе внимания.

Мегрэ повернулся к Луи.

— Вы пока останьтесь возле дома. Как только придет наш инспектор, он вас сменил.

— Хорошо, господин Дивизионный комиссар.

Ведя машину, Жанвье спросил:

— Как она выглядит?

— Очень неплохо... Наверное, если бы жизнь ее сложилась иначе, когда ей было лет семнадцать-восемнадцать, она стала бы хорошей женой и отменной хозяйкой.

— Она знала?

— О телефонных звонках Блохи? Начала догадываться только два дня назад... Просто невероятно... Это ничтожество с лицом клоуна умудрялся долгие годы быть осведомителем инспектора Луи, и никто этого не подозревал... Он упивался этой ролью, она вселяла в него веру в свои силы. Когда арестовывали тех, кого он выдал, он имел право сказать:

«Благодаря мне».

И это было правдой.

Днем Мегрэ поднялся на верхний этаж Дворца правосудия, где находились владения Мёрса: лаборатория Отдела установления личности.

В девяти случаях из десяти требовались специалисты, хотя бы для того, чтобы определить отпечатки пальцев, однако в этих комнатах со сводчатыми потолками работали всего человек десять в белых халатах.

— Полагаю, еще слишком рано ждать каких-нибудь новостей?

Скромный, худощавый Мёрс обычно ходил в мятом костюме. Он так давно появился на набережной Орфевр, что теперь невозможно было представить Отдел установления личности без него. Он был готов приступить к работе в любое время дня и ночи. Правда, никто не ждал его в студенческой холостяцкой квартирке в Латинском квартале.

— Одно уже ясно,— заметил он своим слегка монотонным голосом.— Совсем недавно, скорее всего вчера днем, натерли воском всю мебель, протерли дверные ручки, пепельницы, самые мелкие предметы, чтобы уничтожить отпечатки пальцев. Установить нам удалось только отпечатки хозяина квартиры, Манюэля Мори, карточку которого я нашел в картотеке, и отпечатки служанки, которая, по словам консьержки, приходила в квартиру вчера днем. Я забыл упомянуть о других отпечатках, ваших, комиссар.

— Значит, не оставили ни одного отпечатка?

— Ни одного, шеф. Можно сказать, профессиональная работа.

— Так это и есть профессионалы. В каком году заведена карточка на Мори?

— Четырнадцать лет назад.

— Ограбление?
— Да, во время отпусков ограблен частный особняк на авеню Ош.
— Сколько ему дали?
— Тогда ему еще не исполнилось восемнадцати лет, и это была первая судимость. Кроме того, решили, что он в ограблении не участвовал, а только был на подхвате. Кражу совершили пятеро.
— Что-то смутно припоминаю, хотя сам я этим делом не занимался.
— Он получил год тюрьмы...
— Есть какие-нибудь доказательства, что в его квартире, особенно в спальне, часто бывала женщина?
— Мы перетряхнули стенные шкафы буквально до нитки: никаких следов — ни пудры, ни крема, ни единого женского волоса.
— А покрытие на полу?
— Дорен, один из лучших в мире специалистов по животным и растительным волокнам. Это его конек. Он больше часа изучал покрытие через лупу и собрал не больше трех десятков едва заметных обрывков нитей... Он работал над ними много часов... Я имею в виду шелковые нитки — очень старые, им, как минимум, триста лет, и Дорен готов поклясться, что они выдернуты из китайского ковра. Он продолжает расследовать свою находку, чтобы окончательно разрешить эту задачу.
Мегрэ нравилась атмосфера, царившая в этих комнатах под самой крышей, где можно было спокойно работать, в стороне от посетителей.
Каждый знал, что он должен делать. Возле одного из слуховых окон стоял каучуковый манекен, к которому приходилось прибегать для воссоздания ситуации, когда, например, нужно было установить, в какой позе находился человек, получивший соответствующий удар ножом, или по положению тела жертвы определить траекторию пули.
— Если завтра обнаружите что-нибудь новое, сообщите Жанвье. Я еду в Бандоль.
Мёрс был не из тех, кто проводит отпуск на Лазурном берегу, и потому для него Бандоль казался чем-то сказочным.
— Вам там будет жарко, — только и пробормотал он.
Когда Мегрэ за ужином сообщил жене, что завтра едет в Бандоль, она улыбнулась и сказала:
— Я и так знала.
— Откуда?
— Только что по радио сообщили, что панихида состоится завтра в церкви Нотр-Дам де Лоретт, а погребение на кладбище в Бандоле... Что ты надеешься там обнаружить?
— Ничего конкретного. Может быть, какой-то след, пусть даже самый ничтожный... Собственно, причина, по которой я поеду туда и буду завтра утром присутствовать на заупокойной службе, одна и та же...
— Там будет жарко.
— Возможно, мне придется там переночевать... Все будет зависеть от самолета... Наверное, я не стану возвращаться в Париж поездом...
— Я приготовлю синий чемоданчик...
— Да. Белье и туалетные принадлежности. Больше ничего.
Ему было немного не по себе из-за того, что он ехал на юг за казенный счет, поскольку острой необ-

ходимости в этом не было. Скорее наоборот. Все шло к тому, что никаких улик он там не обнаружит.
Спал он спокойно и, когда мадам Мегрэ принесла ему кофе в кровать, он зажмурился от спящих лучей солнца.
— Сейчас передавали, что сегодня в Марселе температура тридцать два градуса, — улыбаясь, заметила она.
— А в Париже?
— Двадцать шесть... Это самый теплый май за тридцать лет.
— Мой самолет улетает в двенадцать с минутами, не помню точно, билет покупал Жанвье. Перед тем как ехать в Орли, я еще успею заскочить на набережную Орфевр. Чемодан беру с собой.
— А когда и где ты будешь обедать?
— В крайнем случае, перехвачу что-нибудь в Орли...
Он уже направился к двери, когда жена вдруг спросила:
— Ты меня не поцелуешь?
Пришлось вернуться.
— Только не волнуйся. Вот уже полвека я не летаю на одномоторных самолетах и не собираюсь обогнуть земной шар...
И все же ему было немного не по себе всякий раз, когда он расставался с женой больше, чем на сутки.
Выйдя на улицу, он поднял голову, заранее зная, что жена будет стоять у окна.
И это было очень кстати, потому что она показала ему в окно синий чемодан, который он оставил в передней, и они встретились на полпути в подъезде.
В четверть десятого Жанвье вошел в кабинет комиссара.
— Говорят, вся улица запружена и церковь не сможет вместить всех желающих...
Мегрэ предвидел нечто подобное, но не настолько.
— По-прежнему, нет новостей от Блохи?
— Нет. Этой ночью кто-то звонил Бланш Пигу в «Канарейку». Когда она вернулась в бар, она выглядела взволнованной, но почти сразу же к ней подсел клиент.
— В котором часу она вернулась домой?
— Около четырех утра...
— Тем хуже, — пробормотал Мегрэ себе под нос.
Он поискал номер телефона молодой женщины и набрал его. К его великому удивлению, она тут же сняла трубку.
— Кто говорит? — спросила заспанным голосом.
— Комиссар Мегрэ.
— Что-нибудь новое?
— У меня нет, а вот вам кто-то ночью звонил в «Канарейку». Кто именно?
— Это он, да...
— Он сказал вам, где прячется?
— Нет. Он хотел знать, в курсе ли вы его дел, вы или инспектор Луи... Я ответила, что в курсе... Тогда он спросил, сердитесь ли вы на него, и я сказала, что нет...
Она напомнила заспанную девчонку.
— Ведь это правда, что вы на него не сердитесь?
— Он по-прежнему боится?
— Да. Он еще спрашивал, не бродят ли незнакомцы возле дома. Потом поинтересовался: «Еще никого не арестовали?». Я ответила, что не знаю.

«Даже не было обыска у Манюэля Мори?». По моему, был, сказала я. Ко мне приходил комиссар Мегрэ с инспектором Луи, но они мне ничего подробно не рассказывали... Во всяком случае, меня круглые сутки охраняет полицейский.

— Он больше ничего не говорил? — спросил Мегрэ.

— Только то, что каждую ночь меняет пристанище... Вот и все... Я не могла долго разговаривать, потому что возле меня уже вертелся клиент...

— Продолжайте спать и ничего не бойтесь... Если днем появится что-нибудь новое, обратитесь к инспектору Жанвье на набережную Орфевр.

— Вы едете в Бандоль?

Его уже это раздражало. Все говорили об этом путешествии, словно он сообщил о нем в газетах.

— Так вот! — вздохнул он, глядя на силуэт Жанвье, выделявшийся на фоне деревьев. — Не знаю, хорошо ли это придумано, но каждую ночь он меняет адрес.

— Это, наверное, не так уж глупо... Видимо, немало людей его разыскивают...

Если Мори дал такой приказ, что было весьма вероятно, то за Блохой охотилась вся шпана с Мон-мартра. А уж с его-то внешностью он не мог раствориться в толпе.

— Я скоро заеду за своим чемоданом. Кстати, дай мне мой билет.

К счастью, отлет был позднее, чем он думал, в 12.55.

— До скорого!

Он велел ехать на улицу Баллю и попросил полицейского, который вел машину, чтобы тот остановился у церкви и подождал его там.

Перед домом толпилось не меньше двухсот человек и только немногие поднимались вверх, чтобы выразить соболезнование. Кого здесь только не было — и местные лавочники, и сутенеры, и владельцы ресторанов и ночных кабаре.

Начали выносить цветы и венки. Для них потребовались две отдельные машины.

Затем четверо мужчин спустили гроб красного дерева и поставили его в похоронный экипаж.

Церковь находилась неподалеку, к тому же не хватило бы машин, чтобы перевезти туда всех пришедших.

Когда на пороге появилась Лина Марсиа, белокурая и бледная, в глубоком трауре, толпа вздрогнула, как при появлении кинозвезды, и казалось, что вот-вот зааплодирует.

Она села в огромную черную машину, которая медленно двинулась за толпой. Впереди процессии шли служащие «Сардины». За ними — те, кто прежде работал с мсье Морисом, люди его возраста и даже постарше.

Они шли степенно, с непокрытой головой, держа шляпы в руках, а из окон высовывались любопытные.

В ослепительном свете солнца это зрелище выглядело особенно торжественным и, наверное, Марсиа остался бы доволен такими похоронами.

Обернувшись, Мегрэ увидел, что процессия, занимавшая всю улицу, растянулась больше чем на 300 метров, и полицейским, неуверенно манипулировавшим белыми жезлами, пришлось перекрыть уличное движение.

— Классные похороны, — восхитился проходивший мимо мальчишка.

Церковь действительно уже была переполнена и свободными остались только первые ряды, отгороженные черными шнурками.

Лина держалась очень прямо и шла одна, по-прежнему впереди, а ее голубые глаза оставались непроницаемыми.

Так же одна она села в первом ряду, а сотрудники покойного во втором.

Люди стояли в обоих нефах, на паперти, а через открытые главные двери в церковь врывались порывы весеннего ветра.

Орган заиграл траурный марш и через несколько минут началась служба.

Мегрэ, стоя в левом крыле и изучая лица присутствующих, очень скоро заметил Мори. Тот находился в окружении влиятельных, знатных особ, словно имел на это право, хотя был самым молодым из них.

Когда он встретился глазами с Мегрэ, комиссар прочел в них скрытый вызов.

Мегрэ не стал дожидаться окончания церемонии. Было жарко. Ему хотелось пить. Через несколько минут он уже сидел в прохладном бистро в ожидании кружки пива.

— Вот это похороны по первому разряду, — пробормотал хозяин бистро. От старости у него уже слегка дрожали руки. — Хоронят-то кого?

— Хозяина ресторана «Сардина».

— Это выше, на улице Фонтен?

— Да.

— Мне кажется, он был гангстером...

— Был, в молодости.

Мегрэ залпом выпил кружку пива, расплатился, а затем отыскал черную машину Уголовной полиции.

— На набережную.

— Хорошо, шеф.

Было одиннадцать часов. Он как раз успевал взять чемодан, позвать руку Жанвье и на той же машине ехать в Орли.

Интересно, Лина и Манюэль поедут вместе? А гроб отправят до Бандоля самолетом?

Когда с формальностями было покончено, у Мегрэ оставалось еще немного времени, и он отправился на поиски комиссара аэропорта. Мегрэ хорошо знал его по совместной работе на набережной Орфевр.

— Вы летите в Бандоль?

Мегрэ едва не выругался.

— Да... Кажется, лечу через двадцать минут.

— Скоро объявят посадку...

— Скажите... Вы не знаете, не зафрахтован ли какой-нибудь самолет для перевозки гроба?

— Мсье Мориса?

— Да.

— Его отправят в три часа на специально нанятом самолете вместе с женой, разумеется, он — в ящике, а она рядом.

Мегрэ предпочел никак не реагировать на эту остроту.

— Сколько времени займет вся поездка?

— Они должны приземлиться в Тулоне, оттуда похоронная машина перевезет гроб в Бандоль — недалеко, всего четырнадцать километров.

— Пассажиры на Марсель... — объявил громкоговоритель.

И Мегрэ направился к указанной двери. Десять минут спустя самолет оторвался от земли.

Он дал себе слово, что будет любоваться пейзажем, потому что особенно любил эту дорогу — на юг от Лиона. Однако из этого ничего не вышло: Мегрэ заснул раньше, чем долетели до Роны.

Из марсельского аэропорта его привезли на вокзал, а полчаса спустя поезд отошел на Бандоле.

Ему было очень неудобно держать на коленях чемодан и непрерывно снимать шляпу, чтобы вытереть лоб.

В Бандоле уже на платформе он почувствовал, что солнце буквально обжигает, и даже пожалел, что приехал. У вокзала стояла вереница такси и один старый фиакр. Мегрэ предпочел фиакр.

— Куда вас везти, мсье?

— Вы знаете какой-нибудь приличный отель на набережной?

— Будете там через пятнадцать минут.

Колеса вязли в расплавленном от жары асфальте. Город был почти весь белый, как Алжир, вдоль некоторых улиц росли пальмы.

Сквозь листву блеснуло ярко-синее море. Потом показался пляж, где загорало всего несколько человек, а еще пять-шесть купались. Сезон еще не начался.

Проехали казино. Отель был тоже белый, с огромной террасой, усыпанной цветными зонтиками.

— У вас найдется комната?

— Надолго?

— На одну ночь.

— На одного? Вы предпочитаете с видом на море?

Он заполнил бланк для приезжающих.

— Двести тридцать третья комната.

Отель назывался «Тамариск». Все было свежим и чистым.

— У вас можно что-нибудь выпить?

— Бар в конце коридора.

Он отправился туда и выпил кружку пива.

— Вы, случайно, не комиссар Мегрэ? — спросил наблюдавший за ним некоторое время бармен.

Это был еще очень молодой блондин, который тут же зарделся от собственной смелости.

— Вы надолго на Лазурный берег?

— До завтрашнего дня.

— Я так и думал... Вы приехали на похороны мсье Мориса, верно?

— Он был заметной фигурой в этих местах?

— Попросту говоря, сам господь бог.

— Далеко отсюда его вилла?

— Добрых четверть часа пешком. Это, практически, на другом конце побережья, недалеко от виллы покойного Рэмю. Вы ее легко узнаете, возле дома огромный бассейн...

Мегрэ все время не покидало ощущение, что он словчил, устроив себе внеочередной отпуск.

— А кладбище?

— Не меньше километра от виллы... Там соберется много народа... С самого утра уже приезжают из Тулона и Марселя...

— Что за люди?

— Весьма именитые. Я даже думаю, что сам супрефект приедет... Так поговаривают...

Мегрэ выпил вторую кружку пива и, посмотрев на часы, медленно пустился в путь. К счастью, улица, тянувшаяся вдоль моря, была достаточно тенистой.

«Надо будет приехать сюда на несколько дней с женой», — подумал он.

Должно быть, самолет уже доставил гроб и Лину

в Тулон. Чем ближе он подходил к кладбищу, тем больше попадалось ему навстречу людей, спешивших на церемонию, а когда он дошел до поворота, его глазам представилось примерно такое же зрелище, как сегодня утром на улице Баллю.

Кто из них знал всю правду? Неважно. Ведь все равно ни один не осмелился бы открыть рот.

Это сделал один-единственный человек, который позвонил из телефонной будки, даже не назвавшись, а теперь скрывался где-то на Монмартре.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Чуть поодаль от толпы стоял человек, хорошо известный Мегрэ. Это был комиссар тулонской уголовной полиции Бутан.

— Странно, — заметил он, пожимая руку Мегрэ, — я думал о вас утром, когда брился, точно предчувствовал, что вы приедете.

Он указал на толпу.

— Что вы на это скажете? Здесь в самый раз провести облаву... Весь цвет преступного мира, да не только из Тулона — из Марселя, Лиона, Ниццы...

К ним подошел мужчина, которого Бутан представил Мегрэ:

— Шарлеруа, комиссар полиции в Бандоле. Надеюсь, Шарлеруа, вы узнали комиссара Мегрэ?

— Весьма польщен...

Неожиданно возникло замешательство. Поравнявшись с виллой Марсиа, водитель похоронного экипажа чуть было не свернул направо, но к нему подбежал распорядитель церемонии и дал другие указания.

Обе группы смешались. По-видимому, все были знакомы между собой. Пожимали друг другу руки, некоторые перешептывались.

Мадам Марсиа вышла из машины и направилась к вилле. Она уже успела переодеться. Теперь на ней был черный костюм из легкой ткани, шляпа из белого шелка и белые перчатки.

Зачем она пошла одна на виллу? Мегрэ не мог найти никакого объяснения. Бутан и комиссар полиции тоже.

Она оставалась там не больше десяти минут, вышла и снова села в свою машину. Кортёж развернулся и выехал на улицу Эколь, потом на авеню 11 ноября и внезапно остановился у ворот кладбища.

Снова возникла сумятица, потому что многие бросились бегом, перепрыгивая через могилы, чтобы занять места получше у вырытой ямы.

Там уже ждал священник и приветствовал Лину.

Она пролила не больше слез, чем утром в церкви Нотр-Дам де Лоретт. Тяжелый гроб опустили в могилу. Священник прочитал вполголоса несколько молитв, потом дошла очередь до цветов, которые положили пока на соседние могилы.

— Здесь все тузы уголовного мира. Есть и новички, они очень гордятся тем, что находятся в таком обществе. Что вы собираетесь делать, комиссар?

— Еще не знаю.

— Где вы остановились?

— В отеле «Тамариск».

— Там хорошо, и хозяева славные...

Лина уже уехала к себе на виллу. Мегрэ не разглядел в толпе ни Манюэля, ни его брата.

— Я думаю, что сейчас нанесу визит...

— Вам кажется, что она была в курсе дела?

— Не просто кажется, я в этом уверен. К сожалению, у меня нет ни единого доказательства...

— Желаю удачи. Если я вам понадобится, вы знаете, где найти и меня, и Шарлеруа...

Толпа мало-помалу рассеивалась, направляясь к центру города, чтобы освежиться в барах. Только несколько машин, принадлежащих самым важным персонам, укатили обратно в Тулон или в Марсель.

Мегрэ оказался в одиночестве перед белой виллой. Она не ошеломляла грандиозными размерами. Красивая вилла, не больше, и самым примечательным в ней был бассейн, окруженный шезлонгами. В саду росло несколько пальм, много кактусов и каких-то тропических растений, названий которых Мегрэ не знал.

Он поднялся по трем ступенькам крыльца, нажал на кнопку электрического звонка и был удивлен, что дверь тотчас же открылась, и перед ним предстала Лина.

— А я-то недоумевала — неужели вы упустите случай... Ведь вы не уважаете траур, не правда ли?
— А вы?

Войдя в дом, Мегрэ сразу же попал в обширный холл с белыми стенами, обставленный такой же старинной мебелью, правда, в другом стиле, как и в квартире на улице Баллю.

Лина не предложила ему сесть. Стоя, она ждала, пока он начнет говорить. Рука, державшая сигарету, слегка дрожала.

— Я хотел бы с вами поговорить о той ночи, когда убили вашего мужа.

— По-моему, я уже ответила на все ваши вопросы.

— Вы не сказали мне правду, и я снова задаю вам тот же вопрос.

И Мегрэ уселся в одно из кресел, обитое кремовой кожей.

— Вы пользуетесь тем, что у меня не хватает сил выставить вас за дверь...

— Вы никогда не осмелитесь этого сделать... Хотя бы потому, чтобы еще больше не скомпрометировать вашего любовника...

Она побледнела от ярости и стала тушить в пепельнице сигарету.

— Значит, в вас нет ничего человеческого?

— Напротив, даже сверх меры... Но все зависит от собеседника... Нет сомнения, что вы вышли замуж за Марсиа из-за его денег...

— Это мое дело.

Она, наконец, села, скрестив ноги, взяла из золотого портсигара, лежавшего на круглом столике, новую сигарету и зажгла ее.

— Вы были в спальне вместе с Манюэлем... Кто-то изо всех сил стал колотить в дверь. Вероятно, Мори надел халат, а вы поглубже зарылись в одеяла...

Она не шелохнулась. Теперь ее лицо стало непроницаемым... Мегрэ готов был поклясться, что в ее светло-синих глазах промелькнуло только чистое любопытство.

— И что дальше?

— Это был ваш муж.

— И как же, по вашему мнению, он поступил? Пожал Манюэлю руку?

— Он вытащил из кармана пистолет.

— Прямо, как в кино.

— Но мне бы хотелось знать, где находился пистолет Мори. Наверняка в каком-нибудь ящике... В спальне или в гостиной...

— Вы должны доказать, что в квартире хранилось оружие.

Она зажгла сигарету.

— И что там находилась я... И что там был посетитель, и никто иной, как мой муж... Плохо взялись за дело, комиссар...

Мегрэ уже открыл рот, чтобы ответить, но тут она произнесла немного громче:

— Входи, дорогой...

Сразу же открылась дверь и вошел Манюэль Мори в шортах и шлепанцах на веревочной подошве, словно возвращался с пляжа.

— Итак, комиссар, все разъезжаете, как я посмотрю.

Он оглядел Мегрэ с ног до головы ироническим взглядом, подошел к бару и смешал себе Том Коллинз¹.

— Ты тоже хочешь, малышка?

— Меня и вправду мучит жажда.

— А вы, господин легавый?

— Нет...

— Как будет угодно... Здесь бесполезно совать мне под нос вашу желтую бумажку... Вы далеко от ваших охотничьих угодий...

— Я мог бы без труда получить подобную бумагу в местной полиции.

— Но вы этого не сделаете.

— Это почему?

— Потому что у вас нет никаких улик...

— Даже свидетельства Блохи?

— А вы его нашли?

Он насупил брови и продолжал:

— Блоха, наверное, лучше всех знает и девятый, и восемнадцатый округа. У него много знакомых, и большинство готовы ему помочь... Но не вы его найдете, комиссар... Его найдут мои люди... И у вас все равно не будет никаких доказательств... Как видите, я открываю свои карты... Если бы у меня были свидетели, я мог бы еще раз подтвердить, что ни я, ни кто другой в моей квартире не стреляли и что Морис в эту ночь там даже не появлялся. Мы с Линой можем повторять, что между нами никогда ничего не было, и, будьте уверены, я помешаю вам вызвать на суд свидетелей, которые показали бы обратное.

Он вовсе не ломал комедию. Его просто распарало от самоуверенности, и Мегрэ с тревогой наблюдал за ним, пытался понять причину подобного поведения. Создавалось впечатление, что он теперь ничего не боится, а сама Лина казалась такой спокойной, словно ни один Марсиа в мире вообще не существовал.

Комиссар сразу же подумал о Блохе. Неужели люди Мори, как тот их называл, напали на след недомерка и теперь он перестанет представлять для них опасность — замолчит раз и навсегда?

Мегрэ набил трубку, раскурил ее, встал и начал ходить взад и вперед по комнате.

— Я в самом деле нахожусь за пределами вверенного мне округа. Следовательно, не могу воспользоваться документами, которые показывал вам в Париже.

— Именно так...

¹ Том Коллинз — американский коктейль.

— Однако мне достаточно снять телефонную трубку, и через полчаса комиссар Бутан появится здесь с ордером на обыск... Полагаю, вы знаете Бутана?

— Да, хотя он и не входит в число моих приятелей.

— Тогда выбирайте... Либо вы мне разрешаете осмотреть виллу, либо я звоню в Тулон...

— Смотрите, ради бога. Только при условии, что вы ничего не заберете с собой.

Тут же в гостиной комиссар сделал открытие. Одна из стен была закрыта полностью книжными шкафами. Все книги — в роскошных переплетах, как и в парижской квартире.

На книжных полках лежали стопки журналов, но не популярные еженедельники, какие продаются во всех киосках. К тому же они никак не соответствовали характеру мсье Мориса. Мегрэ вполголоса читал названия журналов, сделав заключение, что их, по крайней мере, держали в руках:

— «Поместья и замки»... Поучительное чтение, не так ли? «Жизнь в деревне»... «Основы искусства»...

Мори нахмурил брови и взглянул на свою любовницу.

— Это мои журналы,— сказала она.— Я не играю в карты, и когда мужчины заняты партией в джин, сажусь в угол и читаю.

Следующей комнатой была столовая в старинном провансальском стиле, а слева — будуар, где каждая вещь, как и в Париже, смело могла бы занять место в витрине музея.

— Это подлинник? — спросил Мегрэ, указывая на картину Ван-Гога.

— Я не эксперт,— ответила Лина,— но у мужа не было привычки приобретать копии.

Кухня оказалась просторной, современной, безукоризненно чистой.

— Гостей вы почти не принимали?

— Откуда вы знаете?

— У меня хватило времени навести справки. Я знаю также, что братья Мори жили у вас, в среднем, месяц в году...

— Они были лучшими друзьями моего мужа...

— А он, вероятно, знал не все о ваших отношениях с Манюэлем...

Тот по-прежнему хранил спокойствие и молча ходил следом за Мегрэ.

— Вы ошибаетесь... Моему мужу исполнилось шестьдесят два года, и он прожил достаточно бурную жизнь... В определенном смысле он был уже не в форме... Четыре года назад, когда мы поженились, он, вероятно, был в меня влюблен, но очень скоро мы стали жить, как брат с сестрой...

— Можете продолжать лгать... Мне все равно.

Он поднялся по мраморной лестнице и толкнул двусторчатую дверь: просторная спальня, к которой примыкала терраса, выходившая прямо на море.

— Ваша спальня?

Там стояли рядом две кровати и, как всегда, изысканнейшая мебель.

Ванна, полностью облицованная светло-желтым мрамором, была больше, чем на улице Баллю.

— Одна ванная на двоих? Что-то это плохо вяжется с вашей историей о братике и сестричке...

— Думайте как вам угодно...

На этом этаже находились еще две спальни, и в каждой была отдельная ванна.

— Полагаю, это комнаты братьев Мори?

— Комнаты для друзей.

— Кроме них, еще много друзей жили в этих комнатах?

— Случалось.

Почти все картины принадлежали кисти старинных мастеров, имен которых Мегрэ не знал.

— Есть чердак?

— Нет. Комнаты в мансарде для слуг.

— Слуги сейчас в доме?

— Нет. Сегодня вечером я уезжаю. Сюда приходит одна служанка. Чтобы содержать виллу в порядке, этого достаточно.

— Значит, вы не стараетесь нанимать каждый год одних и тех же слуг?

— Иногда приходится менять.

— Таким образом, большую часть года этот дом по ночам всегда пуст и никто его не охраняет...

Она утвердительно кивнула. Тогда он спросил с оттенком иронии:

— А вы не боитесь воров?

— Они не осмелились бы ограбить дом моего мужа.

— А теперь, когда вы стали наследницей, не тронут и ваш дом?

Они вернулись в гостиную, но Мегрэ не пошел к выходу, а снова сел в свое кресло.

Любовники переглянулись.

— Я позволю себе напомнить, что наш самолет уже ждет в Тулоне.

— Ваш самолет? Вы сказали во множественном числе. Это означает, что Мори полетит с вами?

— А почему бы и нет?

— Как друг... С самыми честными намерениями...

— Кажется, пришло время сменить пластинку.

Мы действительно любовники: это правда...

— Вот так-то лучше.

— И это отнюдь не драма.

— Если только муж не получает в грудь пулю большого калибра.

Комиссар повернулся к Мори.

— Мы не закончили наш короткий разговор на эту тему. Мы остановились на том, что, надев наспех халат, вы направились к входной двери. Вы, конечно, открыли...

— И что дальше?

— Продолжения я жду от вас. Морис Марсиа не остался стоять на площадке...

— А разве я вам сказал, что это был он?

— По крайней мере, вы этого не отрицали. Думаю, он вряд ли расположился в гостиной, чтобы поболтать с вами. Скорее всего, он прошел через гостиную в спальню... Ему достаточно было приподнять одеяло, чтобы обнаружить свою жену в чем мать родила...

— Какая изящная шутка! — с иронией произнесла Лина.

— Вообще-то, входя в квартиру, он уже знал, что там увидит. Он знал это, выходя из «Сардины».

— Он знал это последние три года.

— Нет, вы не заставите меня поверить в образ мужа, который закрывает глаза на неверность жены, ни в мужа-импотента... В руке у него, вероятно, был пистолет. Ваш пистолет, Мори, лежал в кармане халата... Откуда вы его взяли?

— У меня в квартире не было оружия.

— Кто же стрелял в таком случае? Пистолет

Марсиа не выстрелил. Ну, а пистолет, из которого его убили, вероятно, сейчас покоится на дне Сены...

— Вы могли бы поручить водолазам достать его.

Но Мегрэ не давал сбить себя с мысли и продолжал:

— Допустим, вы пошли открывать дверь не будучи вооруженным, что весьма возможно...

— Наконец-то!

— Я еще не кончил... Но вы могли схватить пистолет, видя, что Марсиа направляется в спальню... Если только пистолет не находился в ящике ночного столика и какая-то добрая душа не вложила его вам в руку, чтобы вы могли защищаться...

— Я предпочел бы послушать этот рассказ перед судом присяжных.

— Есть еще и другой вариант...

— Какой же? Вы возбуждаете мое любопытство...

— Убили его не вы...

— Ага, теперь на сцене появляется новый персонаж, которому отведена роль злодея...

— Нет... Пока вы ходили открывать дверь, у Лины было достаточно времени, чтобы схватить оружие из ящика ночного столика... И когда Марсиа стал вам угрожать, она...

— Она, наверное, попала бы в потолок, поскольку ни разу в жизни не держала в руках пистолет...

— Об этом мы еще поговорим.

— Согласен, в Париже.

— Но на сей раз в моем кабинете.

— А почему бы и нет?

— Вы рискуете выйти оттуда в наручниках.

— Пытаться запугивать собеседника — дурной тон. А если я уеду прямо отсюда за границу?

— Interpool¹ тотчас же обнаружил бы вас. Вы забываете, что на вас заведена карточка в Уголовной полиции и, кроме того, вы весьма заметная фигура... Полагаю, выждав какое-то время, вы собираетесь пожениться?

— Это вполне возможно...

— Поторопитесь на самолет...

Манюэль решил пошутить:

— Вам не угодно занять в нем место?

Мегрэ посмотрел на него со спокойной уверенностью, не покидавшей его все это время, он он понимал, что это затишье перед бурей.

Наступила ночь. Аллеи вдоль моря, обсаженные деревьями, слегка освещались, слышался легкий шум волн.

Мегрэ сел на скамейку. Воздух был теплый. Он чувствовал себя расслабленным. Еще немного, и он вызвал бы мадам Мегрэ из Парижа, чтобы провести недельку здесь, в Бандоле.

Передохнув, он отправился к себе в номер и тут же уснул. Утром встал рано, чтобы успеть в Марсель на самолет и уже в десять часов тридцать минут выходил из Орли.

Мегрэ взял такси и сначала заехал домой. Жена встретила его не проявляя чрезмерных восторгов, но по ее сияющему лицу чувствовалось, что она счастлива.

— Очень устал?

— Немного.

— Приготовить тебе кофе?

— Спасибо. Мне нужно ехать на набережную.

— Все то же проклятое дело?

— Да, проклятое, как ты говоришь, дело.

— Во вчерашних вечерних газетах писали о тебе. Как будто ты напускаешь на себя таинственность, чем-то озабочен, разочарован и, конечно, что-то скрываешь.

— Если бы они знали правду! Я даже не уверен, приду ли обедать. Все зависит от того, что меня ждет в кабинете. Кстати... В один из ближайших дней нам нужно будет съездить вместе в Бандоль.

У дома его ждала машина, и вскоре он уже поднимался по лестнице Уголовной полиции. На его столе лежала кипа документов, рапорты, письма. Он открыл дверь комнаты инспекторов и позвал Жанвье.

— Хорошо съездили, шеф?

— Неплохо. Угадай, кто находился на вилле еще до прихода мадам Марсиа?

— По-видимому, Мори...

— Точно. Это крепкий орешек, уверяю тебя, и он нас хорошенько помучит, пока не заговорит.

— У меня для вас хорошая новость... Точнее, наполовину хорошая... Утром звонил инспектор Луи. Он упустил Блоху, опоздал на несколько часов... Он хотел с вами об этом поговорить и будет ждать в своем кабинете. Позвоните ему туда.

— Сделай одолжение, соединишься с ним и скажи, что я еду.

Мегрэ подошел к открытому окну. Собиралась гроза, но, по всей видимости, разразится она только к вечеру.

— Он вас ждет.

— Поедешь со мной? Тогда мы сможем по дороге поговорить.

Действительно, по пути он рассказал Жанвье о том, что происходило в Бандоле. Они ненадолго остановились у полицейского отделения на площади Сен-Жорж, и мсье Луи, как некоторые официально называли его, чтобы подразнить, тут же подсел к ним в машину.

— Хотите посмотреть последнее место, где он прятался?

— Да...

— В таком случае, остановитесь на самом верху Монмартра, на площади Тертр...

Вдоль тротуаров расположились художники, а неподалеку в ожидании туристов стояли покрытые красными клетчатыми скатертями столики.

— Поверните за угол на улице Мон-Сени и остановитесь.

Чуть ниже стояли здания, сравнительно новые, наверху же большинство домов выглядели обветшалыми. Инспектор Луи провел коллег по аллее между двумя домами, и там они увидели в глубине застекленную мастерскую художника.

Луи постучал. Отозвался громкий голос:

— Войдите!

Они оказались в мастерской скульптора, и хозяин посмотрел на комиссара, прищурив глаза. Так художники обычно смотрят на модель.

— Вы комиссар Мегрэ, я не ошибся?

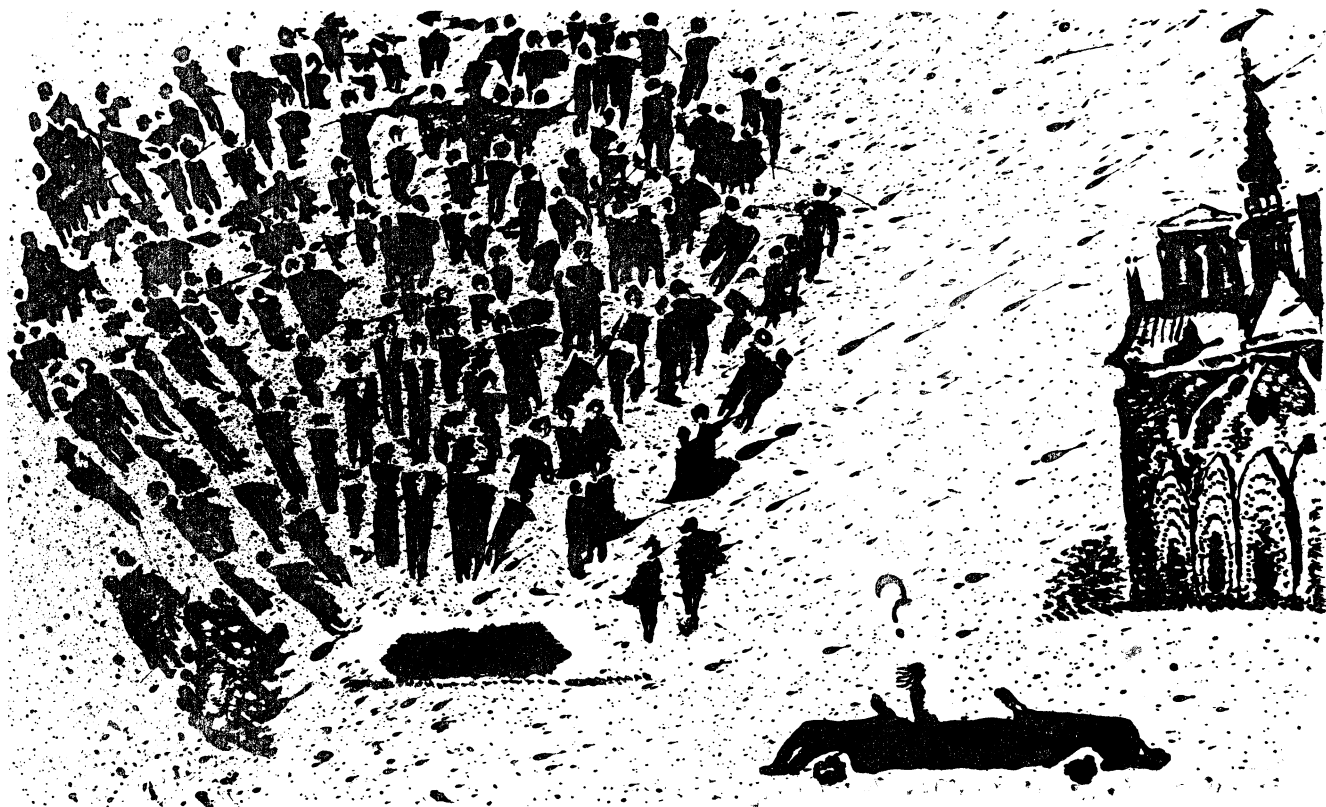
— Нет, не ошиблись...

— А это...

— Инспектор Жанвье.

— Уже много лет в моем ателье не было столько посетителей...

¹ Interpool (англ.) — международная организация Уголовной полиции.

У него были седые волосы, седые усы и борода, а щеки розовые, как у младенца.

— Мсье Сорель — самый старый художник на Монмартре, — пояснил инспектор Луи. — Сколько лет, вы сказали, вы занимаете это ателье?

— Пятьдесят три года... Я видел, как сменяли друг друга художники, начиная с Пикассо, мы с ним часто вместе перекусывали в каком-нибудь бистро.

В его взгляде сквозило что-то наивное, ребяческое. После осмотра мастерской иллюзии относительно его таланта тотчас же рассеялись.

Он лепил только детские головки, вернее, одного и того же ребенка, но разные выражения его лица и, наверное, эти скульптуры продавались у торговца картинами на площади Тертр.

— Кажется, у вас жил Блоха?

— Два дня и две ночи. Он ушел вчера вечером, когда совсем стемнело. Он боится долго оставаться в одном месте, иначе его могут выследить.

— Почему он выбрал ваше ателье?

— Да ведь я знаю его с тех пор, когда ему еще не было и пятнадцати. Уличный мальчишка, пробавляясь как мог, чтобы выжить, не всегда ел досыта. Я встретил его однажды на площади Тертр и спросил, не хочет ли он мне позировать. Он пришел. Бюст, который я тогда с него вылепил, — одна из моих лучших работ и находится сейчас бог весть в какой коллекции. Скопировав его гримасы и огромный рот, я смог сделать настоящего клоуна. Вылепи я с натуры профессионального циркача, едва ли сумел бы добиться большего правдоподобия. Это был славный парень. Время от времени он стучал ко мне в дверь, обычно зимой, и спрашивал, нельзя ли ему переночевать на циновке... На циновке моей собаки, у меня тогда

была собака, огромный сенбернар... Но это уже другая история.

— Он рассказывал вам про своих врагов?

— Он спросил, смогу ли я его приютить на одну или две ночи... Я хотел знать, не от полиции ли он скрывается, он мне ответил, что, напротив, он в очень хороших отношениях с инспектором Луи и с комиссаром Мегрэ, и добавил, что именно из-за этого некоторые люди пытаются поймать его...

— Он вам не сказал, куда пойдет?

— Нет, но думаю, это где-то поблизости. Кажется, он не собирался уходить далеко отсюда...

— За эти два дня он ни о ком конкретно вам не рассказывал?

— Как же, рассказывал, об одном бывшем полицейском, который теперь на пенсии. Он хорошо относился к Блохе, когда тот был мальчишкой. Не знаю, как его зовут... Я вообще его не знаю... Я выбираюсь из ателье не дальше, чем на сто метров — за покупками или чтобы отнести свои работы торговцу.

Казалось, он только заметил, что гости стоят.

— Извините, что я не предложил вам сесть, но у меня не хватит на всех стульев... А что касается аперитива, у меня есть только сухое красное вино, то самое, которое пил Утрилло, вам оно, наверное, покажется слишком терпким.

— За эти двое суток он от вас не выходил?

— Нет. Но он был удивлен и очень обрадовался, что у меня есть телефон. Он позвонил какой-то женщине, сообщил о себе, а я, чтобы не смущать его, вышел во двор покурить. Могу вам только сказать, — он очень напуган... Он не мог усидеть на месте... Вздрагивал при малейшем шуме и, наверное, раз десять спрашивал у меня, не должен ли кто-нибудь

ко мне придти... Но кто ко мне может придти? У меня даже нет прислуги...

Мегрэ смотрел на скульптора с большой симпатией. Ведь в самом деле, это был редчайший экземпляр, уцелевший на старом Монмартре.

— Знаете! Он ведь про вас говорил... Как будто вы должны кого-то арестовать, но он не понимает, почему вы так тянете... «Если комиссар не поторопится, у него не останется больше ни одного свидетеля, ведь они расправятся со мной...»

Пожав руку старику и выйдя из ателье, Мегрэ проворчал:

— Полицейский в отставке...

— Я уже начал отрабатывать эту версию,— сказал инспектор Луи с присущей ему невозмутимостью.— Есть основания предполагать, что это полицейский из восемнадцатого округа или, может быть, из девятого, так как Блоха далеко не уйдет... Вероятно, в молодости Блоха охотнее всего слонялся в этом квартале... Я начал просматривать списки полицейских, вышедших в отставку за последние десять лет, но пока не нашел ни одного, кто бы жил на Монмартре. Сегодня днем я продолжу работу.

Было бы, по-видимому, намного проще, в квартале, где все друг друга знают, обратиться к первой попавшейся кумушке или к бакалейщику. Но это может навлечь опасность на Блоху...

— Куда вас отвезти?

— Спасибо. Не нужно. Я останусь здесь, в квартале.

У инспектора Луи были свои методы. Он напоминал охотничьего пса и явно чувствовал бы себя не на месте, доведись ему работать в бригаде. Сейчас он, вероятно, снова обойдет окрестные бары, поглощая все новые и новые порции минеральной воды и прислушиваясь к разговорам посетителей.

— Бланш Пигу на улице Фромантен...

Мегрэ тоже начинала беспокоить судьба Блохи, но даже если бы он бросил на его поиски десяток или два полицейских, все равно толку бы не было.

— Кстати, за братьями Мори по-прежнему следят?

— Инспекторы сменяют друг друга. В отсутствие брата Джо довольно много времени провел на улице дю Кэр, потом уехал на грузовике и вернулся около восьми вечера без тары. Опустил железную штору и отправился домой, наверное, принять душ и переодеться. Знаете, где он ужинал?

— В «Сардине»?

— Как вы догадались?

— Потому что это означает захват власти...

— А Манюэль?

— Еще проще... Он тоже ужинал в «Сардине» вместе с Линой... Она, вероятно, впервые пришла в ресторан своего мужа. Бедный Марсиа не знал, что скоро она станет там хозяйкой.

— Надо полагать, они бросают вызов. Уверен, что служащие были возмущены, увидев ее в день похорон в обществе Мори...

— Манюэлю наплевать, что думают служащие. Если они уволятся, он наймет своих людей... Вероятно, это входит в его планы... Бьюсь об заклад, что он ночует на улице Баллю...

— Ваша правда... И насколько мне известно, до сих пор еще там...

— И все же здесь что-то не так,— вполголоса произнес Мегрэ.

— Блоха?

— Увы, Блоха ничем не может нам помочь. Нам его не найти. Нет! Тут есть какая-то неувязка, но сколько я не бьюсь, чтобы понять, где именно, у меня только начинает болеть голова...

— Я поднимусь с вами?

— Лучше, наверное, не стоит... У этой девушки, несмотря на ее ремесло, есть известная деликатность. Ко мне она уже привыкла, но если мы явемся вдвоем...

На сей раз юная подруга Блохи уже встала и завтракала, сидя у окна.

— Кофе? Я уже сварила...

— Охотно...

Она казалась озабоченной.

— Есть какие-нибудь новости, комиссар?

— Я знаю, где Блоха провел две последние ночи, но вчера он снова исчез...

— В каком квартале?

— Возле площади Тертр, у одного скульптора...

— Странно. Однажды, когда мы ходили обедать в ресторан у подножья Санкр-Кэр, он мне рассказывал о нем. На него нахлынули воспоминания детства. Он мне описывал цинковку, на которой ему доводилось спать, на этой цинковке обычно спала огромная собака.

— Он больше не рассказывал вам ни о ком из этого квартала?

— Не помню... Кажется, нет...

— Например, о бывшем полицейском?

— Нет, впервые слышу...

— Он вам звонил?

— Два раза.

— Что он сказал?

— Он боится все больше и больше. И не понимает, почему вы не арестуете братьев Мори. Тогда бы их банда притихла, и Жюстен мог бы спокойно дышать...

— Он на меня сердится?

— Да, немного. И еще на инспектора Луи. Я пересказала ему то, что вы мне говорили.

— Послушайте... Полагаю, он вам снова позвонит, если только там, где он находится, есть телефон. Попросите его позвонить мне... Я успокою его...

— Это правда?

— Мне необходимо с ним встретиться и если встреча состоится, то, вероятно, два часа спустя братья Мори будут за решеткой...

— Я ему передам... Я сделаю все возможное... Поставьте себя на его место... Он не верит больше никому и ничему...

Четверть часа спустя Мегрэ и Жанвьё сидели у стойки бара в «Сардине». В это время накрывали к обеду, а возле кассы метрдотель принимал по телефону заказы на столики.

— Кружку пива, Фрэдди...

— А вам? — спросил он у Жанвьё.

— То же самое...

— У нас осталось только заграничное пиво.

— Все равно.

Было похоже, что Фрэдди обслуживает их нехотя. Он часто поглядывал на дверь, словно боялся, что сейчас войдут братья Мори.

— Никогда еще не видел такого количества на-

рода на похоронах,— пробормотал Мегрэ, словно желя вызвать его на разговор.

— Да, народа было много.

— И почти столько же пришло в Бандоле. Люди приезжали отовсюду: из Ниццы, из Канн, из Тулона, из Марселя. А сколько машин! Я насчитал не меньше пяти «Феррари»...

Фрэд делал вид, что протирает стаканы. Комита, метрдотель, уже положил трубку, но вместо того чтобы подойти к ним, остался в глубине зала, словно не замечая их.

Мегрэ с усмешкой произнес:

— Что-то сегодня прохладно.

Термометр показывал двадцать пять градусов в тени.

— Да, прохладно...

— Вы уже видели свою хозяйку?

— Какую хозяйку?

— Лину Марсиа... Она ужинала здесь вечером с братьями Мори... Правда, скоро хозяином станет Манюэль...

— Послушайте, господин Мегрэ... Я не вмешиваюсь в ваши дела... И вы не вмешивайтесь в то, что происходит у нас... И вообще, если увидят, что я разговариваю с вами, мне это может повредить... Вам тоже от этого добра не будет...

Комиссар и Жанвье переглянулись.

— Подожди меня минутку, Жанвье!

И Мегрэ направился к туалетам. По дороге он должен был пройти мимо Комита.

— Добрый день, мсье Рауль,— обратился он к нему.

— Фрэди, должно быть, сказал вам, что вы здесь — нежеланный гость...

— В самом деле... Смена владельца... И сразу же все в заведении поджигают хвост...

— Я был бы вам весьма признателен, если бы вы здесь больше не показывались.

— Вы забываете, что это общественное место, доступное всякому, кто прилично одет и у кого тугий бумажник...

Он зашел в туалет, а потом вернулся в бар. Было двадцать минут первого.

— Знаешь, Жанвье, что мы сейчас будем делать? Мы здесь пообедаем.

Они направились к ближайшему столику. Комита бросился к ним:

— Прошу прощения, но этот столик заказан.

— Тогда мы сядем за соседний.

— Он тоже заказан... Все столы заказаны...

— Тогда, допустим, вот тот заказан на мое имя...

Садись, Жанвье...

Со стороны Мегрэ это вовсе не было мальчишеской выходкой. Он разозлился и, в свою очередь, хотел всыпать им как следует.

— Дайте мне, пожалуйста, меню... И не забывайте, что в 24 часа я могу закрыть ваше заведение...

Меню было огромное, со списком вин на последней странице.

— Есть раковины Сен-Жак. Что ты на это скажешь, Жанвье?

— Берем раковины Сен-Жак...

— Потом жареную говядину...

— Хорошо...

Он посмотрел на последнюю страницу.

— Легкое вино... Есть Божоле?

— Пожалуйста.

Метрдотель стоял возле столика, словно аршин проглотил. Вошли четверо клиентов и уселись у окна. Темноволосая кассирша заняла свое место, но напрасно Мегрэ пытался с ней поздороваться. Она делала вид, что не узнает его.

Мсье Морис умер. Он держал своих служащих в строгости, но тем не менее раньше обстановка в ресторане была непринужденной.

Вчера вечером явился Мори в обществе Лины Марсиа, чтобы вступить в свои права, и служащие это поняли.

Отныне им придется лезть из кожи вон, чтобы угодить. И они уже старались. Сталкиваясь в зале, они обменивались между собой несколькими словами.

— Держу пари, что нас обслужат не раньше, чем через полчаса, а то и через час.

И в самом деле, сначала обслужили столик на четверых, потом двух англичан, которые только что вошли, и чем дольше на них не обращали внимания, тем больше улыббался Мегрэ, демонстративно покуривая свою трубку.

— Не торопитесь! — бросил он проходившему метрдотелю.

— Что вы, мсье. У меня нет ни малейшего намерения.

Братья Мори так и не появились, и Мегрэ с Жанвье, в конце концов, пообедали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда Мегрэ в четвертом часу вернулся на набережную Орфевр, первым, кого он увидел, был инспектор Луи, сидевший на скамейке в коридоре, держа на коленях черную шляпу.

Комиссар пригласил его войти в кабинет, и инспектор Луи присел на краешек стула.

— Кажется, господин Дивизионный комиссар, мне повезло...

Голос у него был тихий, как у всех застенчивых людей, и он редко смотрел в глаза собеседнику.

— Расставшись с вами утром, я снова стал обходить бары и кафе в верхней части Монмартра, возле площади Тертр... Я знаю, у меня это нечто вроде мании... Я зашел в бистро «Три бочки» на улице Габриэль, где собираются завсегдатаи, уселся перед стойкой и заказал, как водится, бутылочку Виши.

Мегрэ знал, что торопить его бесполезно. Инспектор говорил с присущей ему медлительностью, стараясь быть точным во всех деталях — это было в его натуре.

— В углу, под рекламным щитом с изображением стальных часов, четверо мужчин играли в белот¹. Все четверо были пожилые и, вероятно, уже много лет неизменно играли в белот на этом месте в один и тот же час. Я вздрогнул, когда услышал: «Теперь твой ход, бригадир». Это относилось к человеку лет семидесяти, с виду еще крепкому. Трижды за десять минут к нему обращались, называя бригадиром.

«Он что, из полиции?» — вполголоса спросил я хозяина.

«Он служил там сорок лет... Это полицейский старшой школы. Здесь, в квартале, его знали все, а для мальчишек он был буквально как отец родной».

«И давно он в отставке?»

«Не меньше десяти лет, и каждый день приходит

¹ Белот — распространенная во Франции карточная игра.

сюда сыграть партию... Он живет один с тех пор как сын женился и переехал в Мо. Дочь работает медсестрой в больнице Биша. У него есть еще второй сын, который занимается неизвестно чем, полагаю, чем-то предосудительным».

«Он живет неподалеку?»

«Да, поблизости... На улице Толозе... Как раз напротив единственного на этой улице дансинга... Жена его умерла пять лет назад, и он сам ведет хозяйство, сам готовит... У нас здесь немало стариков, живущих в одиночестве на скромную пенсию».

Мегрэ достаточно хорошо знал Монмартр и понимал, что это особый город внутри другого, огромного города. Некоторые его обитатели никогда не бывали дальше площади Клиши.

— Вы раздобыли его точный адрес?

— Я сразу же ушел из бистро, стараясь не привлечь внимания. Старик вышел через полчаса и зашел к мяснику купить две котлеты... Я шел за ним следом до улицы Толозе на большом расстоянии, поскольку он, наверное, прекрасно разбирается в слежке. Он вошел в четырехэтажное здание, как раз напротив дансинга «Там-Там». Я позвонил в отделение восемнадцатого округа и попросил себе на час или два в помощь инспектора. Прислали совсем молодого, и теперь он стоит на посту недалеко от дома.

Теперь инспектор Луи замолчал. Он рассказал все, как умел.

— Ты слышал, Жанвье?

Тот находился в кабинете вместе с комиссаром.

— Поедем туда?

— Разумеется.

— Возьмем с собой людей?..

— Не стоит... Операцию нужно провести как можно незаметнее.

Они сели в маленькую черную машину, стоявшую во дворе Уголовной полиции.

— Кажется, на улице Толозе движение одностороннее?

— Увы, поскольку она упирается в лестницу.

Еще издали они заметили молодого полицейского, находившегося на некотором расстоянии от дома.

— Я сейчас зайду один. Не стоит его пугать.

Он обратился к консьержке, показав свою полицейскую бляху.

— Бригадир у себя?

— Мсье Коласон? И впрямь, его до сих пор называют бригадиром... Он вернулся часа два назад... Сейчас, наверное, отдыхает.

— Какой этаж?

— Третий, дверь направо...

Разумеется, здесь не было лифта. Дом был старый, как и почти все дома на этой улице, на лестнице стоял сильный запах кухни.

Звонка на дверях не было, и Мегрэ постучал.

— Войдите! — степенно ответили ему.

Квартира оказалась маленькой, ее загромождала мебель, видимо, раньше служившая большой семье. В спальне, направо, стояли две кровати. За окном висел решетчатый шкафчик, служивший холодильником.

— Глазам не верю! Комиссар Мегрэ, у меня!.. Входите, прошу вас, здесь есть один человек, который будет очень доволен.

Он ввел комиссара в душную комнату, одновременно столовую и гостиную. Человек, ростом не боль-

ше полутора метров, походивший на мальчишку, но с лицом, изборожденным морщинами, с тревогой смотрел на посетителя.

— Вы его арестовали? — сразу же спросил он.

— Нет еще, но вы ничем не рискуете...

Тут в разговор вмешался бригадир Коласон.

— Я ему уже сто раз повторял, что он должен вам позвонить и сказать, где находится... Он явился ко мне, весь дрожа... Его просто терроризируют эти братья Мори... Правильно я назвал их имя?.. В мою бытность их никто не знал.

— Им чуть больше тридцати...

— По вечерам я смотрю телевизор, но газет не читаю. Жюстен вспомнил обо мне... Я знал его, когда он болтался по кварталу в стоптанных шлепанцах... — Что вы со мной сделаете?

Блоха был как-то весь внутренне зажат и не мог расслабиться.

— Мы сейчас вместе поедем на набережную Орфевр. Поговорим в моем кабинете с глазу на глаз. Возможно, вслед за этой беседой братья Мори будут арестованы.

— Как вы меня нашли?

— Это инспектор Луи напал на ваш след...

— Значит, и другие могли бы меня разыскать?..

— Благодарю вас, бригадир, за гостеприимство, которое вы ему оказали, и надеюсь, что котлеты вам попались свежие...

— Откуда вы знаете?

— Все тот же инспектор Луи... И хорошей вам партии в белот завтра утром!..

Комиссар повернулся к коротышке, который до сих пор не пришел в себя.

— Пойдем...

Отставник проводил их до двери и грустно смотрел, как они спускаются по лестнице.

— Полежай в машину!

Блоха сел сзади, рядом с инспектором Луи.

— А я-то считал, что хорошо спрятаюсь!.. — вздохнул Жюстен, обращаясь к нему.

— Я случайно напал на след бригадира.

Жюстен съезжился на сиденья, чтобы его не заметили с улицы.

Они вместе поднялись по лестнице Уголовной полиции, которую Блоха оглядел с каким-то боязливым уважением. А Мегрэ, поднимаясь по лестнице, колебался, войти ли им в кабинет втроем или допросить Блоху с глазу на глаз.

— Я вас скоро позову, — сказал он Луи и Жанвье... — А ты входи!

Он чуть было не сказал: «малыш», но вовремя удержался.

— Садись... Ты куришь?

— Да...

— Есть у тебя сигареты?

— Осталось две...

— Возьми эту пачку...

Мегрэ всегда держал в запасе две-три пачки для возможных собеседников.

— Что вы...

— Одну минутку...

На столе он увидел записку: «Вас просили позвонить в лабораторию».

Мегрэ набрал номер Мёрса.

— Что-нибудь новое?

— Да. Лаборатория хорошо поработала. Специалист по тканям ходил к самому крупному торговцу

коврами в Париже. Его первые впечатления подтвердились... Шелковые нитки действительно от старинного китайского ковра шестнадцатого или семнадцатого века. Если не считать музеев, во Франции существует не больше трех или четырех подобных ковров частных владельцев. Торговец не знает, у кого они находятся. Он наведет справки. Есть еще одна новость поважнее. Обнаружены незначительные следы крови на обивке пола, в том месте, где лежал ковер... Эта кровь сильно разбавлена водой... Должно быть, пятно пытались замывать и терли жесткой щеткой, так как нашли также небольшое количество щетины.

— Можно ли определить группу крови?

— Это уже сделано. Группа АВ.

— К сожалению, никому не пришло в голову проверить кровь мсье Мориса, пока еще была возможность. Разве что судебный медик...

— Да. Вероятно, он об этом подумал... Вы получили его рапорт?

— Он не указывает группу крови.

Блоха смотрел на комиссара так, словно не мог поверить в то, что с ним произошло. Но почему он до сих пор был так напряжен? Чего еще он боялся?

Мегрэ встал и открыл дверь в комнату инспекторов.

— Жанвье, попробуй поскорее связаться с судебным медиком... Спроси у него от моего имени, проверил ли он кровь Марсиа. Если нет, то пусть скажет, куда делась его одежда.

Два десятка инспекторов выстукивали на машинах рапорты и среди них очень прямо сидел Луи с шляпой на коленях.

Вернувшись к себе в кабинет, комиссар обратился к Блохе:

— Так... Который теперь час?.. Четыре... Возможно, мы еще застанем дома твою подружку.

И в самом деле, на другом конце провода он услышал голос Бланш Пигу.

— Это ты, Жюстен?

— Нет... У телефона комиссар Мегрэ...

— У вас есть новости?

— Он сидит в моем кабинете...

— Он сам к вам явился?

— Нет... Пришлось поискать...

— А где он был?

— На Монмартре, как я и ожидал...

— Вы арестовали...

— Братьев Мори... Нет... Не все сразу... Передаю трубку Жюстену.

Он сделал Блохе знак подойти к телефону.

— Алло? Это ты?..

Он чувствовал себя неловко, был взволнован.

— Еще не знаю... Я здесь не больше четверти часа, и мне еще не задали ни одного вопроса... Да, я чувствую себя хорошо... Нет... Я не знаю, когда вернусь... Пока...

— Вам не придется больше долго его ждать, — сказал Мегрэ, беря трубку. — Во всяком случае, теперь можете не волноваться...

Закончив разговор, он медленно закурил трубку, внимательно глядя на Жюстена Кроттона. Он не понимал, почему Блоха по-прежнему проявляет нервозность.

— Ты всегда так дрожишь?

— Нет.

— А чего ты боишься здесь, в моем кабинете? Меня?

— Может быть...

— Почему?

— Потому что вы наводите на меня трепет... Все, что относится к полиции, наводит на меня трепет...

— И однако напоследок ты отправился искать убежище у бывшего бригадира полиции...

— Для меня бригадир Коласон не настоящий полицейский. Я знал его, когда мне еще не было шестнадцати. Только благодаря ему меня не сажали за бродяжничество...

— Тогда как я?

— Вы такой важный...

— Откуда ты узнал, что Лина была любовницей Манюэля?

— Это знали во всех заведениях квартала.

— А мсье Морис три года ничего не подозревал.

— Как будто...

— Ты уверен?

— Тот, кого это непосредственно касается, всегда остается в неведении, не так ли? Мсье Морис был человек богатый, влиятельный. Полагаю, что никто бы не осмелился сказать ему прямо в глаза: «Ваша жена изменяет вам с одним из ваших друзей».

— А разве Марсиа и братья Мори были друзьями?

— Да, уже сколько лет...

— Откуда ты знаешь?

— Братья Мори регулярно ужинали в «Сардине» и мсье Морис всегда подсаживался к их столу. Случалось, что они оставались после закрытия.

— Они бывали на улице Баллю?

— Я много раз видел, как они входили в дом.

— Когда Марсиа был у себя?

— Да.

— Откуда ты все это знаешь?

— Брожу то тут, то там... У меня тонкий слух... Слушаю, что говорят вокруг... Меня не боятся.

— Часто ты ходил в «Сардину»?

— В бар... Фрэдди мне почти друг.

— Не думаю, что он остался им теперь...

— Вечером, когда произошло убийство, я находился на улице Фонтен. Вдруг из ресторана выскочил мсье Морис в такой необычный для него час.

— Когда это было?

— В начале первого... Он не сел в машину, а быстро направился к улице Ля Брюйер...

— Ты знал, что жена мсье Мориса находится у Манюэля?

— Да.

— Откуда ты знал, что она была там именно в этот вечер?

— Я за ней следил...

— Выходит, подглядывать и следить за людьми вошло у тебя в привычку?

— Я всегда мечтал стать полицейским... Помешал мой рост... Возможно, и отсутствие образования...

— Ладно... Итак, ты идешь следом за мсье Морисом... Он входит к Манюэлю... В окнах горел свет?

— Да.

— Сколько времени Лина уже находилась там?

— Недолго.

— Ты вошел в дом?

— Нет.

— Ты угадал, что сейчас произойдет?

— Да... Только не знал, кто из двоих будет убит...

— Ты слышал выстрел?

— Нет... Жильцы дома тоже, наверное, не слышали или подумали, что это выхлоп автомобиля.

— Продолжай...

— Примерно через четверть часа мадам Марсиа вышла из дома и быстро направилась к себе...

— Ты шел за ней?

— Нет... Я остался.

— Что произошло потом?

— Какая-то машина примчалась, как вихрь, и меня чуть было не засекли. Это прибыл второй Мори, Джо... Видно, брат позвонил ему и велел срочно приехать...

Мегрэ слушал рассказ со всевозрастающим интересом. До сих пор он не почувствовал фальши, но его не покидало ощущение, что здесь что-то не так...

— Ну, а потом?

— Оба брата вышли, неся в руках скатанный ковер, в котором было завернуто что-то тяжелое...

— Тело Марсиа?

— Видимо, так. Они втащили ковер в машину и умчались в сторону площади Константин-Пекэр. У меня не было машины, и следовать за ними я не мог.

— Что ты сделал?

— Остался ждать.

— Они долго отсутствовали?

— С полчаса.

— Они привезли обратно ковер?

— Нет, я его больше не видел. Оба они поднялись в квартиру, и Джо вышел только через час...

Это звучало правдоподобно. Сначала братья отнесли тело в самую темную часть авеню Жюно. Что касается ковра, то были все основания полагать, что они выбросили его в Сену.

Вернувшись на улицу Ля Брюйер, они тщательно уничтожили следы преступления.

— Что ты делал потом?

— Дождался утра, чтобы позвонить инспектору Луи.

— Почему ему, а не в комиссариат или, допустим, в Уголовную полицию?

— Потому что они наводят на меня трепет...

Он действительно был напуган.

— Ты ему звонил не в первый раз?

— Нет, я давно поставляю ему информацию... Я его знаю с виду... Мы с ним бываем в одних и тех же заведениях... Он всегда один...

— Почему ты исчез?

— Потому что опасался, что братья Мори подумают на меня...

Мегрэ нахмурил брови. Это был самый неубедительный довод всего признания...

— С чего бы это они подумали на тебя? Ты что, был с ними связан?

— Нет... Но они видели меня в барах... Они знают, что я бываю во всех уголках Монмартра и что я достаточно осведомлен.

— Нет! — вдруг бросил Мегрэ.

Блоха посмотрел на него с изумлением, потом со страхом.

— Что вы хотите сказать?

— Чтобы расправиться с тобой, нужны более веские причины.

— Клянусь вам.

— Ты ни разу с ними не разговаривал?

— Никогда... Вы можете у них спросить...

Он лгал. Мегрэ это чувствовал, хотя и не имел точных доказательств.

— Ладно, их сейчас арестуют. А пока пойдем со мной в соседний кабинет.

— Сиди здесь спокойно и жди меня. Кто-нибудь из инспекторов даст тебе газету.

— Я не люблю читать.

— Ладно, только не волнуйся...

Мегрэ сделал знак Жанвье следовать за ним в кабинет.

— Ты звонил в институт судебно-медицинской экспертизы?

— Я говорил с самим доктором Бурде... Одежда и белье остались там... Кровь группы АВ...

— Такая же, как и на ковре...

— В наших краях это наиболее распространенная группа крови.

— Я поднимусь к следователю, а потом вы и Люкас будете, наверное, мне нужны... И Лапуэнт тоже...

Мегрэ оказался в длинном коридоре, куда выходили кабинеты следователей. Почти все скамейки были заняты ожидавшими своей очереди предстать перед судом. Одни — в сопровождении двух жандармов — были в наручниках, другие — под следствием или свидетели — не имели столь отрешенного вида.

Мегрэ постучал в дверь одного из кабинетов и вошел туда: следователь Бутей что-то диктовал секретарю.

— Прошу прощения...

— Садитесь. Как всегда, служебные бумажки... Вы воспользовались моими ордерами?

— Только на обыск... Из спальни старшего Мори исчез китайский ковер... На покрытии пола под ковром обнаружено несколько пятен, оказавшиеся пятнами крови... Группа АВ... А на одежде Марсиа, которую обследовал доктор Бурде, на месте раны тоже обнаружены пятна крови той же группы...

— Вы ведь отдаете себе отчет, что это не доказательство...

— Да, но это улика... Есть и другие. В день похорон Мори ночевал на улице Баллю, и оба брата в какой-то степени вступили во владение «Сардиной».

— Вы нашли этого коротышку? Какое у него прозвище?

— Блоха... Он внизу, под охраной. Он утверждает, что сразу после полуночи видел, как мсье Морис вошел в дом на улице Ля Брюйер, где живет старший Мори... Четверть часа спустя оттуда вышла Лина Марсиа и быстрым шагом направилась к своему дому... Наконец, младший Мори приехал на машине, словно вызванный по телефону на помощь. Через полчаса оба брата спустились вниз с тяжелым грузом, который засунули в машину... Из-за отсутствия машины Блоха не мог следовать за ними, но он категорически утверждает... Тело было завернуто в пестрый ковер.

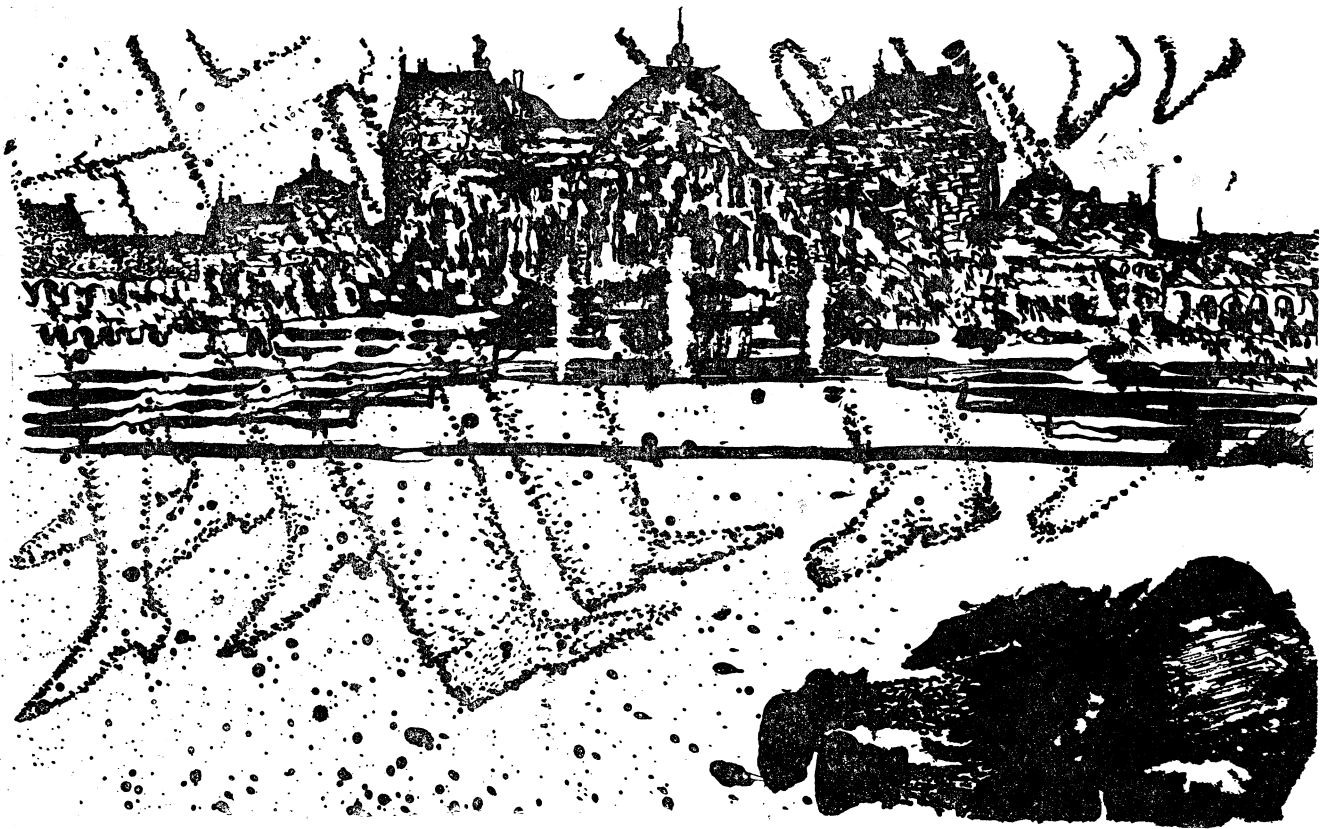
— Вы собираетесь их арестовать?

— Сегодня же... Я хотел бы, однако, получить еще один ордер, на имя Лины Марсиа...

— Вы считаете, что она?..

— Она, конечно же, соучастница... Я подозреваю, что именно она передала оружие любовнику... Я даже думаю, не она ли стреляла...

Следователь повернулся к секретарю:

— Вы слышали... Составьте акт... У меня впечатление, что они будут держаться до конца.

— Я тоже этого жду... И было бы неосмотрительно отправлять их на суд присяжных без всяких доказательств, они наймут не только лучших адвокатов Парижа, но и всех лжесвидетелей, которые им понадобятся.

Минуту спустя Мегрэ вошел в свой кабинет и не свойственным ему жестом достал из ящика пистолет и положил его в карман.

Затем он позвал Люкаса, Жанвье и Лапуэнта.

— Входите, ребята... На этот раз все ставится на карту... Ты, Жанвье, пойдешь со мной... Возьми пистолет, с такими людьми нужно быть готовым ко всему... Вы оба,— сказал он Люкасу и Лапуэнту,— пойдете на улицу дю Кэр. Весьма вероятно, что вы застанете там младшего Мори. Если нет, то попробуйте найти его дома на авеню Трюден, отель «Острова». Если и там его не окажется, идите в «Сардину»... Вот ордер на его арест... Возьмите с собой пару наручников. Ты, Жанвье, тоже...

Во дворе они разделились на две группы, и две машины уехали по разным адресам.

— Куда мы едем?

— Сначала к Манюэлю...

Консьержка сказала, что как будто Мори нет дома, но там находится служанка. Они поднялись. Служанка оказалась такой худой, что удивляло, как она еще держится на ногах. Она была лет шестидесяти, болезненного вида, с недовольным, даже враждебным лицом.

— Что вам угодно?

— Нам нужен Манюэль Мори.

— Его нет.

— Когда он ушел?

— Ничего не знаю.

— Он не ночевал дома?

— Это вас не касается.

— Полиция!

— Полиция или не полиция, это не ваше дело, в какой кровати спит человек.

— Вы заметили, что из спальни исчез ковер?

— Ну и что с того!.. Может быть, его прогнали сигаретой и отправили в починку, это дело хозяйское...

— Вы ладите с хозяином?

— Как кошка с собакой.

Они прекрасно подходили друг к другу.

— Ну что, вы не уходите? Я буду пылесосить, у меня нет времени...

Через несколько минут они уже остановились перед домом покойного Марсиа.

— Мадам Марсиа у себя? — спросил Мегрэ у консьержки.

— Кажется, она не спускалась... Правда, можно выйти и через дверь в сад, она открыта.

— И днем и ночью?

— Да.

— Значит, вы точно не знаете, кто вошел, а кто вышел?

— Немногие жильцы пользуются этой дверью.

— Кажется, мадам Марсиа в прошлую ночь была не одна?

— Кажется, да...

— Вы видели, как утром выходил мужчина?

— Нет... Вероятно, они еще наверху... Судя по

словам ее горничной, в доме скоро появится новый жилец...

— Кому была больше предана горничная?

— Скорее, мсье Морису.

— Благодарю вас...

Мегрэ и Жанвье поднялись на второй этаж. Мегрэ позвонил, и прошло несколько минут прежде, чем им открыли дверь.

— Мне, пожалуйста, мадам Марсиа...

— Не знаю, сможет ли она вас принять... Но вы входите...

Служанка провела их в гостиную, которая уже обрела свой прежний вид.

— Нужно будет придти сюда со специалистами по старинной мебели,— пробормотал Мегрэ, пока они ждали.

Вместо Лины в дверях появился Манюэль Мори.

— Опять вы!

— Я просил Лину Марсиа.

— У нее нет ни малейшего желания вас видеть, и я не позволю вам ее волновать.

— Однако я буду вынужден поволновать вас обоих. Именем закона, вы арестованы!

— Ах, да... Знаменитый ордер.

— На этот раз есть и другой, на имя Лины Марсиа, урожденной Полен...

— Вы осмелились...

— Да, осмелился и советую вам не поднимать шума. Это может вам дорого обойтись.

Манюэль поднес было руку к оттопыренному карману, где, судя по контурам, лежал пистолет, но Мегрэ тихо произнес:

— Опустите лапки, малыш...

Любовник Лины побледнел.

— Ты лучше возьми его на прицел, Жанвье.

Комиссар поискал кнопку звонка, наконец, увидел возле внушительного камина и нажал. Через несколько минут на пороге гостиной появилась горничная.

— Сходите за мадам Марсиа... Скажите ей, чтобы она взяла с собой все необходимое — одежду, белье и предметы туалета на неопределенный срок.

Через несколько минут появилась Лина с пустыми руками.

— Что это означает?

Она остановилась, увидя Жанвье с пистолетом в руке.

— Вот ордер на ваше имя... Я пришел, чтобы арестовать вас обоих...

— Но я здесь ни при чем.

— Во всяком случае, вы присутствовали при убийстве и пытались выгородить виновника... Это называется соучастием...

— Если всякий раз, когда у женщины есть любовник, она рискует...

— Не все любовники стреляют в мужей... Идите за вещами... Минутку... Дайте мне ваше оружие, Манюэль.

Тот колебался. Лицо его стало жестким, и Мегрэ, готовый ко всему, пристально смотрел ему в глаза.

Наконец, он отдал оружие.

— Останься с ним, Жанвье... Я не люблю, когда женщина уходит одна... У меня тогда нет уверенности, что я ее потом найду...

— Мне нужно переодеться.

— Вы не первая женщина, которая при мне пере-

одевается... И что на вас было одето, когда вы танцевали в «Табарене»?..

Все были напряжены до предела. Мегрэ проводил Лину до холла, и она открыла дверь спальни в серебристых тонах, обставленной мебелью в стиле Людовика XVI. Кровать была разобрана. На столике — бутылка виски и два полупустых стакана.

Мегрэ считал, что Лина способна на все, например, схватить бутылку и ударить его по голове...

Он налил ей порядочное количество виски и убрал бутылку подальше.

— А вы не хотите?

— Нет. Собирайтесь...

— Как вы думаете, сколько мы будем отсутствовать? Наверное, лучше сказать, сколько я буду отсутствовать?

— Это будет зависеть...

— От кого?

— От вас и от следователя.

— Почему вы вдруг решили нас арестовать, тогда как еще вчера об этом не было речи?

— Допустим, сегодня мы обнаружили нечто важное...

— Вы, конечно, не нашли оружия, из которого убили моего мужа?

— Вы прекрасно знаете, что это оружие лежит на дне Сены, как и ковер, испачканный кровью...

— В какую тюрьму вы нас отправите?

— Сначала в Депо¹, в подвал Дворца Правосудия.

— Туда сажают проституток?

— Случается...

— И вы осмелитесь...

Он показал ей на кровать.

— Вы даже не подождали, пока кровать остынет...

— Вы мерзкий тип...

— В данную минуту да. Поторопитесь...

Она демонстративно, словно желая бросить вызов, разделась догола.

— Мне хочется принять душ... Наверное, там, куда я отправлюсь, нет душа.

У нее была красивая, стройная фигура танцовщицы, но комиссар остался равнодушным.

— Даю вам пять минут...

И он встал у дверей ванной, из которой был еще один выход.

Понадобилось ждать около четверти часа, пока она собралась. Она надела тот же черный костюм, что и накануне, и ту же белую шляпу. В чемоданчик положила немного белья и туалетные принадлежности.

— Я следую за вами, раз иначе нельзя. Надеюсь, вам это дорого обойдется...

Они застали обоих мужчин в гостиной. Взгляд Манюэля выражал недоумение. Почему его любовница заставила себя так долго ждать? Догадывался ли он, на что она способна?

— Наручники, Жанвье...

— Вы наденете на меня наручники? — спросил побледневший Манюэль, сжав кулаки.

Он был намного сильнее Жанвье, но под пристальным взглядом Мегрэ разжал кулаки, и тут же щелкнули наручники.

¹ Депо — тюрьма, находящаяся в здании Дворца Правосудия в Париже.

— Надеюсь, ей вы их не наденете?
— Только в случае необходимости.
Горничная открыла входную дверь, странно улыбаясь.

— Спускайтесь!
Он посадил Мори на заднее сиденье машины и сел рядом с ним, а Лина села впереди, рядом с Жанвье. Они не пытались сбежать, что, впрочем, было невозможно.

— А мой брат?
— Он, наверное, уже в Уголовной полиции. Если только его сумели найти.

— Вы послали людей на улицу дю Кэр?
— Да.
— Он должен был быть там... Мой брат здесь ни при чем... Я даже не видел его в ту ночь...

— Вы лжете...
— Попробуйте доказать обратное.
Машина въехала во двор, и все четверо поднялись по лестнице.

— В мой кабинет, Жанвье.
Окно осталось открытым. Надвигалась гроза и в районе Монпарнаса уже, наверное, шел дождь.

— Садитесь оба... Посмотри, Жанвье, Люкас и Лапуэнт уже здесь?

Инспектор тут же вернулся.
— Он рядом, под охраной.
— Пусть введут.

Джо был разъярен, как и его старший брат.
— Я буду жаловаться.
— Ладно. Скажете это следователю...
— Сколько времени вы собираетесь нас держать?
— Это зависит от присяжных. Один из вас рискует получить двадцать лет или больше... Лично вам это обойдется в несколько лет...

— Я ничего не сделал...
— Я знаю, что вы не стреляли, но мне также известно, что когда брат позвонил вам среди ночи, вы помогли ему спустить труп Марсиа, положить в вашу машину и отвезли на улицу Жюно...

— Это ложь...
— Жанвье! Введи свидетеля, который ждет.
— Если речь идет о нем...
— Речь идет именно о нем... Входите, Жюстен... Садитесь!

Жанвье стоял, словно наблюдая за ними, а Лапуэнт стенографировал допрос в углу кабинета.

— Вот это вы называете свидетелем? — проворчал Манюэль, взбешенный донельзя. — Да ведь его можно купить за сто франков и заставить говорить, что угодно.

Мегрэ сделал вид, что не слышал, и повернулся к Лине.

— Извольте ответить, мадам, находились ли вы в ночь с понедельника на вторник в квартире присутствующего здесь Манюэля Мори на улице Лябрюйер.

— Это вас не касается.
— Должен ли я сделать вывод из вашего поведения, что вы решили не отвечать ни на один вопрос?
— Смотря какие будут вопросы.

Любовник смотрел на нее, нахмутив брови.
— Вы признаете, однако, что были любовницей этого человека?

— Я могу быть любовницей кого захочу. Насколько мне известно, в Уголовном кодексе нет статьи, запрещающей это.

— Где вы ночевали прошлую ночь?

— У себя.

— С кем?

Лина промолчала.

— Знали ли вы, что у вашего любовника в ящике ночного столика или на нем лежало оружие?

Никакого ответа.

— Я позволю себе повторить этот вопрос в ваших собственных интересах, так как он очень важен. Особенно для вас. Когда ваш муж позвонил в дверь, вы лежали в постели голая. Манюэль надел халат и пошел открывать, но он не взял оружия... У вашего мужа в руках был пистолет. Он прямо направился в спальню и сдернул одеяло... Как он там вас назвал, я не знаю. Затем он повернулся к Манюэлю... Тот подошел к кровати и через мгновение у него в руках был пистолет. Он выстрелил первым... Это первая версия. По ходу следственного эксперимента, который мы скоро произведем, мы посмотрим, насколько она правдоподобна. Существует и другая гипотеза, тоже вполне вероятная. Вы знали, где находится оружие... Ваш муж собирался выстрелить в вашего любовника, но вы выстрелили первой... Что вы на это скажете?

— Скажу, что это просто безумие. Прежде всего я должна была там находиться. Затем, чтобы...

Не слушая ее, Мегрэ повернулся к Манюэлю.

— Ну, а вы что на это скажете?

Лицо старшего Мори было мрачным, и он только покачал головой.

— Ничего не скажу.

— Вы не протестуете против этой версии?

— Повторяю, я ничего не скажу...

— Вот так-то ты меня продал? Ну, хорошо же, дорогой, скоро узнаешь...

— Ты что, Лина, я ничего не сказал?

— Ты бы мог все отрицать.

— Возможно, я заговорю у следователя или в присутствии моего адвоката.

— А пока я должна расплываться... Послушайте, господин комиссар...

И взбешенная она подошла к столу Мегрэ и начала говорить, яростно жестикулируя. Теперь это уже была не элегантная Лина Марсиа, а разъяренная самка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Да, я действительно была на улице Лябрюйер, не буду отрицать, поскольку нас видел муж консьержки, хотя и был в стельку пьян. Но надолго ему не заткнешь рот бутылкой коньяка. Наверное, к тому же повсюду остались отпечатки пальцев, следы моей пудры или крема. Эта история тянется уже три года, и я бываю у него по крайней мере два раза в неделю. А этот подонок, этот гнусный недоносок, который сидит вон там в углу, наверняка был в курсе наших дел. Что же касается Манюэля, то он знал, чего добивается, когда стал моим любовником. Он добивался не меня, а наследства моего мужа.

Она не владела собой, говорила отрывисто.

— Когда Морис обратил на него внимание, Манюэль был всего лишь мелким сутенером... Вы наверняка не знаете, что Морис был крупным дельцом...

Мегрэ курил трубку, боясь прервать этот поток слов. Лина говорила, охваченная яростью, а может

быть, страхом. Время от времени она поворачивалась и с ненавистью смотрела на Манюэля.

Всего несколько часов назад они были не только любовниками, но еще и соучастниками преступления. Теперь каждый стремился свалить вину на другого.

— Жанвье, снимите с него наручники.

— Наконец-то вспомнили... Полагаю, что отсюда не так-то просто вырваться...

Манюэль уже утратил свой апломб и только криво усмехался.

Блоха неподвижно сидел на стуле в углу, как можно дальше от братьев Мори. Вид у него по-прежнему был испуганный, и несмотря на то, что Манюэль проиграл, он смотрел на него с ужасом. Он так давно испытывал к нему страх, считая своего рода сверхчеловеком, что никак не мог избавиться от этого чувства.

— Я сейчас все скажу,— продолжала она.— Мы лежали в постели. Вдруг в дверь позвонили.

— Вы этого не ждали?

Она немного задумалась.

— Нет. Откуда мне было знать, что мой муж явится именно этой ночью?

— Значит, он не догадывался о вашей связи, хотя был в курсе всего, что происходило в квартале Пигаль.

— В таком случае он не стал бы ждать целых три года. Если он был в курсе, то прекрасно играл свою роль. Ведь он ревновал меня, как сумасшедший...

— Вам не показалось, что Манюэль ждал этого визита?

На этот раз пауза длилась дольше.

— Честно говоря, не знаю. Он встал, надел халат, который висел на кресле... Потом достал из ящика ночного столика пистолет и сунул его в карман.

— Она лжет, комиссар. Халат из тонкого шелка, и пистолет просвечивал бы в кармане. Послушайте меня хорошенько. Я сказал, что буду говорить только в присутствии своего адвоката, это так... Но прошу вас, не доверяйте словам этой женщины и проверьте все, что она скажет... Об одном, по крайней мере, я могу теперь сказать правду... Это она бросилась мне на шею, когда я появился в их доме... Она без конца твердила, что Морис старик, ни на что не способен. Старый маньяк, как она выражалась.

— Напротив, это он...

Манюэль тоже поднялся.

— Сядьте!

Постороннему наблюдателю эта сцена могла бы показаться забавной. Мегрэ, сидя в своем кресле перед набором разложенных на столе трубок был столь же бесстрастен, как восковая фигура в музее Гревен¹.

Блоха по-прежнему дрожал в своем углу, словно именно ему грозила опасность.

Младший брат слушал, не вмешиваясь в разговор. В данную минуту в кабинете Мегрэ разворачивалось не столько дело Марсиа, сколько ожесточенная и безжалостная схватка между двумя любовниками.

— Стоит тебе захотеть, и в тот же день ты зай-

мешь это место. Вот что она мне говорила... Она тщеславна, скупа... Вышла из самых низов и перед тем, как попала в «Табарен», немало слонялась по тротуарам на площади Пигаль.

Все это было на редкость омерзительно, и бедный Лапуэнт, стенографировавший допрос, пытался скрыть свою неприязнь.

— Давно она задумала убить мужа? — спокойно, словно задавая самый естественный вопрос, спросил Мегрэ.

— Во всяком случае это пришло ей в голову в первые же месяцы нашей связи.

— Вы ее отговаривали?

— Это ложь, господин комиссар, он специально стал моим любовником, чтобы в один прекрасный день завладеть состоянием мужа...

— А тот по-прежнему ничего не подозревал?

— Он доверял мне. Впрочем, я его обманывала впервые.

— Неправда... Она спала даже с барменом Фредди... Он подтвердит.

Она снова повернулась к нему, разъяренная, словно собиралась плюнуть ему в лицо.

— Будет гораздо удобнее, мадам, если вы сядете на место.

— Я видела, как вы рассматривали мебель и картины на улице Баллю. Не сомневаюсь, что вы обо всем догадались и устроите экспертизу. Тогда все выплывет наружу. Но идея принадлежит вовсе не этому жалкому типу, этому ничтожеству.

— Это Манюэль-то — ничтожество!

— Ограбление замков, как это называют, организовал мой муж, да, сам придумал и организовал... У него было шесть-семь доверенных лиц в разных уголках Франции. Когда затевалась очередная операция, он давал им знать, и все они собирались в указанном месте. Братья Мори тоже участвовали в деле, предоставляли грузовики и ящики.

— Куда девалась мебель и ценные вещи, которые попадали в руки Манюэлю и Морису?

— Они возвращались в провинцию к подпольным антикварам. Разве это неправда?

— Это единственная правда из всего, что она здесь наговорила. Не стану отрицать, поскольку экспертиза все равно подтвердит...

— Значит, вы руководили операциями?

— На месте — да. Но приказы давал Морис. Он ничем не рисковал... У себя в ресторане он изображал раскаявшегося преступника и даже видные чиновники подавали ему руку.

— Дело было прибыльное...

— Золотое дно...

— ...которое вы собирались прибрать к рукам?

— Это придумала она.

— Это точно?

— Мое честное слово стоит столько же, сколько ее слово. Считайте, как вам угодно. Жаль, что я бросил пистолет в Сену, потому что на нем вы бы обнаружили вовсе не мои отпечатки пальцев.

— Разве вы не видите, что он нагло врет?

И в ту минуту, когда никто этого не ждал, Мегрэ обернулся к Блохе, побледневшему как полотно.

— В котором часу вы позвонили?

¹ Музей Гревен — знаменитая парижская галерея восковых фигур.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Около двенадцати ночи,— пробормотал тот.
— Что вы ему сказали?
— Правду.
— Какую правду?
— Что его жена находится в квартире у Манюэля.

— Почему вы вдруг вздумали это сделать?
Жюстен повернулся с упрямым видом, как школьник, застигнутый врасплох.
— Отвечайте.
— Я не знаю... Хотел отомстить...
— За что?
— За все. Два года назад я пытался войти в их банду. Я знал, как они работают. Я знаю все, что творится в квартале Пигаль и на Монмартре. Я просил Манюэля взять меня, но он ответил, что ему не нужны такие ублюдки.

Теперь вмешался Манюэль.
— Он лжет.
Мегрэ курил трубку за трубкой, и воздух казался сизым от дыма.
— Вы тоже можете курить,— предложил комиссар.

— А я? — спросила Лина.
— Извольте.
— У меня нет сигарет, а у этого подонка я брать не хочу...

Комиссар достал из ящика пачку сигарет и протянул ей, но спичку подносить не стал. У нее так дрожали руки, что первые две спички потухли, и она смогла раскурить сигарету только от третьей.

— Ну, а что скажете вы, Манюэль?
— Он никогда ничего мне не предлагал. Я знал его только с виду, потому что часто встречал на Монмартре... Все знают, что он стукач.

— Неправда!
— Теперь вы, Жюстен, продолжайте.
— Я позвонил, чтобы отомстить этому человеку, за то, что он презирал меня.

— Откуда вы звонили?
— Из ближайшего автомата. Я издали видел огни ресторана.

— Вы понимали, что тем самым можете спровоцировать драму?

— Не совсем...
— Но в общем не имели ничего против?
— Нет.

— А если бы речь шла о других людях, вы поступили бы так же?

Этот вопрос застал его врасплох, и ему потребовалось время на раздумья.

— Не знаю,— признался он.
— А может быть, вы мстили за свой маленький рост, за свое лицо, из-за которого на вас оборачиваются на улице?

— Не знаю,— повторил он.
— Будьте внимательны, я задам вам важный вопрос. Вы только что солгали, потому что бонтеся Манюэля.

Коротышку снова охватил панический страх, словно даже здесь, в полиции, братья Мори оставались такими же всемогущими...

— Я сказал всю правду.
— Нет. Правда состоит в том, что вам заплатили за то, чтобы вы позвонили Морису в назначенный час.

— И кто же это, интересно, заплатил мне?
— Разумеется, Манюэль.
— Я протестую,— закричал тот.— Хотел бы я знать, зачем мне потребовалось, чтобы меня застали на месте преступления, да к тому же муж любовницы?

Но Жюстен продолжал:
— Он мне дал тысячу франков... Он угрожал, что убьет меня, если я скажу об этом хоть слово... Он добавил: «У меня повсюду друзья. Они сделают все, что потребуется, если я сам не смогу...» Мне было жаль мсье Мориса, я к нему очень хорошо относился.
— И все-таки послушался?
— Мне вовсе не хотелось получить пулю в живот.
— А ты не подумал, что мсье Морис может выстрелить первым?

— Если уж этот человек,— он указал на Манюэля,— если уж этот человек решил, что все будет так, а не иначе, все должно было произойти именно так, как он задумал... Ведь это сущий дьявол.

Мегрэ, не сдержавшись, улыбнулся, и тут на первый план выступила Лина.

— Видите, комиссар, я не лгала... Я ничего не знала об этом звонке... И не ждала, что муж ворвется в дом, поэтому у меня не было оружия.

— Вранье! Она соврет — недорого возьмет... Это она придумала, чтобы ее мужу позвонили в ресторан, она... Помню, как сейчас, она сказала: «Если ты пришьешь его или его где-то пришьют, в конце концов обвинят тебя, потому что полиция быстро различает про нашу связь... Предположим, что он застывает нас, как говорится, на месте преступления... Я его хорошо знаю... Он без оружия не пойдет. Он станет угрожать тебе или мне. В любом случае, это будет необходимая самооборона...»

— И все-таки это не доказывает, что стреляли не вы...

У Лины от ярости выступили слезы.
— Ну что я должна сделать, чтобы вы мне поверили?

— Не мне вам верить. Все решает суд присяжных.

— Я в жизни не держала в руках оружия.
— Опять врет,— вмешался Манюэль.— Я видел, как она в Бандоле охотилась на чает.

— Из ружья?
— Из ружья мужа.
— И попадала?

— Убила несколько штук у меня на глазах.
— Жюстен...
— Да, господин комиссар...

— Когда и где Манюэль говорил вам о телефонном звонке?

— В ночь убийства на улице Пигаль. Я проводил Бланш в «Канарейку». Я всегда прохожу там в одно и то же время.

— И сказал, что вы должны позвонить Морису около полуночи?

— Да...
— Вот видите,— воскликнула Лина,— я даже не знала, где найти Блоху, а уж Манюэль позаботился, чтобы я не догадалась об этом звонке.

Мегрэ хотелось пить. Он дорого бы отдал, чтобы ему принесли стакан пива, но тогда нужно было бы заказывать на всех...

Он добился важных результатов, весьма важных. Любовники, ополчившись друг на друга, больше не

отрицали убийства Мориса Марсиа в квартире на улице Лябрюйер.

Что же касается того, кто именно виновен, Мегрэ это не слишком занимало. Сейчас важно было выяснить, кто стрелял и что происходило раньше, то есть как готовилось преступление.

Он повернулся к Манюэлю, который курил с прерывательным видом.

— Зачем же вы, устроив настоящую любовную трагедию, вызвали брата, чтобы он помог вам отнести тело на улицу Жюно?

— Это и есть доказательство, что я не стрелял... Если бы я стрелял, я бы сознался, потому что действовал в пределах необходимой самообороны... Но поскольку это сделала Лина, поверить в это было бы труднее... Я велел ей идти домой, пообещав все устроить.

Мегрэ поочередно смотрел на любовников. Оба они способны солгать. Мори — циник, он мог пойти на все. Но разве Лина — более искренняя, чем Манюэль?

Из угла, где сидел Блоха, раздался высокий голос.

— Это он.

— Вы видели?

— Слышал.

— Где вы находились?

— Шел следом за мсье Морисом до четвертого этажа. Спрятался на площадке. Потом услышал, как закричала женщина: «Да стреляй же! Ты что, не видишь? Он сейчас меня убьет!» Не успела она произнести последнее слово, как раздался выстрел... Я поспешно убежал.

Наступила тишина. Непомерно большой рот Блохи исказился странной улыбкой.

Манюэль заговорил первым:

— Он лжет. Морис вовсе не собирался в нее стрелять...

— Он все выдумал, — вмешалась Лина. — Никто из нас не произнес ни слова...

Мегрэ встал и пристально осмотрел всех присутствующих.

— Никто больше ничего не хочет сказать?

— Нет, — буркнул Манюэль.

— Повторяю — он лжет, — сказала Лина.

— Жанвье, одень всем троим наручники.

— Но я-то тут ни при чем, — запротестовал младший из братьев, Джо.

— Разве вы не помогли брату избавиться от трупа?

— Это не преступление.

— Это называется соучастие... Одень им наручники.

— И мне тоже? — завопила Лина, словно собираясь устроить истерику.

— И вам.

Мегрэ сказал Лапуэнтю:

— Помогите Жанвье переправить их в Депо.

Он устал. Ему хотелось подумать о чем-нибудь другом. Он надел шляпу и спустился по лестнице.

С неба падали крупные капли дождя, оставляя черные круги на асфальте.

Он дошел до площади Дофин, где двое его коллег пили аперитив. Он чуть было не соблазнился, но удержался.

— Самую большую кружку пива, какая у вас найдется, — сказал он хозяину.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Скамья, слева от кабинета следователя Бутей, была почти всегда занята в течение трех месяцев. Потребовалось отыскать в разных провинциальных городках сообщников братьев Мори и покойного мсье Мориса по ограблениям замков и богатых поместий.

Параллельно работали эксперты и в конце концов установили происхождение мебели и картин с улицы Баллю и улицы Лябрюйер.

У антикваров-перекупщиков в разных концах страны нашли многое из того, что было украдено бандой.

Мегрэ специально отправился на Монмартр, чтобы поздравить инспектора Луи.

— Я сделал только то, что входит в мои служебные обязанности, — пробормотал тот, краснея.

— В тот день, когда вы почувствуете зов сердца, можете стать членом моей бригады...

Вдовец не мог поверить словам Мегрэ. Наверное, в нем боролись желание войти во Дворец Правосудия и привязанность к кварталу Пигаль.

Дело слушалось судом присяжных, Лина и Манюэль непрерывно пытались свалить вину за убийство друг на друга.

Телефонный звонок жертве указывал на преднамеренное преступление, за которое полагается максимальное наказание.

Несмотря на терпение следователя Бутей, ему так и не удалось установить вину одного из любовников, которые отныне превратились в заклятых врагов.

Когда слово давали Лине, со скамьи подсудимых раздавалось:

— Она лжет!

— Замолчите.

— Говорю вам, она лжет.

— А я приказываю вам замолчать.

То же самое повторилось, когда на вопросы отвечал Манюэль.

Суд присяжных долго не раздумывал. Он приговорил Лину и Манюэля к двадцати годам заключения каждого, а Джо — к пяти годам.

И все трое, покидая зал суда, обменивались ненавидящими взглядами.

У Блохи снова вошло в привычку звонить инспектору Луи.

Перевод с французского

Н. М. Брандис

и М. Е. Таймановой

Аркадий ЗАХАРОВ

Рис. Сергея Копылова

На грани двух миров, живого и мертвого, посреди дремучего леса издревле векует в странной избушке, окруженной забором из человеческих костей, старая Яга. Временами злобная ведьма налетает на Русь, несет с собой мор людей и падеж скота, похищает детей. Иной раз и к ней заглядывают гости с Руси. Одних Яга пытается съесть, других привечает, помогает советом и делом, предсказывает судьбу. Имеет она обширные знакомства в живом и мертвом царствах, свободно посещает и то и другое.

Кто она, эта загадочная старушка, откуда пришла в русский фольклор, почему ее имя чаще встречается в сказках северо-восточной Руси?

ВОСПОМИНАНИЕ О ЗОЛОТОЙ БАБЕ

В давние времена, когда древняя языческая Русь под влиянием новой христианской религии сожгла на днепровской круче дубового истукана — мать-роженицу Ладу с ее сыновьями Лелем и Полелем, испуганно затаилось русское язычество, хоронясь на дальних окраинах, где в непроходимых дебрях последние волхвы еще сбегали старинных идолов.

Практичные персидские купцы, напуганные карами за идолопоклонство, повели караваны с посудой, оружием и украшениями хорасанской чеканки в далекий северный край, в Югру, где идолопоклонство еще процветало и где их товарам имелся достойный эквивалент — меха.

Новая христианская мораль отнюдь не мешала и хищным викингам в их кровавых набегах на соседей. Самый коварный и жадный из конунгов, привлеченный сиянием югорских богатств, добрался до капища главной югорской богини Йомалы.

Не дремали и предприимчивые новгородцы, снаряжавшие в поход за пушниной в страны полуночные ватаги отчаянных смельчаков — ушкунников...

Только в XII веке проникает христианская вера к вятичам, в вологодские земли, на берега Северной Двины и Камы. Еще позднее приобщается к ней пермяне (зыряне), поклонявшиеся своей Йома-бабе. Умный подвижник Стефан Пермский, начавший обращать зырян в «истинную веру» в 1375 году, писал в гневе и отчаянии о населении Прикамья: «...Ни бога знающих, ни законов ведящих, молящихся идолам, огню и воде и камню и Златой Бабе и кудесникам и древью...».

Вот так впервые появилось на Руси письменное известие о югорском шайтане. Хотя о нем наверняка и раньше знали.

Вскоре не удовлетворились новгородцы малым достатком от промысла, захотелось всю Югру «под себя» взять, и в 1364 году пошли они через Камень (Урал)

большим войском и, разделившись на две ватаги, стали воевать вверх и вниз по Оби.

Затревожились остяки и вогуличи за свою благодетельницу Бабу Золотую и унесли ее от устья Оби на полдень, в непролазные топи. И затаилась на время в болотной глуши Сорни-най, или Золотая Баба.

Не прошло и ста лет, а в холодные просторы Югории сквозь ущелья Каменного пояса лезет новая рать — москвиты. Это по повелению царя Ивана III устюжанин Василий Скрыба в 1465 году повел на покорение Зауралья дружину вольницы, угрожая пленением самой Золотой богини...

В мае 1483 года великий князь Московский вновь плет на Югру войско под началом Федора Курбского Черного. Продирались сквозь урманы, минуя хитроумные ловушки, опасливо озирались на мрачных деревянных истуканов с намазанными кровью и жиром ртами и сложенными у ног костями животных; дивились странным избушкам на высоких ногах, остякним могилам с надгробиями в виде домиков и многим непонятным, а потому страшным обычаям обитателей Югры. А по вечерам, сгрудившись вокруг костров, слушали рассказы о Золотой богине вогуличей, остяков и самояди — идоле суровом и добром, требующем жертвоприношений и исцеляющем недужных, насылающем мор на стада и помогающем от бесплодия женщинам, прорицающем будущее...

Не успела Югра отдохнуть от нашествия Федора Курбского и оправиться после выплаты ясака, как на самом севере, у морской луки, явился в 1499 году его сын Семен Курбский, князь Ярославский, с пяти тысячным войском. Энергичные москвиты, пробившись через снега и ущелья, вышли на просторы Северного Приобья и в короткий срок, покорив свыше тридцати укреплений и приведя к присяге югорских князей, возвратились восвояси, оставив потомкам в память «Указатель пути в Печору, Югру и к реке Оби». Сообщалось в нем о Лукоморье и Золотой Бабе: «Золотая Баба, то есть Золотая старуха, есть идол, находящийся в устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу... Рассказывают... что этот идол Золотая Баба есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе, а что там уже виден другой ребенок, который, говорят, ее внук».

Разгоряченные рассказами летописцев о богатствах Югры и Сибири, жадные до чужих сокровищ европейские монархи вынашивали планы по захвату новых земель, искали смельчаков.

А уж на Руси появился такой герой, с именем, как удар меча — Ермак. Подстрекательный промышленником Строгановыми, сей славный сын отечества собрал вокруг себя дружину «буйственную и храбрую», с которой и перерезал казачьи челны через Камень и сбросил их на сибирскую сторону в неторопливые воды Туры.

Слышал атаман о Золотом шайтане, которому к приходу казаков в Искер продолжали еще поклоняться неблагодарные татары и югричи. Ермак дальновидно не насаждает православия в занятых землях и терпимо относится к иноверцам, но понимает необходимость захвата в полон золотого кумира, обладание которым дало бы ему неограниченную власть над его почитателями.

И вот, весной 1583 года из Искера, столицы покоренной Сибири, казаки отправляются на север, к иртышскому устью, собирать ясак с покоренных, воевать еще не покоренных и искать Золотую Бабу. В Демьянском (Нимьянском) городке казаки обложили Золотую Бабу, но захватить не смогли. Упорно бившиеся остиаки сумели ее запрятать.

Немудрено, что иностранец Джильс Флетчер, бывший на севере России как раз в это время, не нашел ее на прежнем месте в устье Оби и с огорчением записал в своем сочинении «О государстве русском»: «...Но что касается до рассказа о Золотой Бабе или Яге-бабе, о которой случалось мне читать в некоторых описаниях этой страны, что она есть кумир в виде старухи, дающей на вопросы жреца прорицательные ответы об успехе предприятия или о будущем, то я убедился, что это простая басня».

Почти столетие простояла в Белогорском капище в устье Иртыша золотая богиня, ставшая Яхой-бабой (от немецкого «яха», хантынского «ега», «ёган», «юган», «аган», что значит — река), пока от новой угрозы не пришлось ей перебраться в непроходимые дебри на реке Конде.

Весной 1716 года тобольский митрополит Филофей Лещинский (схимомонах Феодор) по предписанию Петра I прибывает с миссией в Нахрачинские юрты в среднем течении Конды — село с церковью, но почитающее древних идолов. Настроенные против миссии вогулы во главе с горбатым шаманом Нахрачем Евлаевым, не желая отступать от своей веры, то угрожали миссии, то предлагали, окрестив и возложив на идола крест, поставить его в церкви среди икон. Когда переговоры не принесли успеха, нахрачевцы внешне приняли христианство, а в душе остались язычниками. «Нахрачевцы, — писал протоиерей Сулоцкий, — были самые лукавые из повокрещенных, отдавая Филофею (Федору) своего идола, отдали ему подмененного, а своего многочтимого укрыли в лесу».

Шаман Нахрач поплатился за это жизнью, став одной из жертв Яхи-бабы.

Сокровенное место, где обрела свое новое пристанище Золотая Баба, охранялось стражей в красных одеждах. Никто кроме главного шамана не имел права входить в кумирню, чтобы узнать волю идола, который, по словам вогулов, если требовал жертвы, то издавал голос младенца. Не известно, слышал ли этот крик отважный полковник Григорий Новицкий из свиты Филофея Лещинского, упорно искавший в кондинской тайге Золотую Бабу и ставший ее последней жертвой. Убитый вместе со священником Сентяшевым при неясных обстоятельствах, он так и не успел довести до конца свое «Краткое описание о народе остяцком».

Надежно спрятанная в безбрежной тайге, с тех пор навеки сгинула со света Золотая Баба — Сорни-най. Но, по суевериям обских угров, никто не может исчезнуть бесследно, не оставив на земле своего антипода, призрака, который бродит незаметно среди людей, причиняя им горе и всевозможные неприятности, лишь иногда появляясь в виде тени.

Такой двойник остался и после Золотой Бабы. Имя ему — Баба-Яга. Попробуем обосновать это предположение.

В ТРИДЕВЯТОМ ЦАРСТВЕ

Если упомянутое свидетельство Джильса Флетчера, отожествившего Золотую Бабу и Ягу-бабу, принять за кончик путеводной нити, то, терпеливо разматывая путанный клубок, можно прийти к выводу, что сказочный образ Яги возник в русском народном творчестве как

результат многовекового взаимодействия славянской и финно-угорской культур.

Несомненно, что пропикновение русских в Югру и Сибирь оказало заметное влияние на формирование образа Яги в русских сказках. Купцы-первопроходцы, казаки, дружинники принесли на Русь те необыкновенные сведения о жизненном укладе, обычаях и верованиях Югры, которые в сочетании со славянской мифологией и фольклором стали впоследствии волшебными сказками о Бабе-Яге.

В народных русских сказках, собранных в прошлом веке Афанасьевым, югорские мотивы проступают достаточно отчетливо.

В сказке о Василисе Прекрасной мать, умирая, говорит дочери: «Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу, береги ее всегда при себе и никому не показывай, а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета». Начало этой сказки о Бабе-Яге имеет явно югорские корни.

У хантов и манси (равно как и у ненцев и других северных народов) существовал обычай делать кукло-иттарм — вместилища душ умерших, которые живут в куклах, пока не возродятся в каком-либо ребенке. Куклу из дерева одевали и ставили на постели умершего. Во время еды к ней в первую очередь придвигали кусочки пищи. Кукла считалась противоположностью двойника покойника, который может причинять вред семье умершего. Кукла охраняет от двойника юрту. В упомянутой сказке кукла — вместилище души матери — помогает Василисе победить Ягу.

Возможно, представление, что душа человека, заключенная в деревянной кукле-иттарме, должна возродиться в новорожденном, проявилось себя в другой русской сказке — о Терешечке и ведьме: «...Старик со старухой сделали колодочку, положили в люлечку, завернули в пеленочку и вместо колодочки стал расти сыночек Терешечка... Отец сделал ему челночек. Терешечка поехал рыбу ловить...». Последняя деталь еще раз подтверждает северное происхождение сказки: рыбная ловля с малых лет — главное занятие народов манси и ханты.

Постоянное место обитания Яги — дремучий лес. Живет она в маленькой избушке на курьих ножках, такой маленькой, что лежа в ней Яга занимает всю избу. Подходя к ней, герой обычно говорит: «Избушка-избушка! Встань к лесу задом, ко мне передом!». Повернется избушка, а в ней Баба-Яга: «Фу-фу! Русским духом пахнет... Ты, добрый молодец, от дела летаешь или дела пытаешь?». Тот ей и отвечает: «Ты, старая, прежде напой-накорми, а потом про вести спрашивай».

Несомненно, что сказка эта родилась среди людей, хорошо знакомых с бытом обских угров. Фраза о русском духе попала в сказку не случайно. Деготь, широко применявшийся русскими для пропитки кожаной обуви, сбруи и корабельных снастей, раздражал чуткое обоняние таежных охотников, употреблявших для пропитки обуви гусиный и рыбий жир. Нашел отражение и обычай северного гостеприимства: гостя полагается сначала накормить.

Таинственная избушка на курьих ножках — не что иное, как широко распространенный на Севере тип хозяйственной постройки — лабаз или чамья. Рубленый, на высоких гладких столбах, амбар-лабаз — почти единственный для таежника способ сохранить снасти и припасы от мышей и хищников. Небольшие охотничьи лабазы делают иногда на двух-трех высоко спиленных пнях — чем не курьи ножки! Ставятся «к лесу задом, к путнику передом», чтобы вход приходился со стороны дороги или лесной тропы. Еще больше похожи на сказочную избушку небольшие, «без окон, без дверей», старинные культовые амбарчики в ритуальных местах — урах. В них иногда хранились куклы-иттармы в меховой национальной одежде. Кукла занимала собой почти весь амбарчик, может, именно поэтому в сказках всегда мала избушка Бабе-Яге. Вернее, бабе-в-яге, поскольку у хантов и манси

ягой называется меховая шуба. Некоторые идолы вместе с ритуальными шаманскими принадлежностями хранились в культовых избушках наряженными в дорогие одежды.

Вокруг избушки Яги всегда валялись кости и черепа. Это объясняется тем, что в древности в священных местах, где находились идолы хантов, манси и ненцев, совершались священные ритуальные жертвоприношения животных. Мясо съедалось, свежей кровью мазали лицо идола, кости складывались, а черепа развешивались на стенах лабазы, окружающих деревьях или заборе. Ритуал жертвоприношения и употребление аборигенами Приобья в пищу сырой рыбы, мяса и теплой оленьей крови послужили причиной превращения в сказках безобидной бабы-в-яге в кровожадную людоедку Бабу-Ягу.

В мансийском фольклоре встречаются туманные намеки на местонахождение Золотой Бабы (Сорни-най) в лесу, в избушке на лосиной ножке. (Лосиная нога так же привычна для манси, как для русского — куриная). Одну такую песню услышал и записал мансийский поэт Юван Шесталов:

*Вся в соболях, в шелках. Серезкой
Ей служит ранняя луна.
В избушке на лосиной ножке
Который век совсем одна...
Она зовет меня смелее!
И приближается ко мне.
Я словно ветка пламенею
На обжигающем огне...
И наконец-то я сгораю
И человеком становлюсь...*

Сгореть на священном огне, чтобы стать человеком! Не эта ли мысль заложена в основу сказки о племяннице Бабы-Яги — Царевне-Лягушке?

Немало югорских мотивов и в других русских сказках. В одной из них, так и названной «Баба-Яга», девочка, посланная к Бабе-Яге за иглолкой, прежде чем идти, заходит к своей тетушке и та учит ее: «Гам тебя, племяннушка, будет береза в глаза сгнать — ты ее ленточкой перевяжи, там тебе ворота будут скрипеть и хлопать — ты подлей им под пяточку маслаца, там тебя собаки будут рвать — ты им хлебца брось, там тебе кот будет глаза драть — ты ему ветчинки дай...». Умиловительные жертвы животным были широко распространены среди всех языческих народов, а вот обвязывание березки ленточкой — отголосок типично югорского культового ритуала.

Угры поклонялись деревьям, полагая, что на них живут духи. Береза считалась женским священным деревом. Место у березы ханты называли «порылитыхор». Перед тем как пойти на священное место, женщина шила маленькую куколку. Перед березой ставили пищу, а на ветви вешали ленточки и тряпочки. По окончании ритуала куколочек закапывали вместе с жертвоприношениями под березой.

Хр. Лопарев в приложении к своей книге «Самарово» (СПб., 1896 г.) приводит словарь хантыйского языка. Русское слово «река» в нем соответствует хантыйскому «ега». В этой связи небезытересно будет вспомнить, что в вятских сказках Яга именуется не иначе, как Еги-боба, Егибисна, Егибиха, Егибишна. В северном варианте сказки о Терешке под названием «Ивашко и ведьма» читаем: «...Потом приходит вот эта самая Егибиха (нечисты-то вот эти самые в озерах живут, в лесах живут) и говорит: «Ванюша, Ванюша! Подъедь-ко ты к березку: а вот тебе каша масляная!».

Интересно в упомянутом сборнике то, что во всех сказках народных сказителей Яга именуется — Егибоба, Егибиха, Егибишна, а в сказке, рассказанной священником О. В. Покровским, — уже Баба-Яга.

Подтверждение генетической близости Золотой Бабы и Бабы-Яги можно отыскать и в самих сказках. В сказке о Иване-Царевиче и Белом Полянине Баба-Яга ходит на золотой ноге. Разноногость Яги как наследственный признак переходит из сказки в сказку. У Яги нога серебря-

ная, костяная или глиняная, но нигде не хромая. Глиняная нога, по-видимому, имеет самую давнюю историю и связана с одинаковым в древности у славян и угров языческим культом медведя. В древних финно-угорских могильниках на территории Ярославского Поволжья неоднократно находили глиняные лапы медведя, несомненно имевшие какое-то культовое, пока неизвестное нам значение. Культ медведя как священного животного у обских угров дошел почти до наших дней, а у славян как воспоминание о нем остались сказки о медведе на липовой ноге и Яге-глиняной ноге. У хантов принято называть медведя иносказательно — старик, по-хантыйски «ике» или «иге». Шкуру медведя с головой и передними лапами хранили в ритуальных лабазах на «курных ножках».

Кроме того, в фольклоре обских угров злой лесной дух Комполен (хумполен — лесной человек) наделяется разными ногами. Духовная сестра русской Яги, югорская лесная богиня, хозяйка всех лесных зверей, посылающая удачу лесным охотникам, тоже разноногая. В песне она описывается так:

*...Дочь лесного бога, дочь лесного бога,
Вот она стоит.
Одна нога лосиная,
Другая человечья.*

По описаниям Герберштейна, Золотая Баба представляла собой статую в виде старухи, которая держит сына в утробе. Не эта ли непонятная непоясанным символом на фоне рассказов досужих людей о каннибализме самоедов послужила поводом для сказок о Яге — кровожадной похитительнице детей? Непонятная символика олицетворяла великую тайну природы — тайну продолжения человеческого рода, веру древних, что в теле каждой женщины скрываются дети, а в девочках, которые еще не родились, — еще меньшие дети, и так до бесконечности.

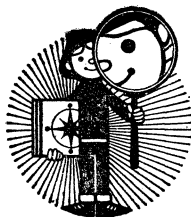
В некоторых источниках указывается, что если идол требовал жертвы, то издавал голос младенца. В окружении Сорни-най были и священные идолы — Золотой Гусь и Золотой Лебедь. Может быть, похищенного Ивашечку уносили к Гусю. Лебедю и Бабе-в-яге? На этот вопрос еще предстоит найти ответ.

Выше уже говорилось, что Сорни-най почиталась и как богиня-властительница зверей, помогающая промыслу. Ее тень или, выражаясь образами югорской демонологии, двойник — Яга (яха)-баба — тоже хозяйка зверей, имеющая над ними неограниченную власть. В сказке о Кошее младшая Яга говорит о старшей: «...есть у ней на то ответчики: первые ответчики — зверь лесной, другие ответчики — птица воздушная, третьи ответчики — рыба и гад водяной...». На культовых пластинах пермского звериного стиля немало изображений богини в окружении этих животных.

Некоторые ученые объясняют появление Яги в русских волшебных сказках тем, что с возникновением земледелия и сельскохозяйственной религии вся лесная религия превращается в этакую нечисть, мать и хозяйка зверей — в ведьму. Это прямой путь к таким богиням, как Кибела, к Артемиде, сопутствуемой животными, и др.

Н. С. Трубецкой в статье «К вопросу о Золотой Бабе» тоже сравнивает ее с Артемидой, считая, что она эволюционировала от покровительницы охоты к богине плодородия. Основываясь на этих предположениях и вышеизложенных аргументах, мы можем с достаточной долей уверенности прийти к выводу о близком, кровном родстве Золотой Бабы и Бабы-Яги. Во всяком случае, можно согласиться, что славянская и финно-угорская культуры, соседствуя, взаимодействуя и взаимно обогащаясь на протяжении тысячелетий, вызвали к жизни неординарный фольклорный образ вечной старушки — Бабы-Яги.

Мы можем только предполагать, как зарождались сказки, ведь минули века. В наше бурное время под напором научной фантастики, мультфильмов и телевидения забываются старые сказки. Не забыть бы совсем.

МИР

на лагони

Бобр подсказывает хирургам

Изучение способности бобров плавать под водой помогает хирургам совершенствовать приемы проведения операций на открытом сердце. Группа американских исследователей обнаружила, что как только ноздри этих животных оказываются в воде, осуществляется усиленный приток крови к жизненно важным органам, которые наиболее страдают от кислородного истощения. Одновременно с этим частота биений сердца уменьшается, чтобы сократить потребность в кислороде. Нервные окончания в носу бобра приводят в действие описанный механизм сразу после погружения в холодную воду.

Подобными нервами располагает и нос человека. Некоторые хирурги — в случае учащения сердечного ритма во время операций на открытом сердце — уже прибегают к погружению лица больного в холодную воду на время, достаточное для нормализации ритма.

В. ПОДОЛЯНЮК

Динозавры на Аляске

Да, всего 65 миллионов лет назад они там обитали. Это установили американские ученые. В августе 1985 года были опубликованы первые сведения о том, что в одном из районов штата найдены останки динозавров.

Первыми в 1961 году в том районе побывали геологи известной нефтяной компании «Шелл». К сожалению, они не обратили должного внимания на встретившиеся им кости доисторических животных, хотя некоторые из них вместе с образцами пород пролежали на складе компании более 25 лет.

В 1978 году появились сообщения, что в районе, называемом сегодня Северным склоном Аляски, двое рабочих нашли отпечатки следов динозавров.

Изучив образцы костей, найденных экспедицией компании «Шелл», палеонтолог Ричард В. Эммонс определил, что в них содержатся кости не менее чем семи различных животных. После этого в районе находки работало несколько научных экспедиций. Например, в 1985 году его посетила группа ученых Аляс-

кинского университета, а также эксперт по динозаврам из Калифорнийского университета. Исследователи подтвердили открытие.

Е. СОЛДАТКИН

Наполеон Бонапарт, библиофил и писатель

Наполеон Бонапарт, личность которого привлекала и привлекает пристальное внимание историков и писателей, философов и дипломатов, кроме всего прочего был и страстным библиофилом. Особенно любил книги античных авторов — Полибия и Плутарха. В распоряжении Наполеона были книгохранилища парижских и пригородных дворцов, где насчитывалось более шестидесяти тысяч томов. Из них комплектовались дорожные библиотечки императора.

Сейчас пять книг из собраний Наполеона хранятся в отделе редких книг Государственной центральной библиотеки им. В. И. Ленина.

В научной библиотеке Тартуского университета хранится том Плутарха. Эта книга была найдена казаками в карете, брошенной Наполеоном при отступлении французов у Березины.

Сейчас только историки помнят, что Наполеон писал романы.

«Клиссон был рожден для войны. Еще ребенком он прочитал жизнеописания великих полководцев. Размышляя о законах военного искусства...» — так начинается единственный дошедший до нас роман Наполеона «Клиссон и Евгения», написанный в 1795 году. Роман во многом автобиографичен. Рукопись его хранится в Польше, в Курникской библиотеке близ Познани, расположенной в старинном замке XV века. Вместе с другими автографами Наполеона рукопись привез в Польшу в 1821 году Адам Дзялынски. Он купил их у доктора Антомарки — последнего врача Наполеона.

В курникской рукописи романа отсутствуют несколько страниц, и долгое время считалось, что они безвозвратно утеряны. Высказывалось предположение, что их уничтожил сам император.

Однако в 1955 году эти страницы «объявились» на аукционе в Лондоне...

Л. ДАНИЛОВ

Облигация... на рацпредложение

В фонды Верхнетагильского историко-краеведческого музея ветераном стройуправления ГРЭС Е. И. Андросовой передана облигация № 11938 на одно рабочее предложение Всеуральского займа рабочих предложений, выпущенная Уральским областным советом профессиональных союзов в 1931 году.

Небезынтересна история сохранившейся реликвии. Она начинается с резолюции совещания профсоюзов, хозяйственных органов и печати Урала и Сибири «О ходе Урало-Сибирской переключки и использовании ее опыта» (1 июня 1929), где пунктом 3 подчеркивалось, что в процессе переключки выявляются новые дополнительные формы массово-политической работы. В дальнейшем одной из таких новых форм стало составление встречных планов по механизации трудоемких процессов и встречных рационализаторских счетов. Только по союзу черной металлургии Уралоблпрсфсовета средняя эффективность одного рабочего предложения к 1931 году возросла до 2177 рублей. В этом немаловажную роль сыграл выпуск упомянутых облигаций на рабочее предложение.

Облигация № 11938 заполнена на имя ударника механического цеха Калатинского завода И. М. Якорнова. Она о внесении рацпредложения 18 июня 1931 года.

На полях этой красочной облигации размером 200×140 мм со всех четырех сторон — призывы. Среди них такой: «Каждое внесенное предложение к встречному плану профсоюзов по Урало-Кузбасу — КИРПИЧ в здании Урало-Кузбасского комбината!».

На оборотной стороне облигации напечатаны «Правила выпуска займа рабочих предложений к встречному плану профсоюзов по Урало-Кузбасскому комбинату». Среди них — такое: «Каждый владелец облигации, внесший предложение, принятое комиссией, участвует в розыгрыше премий по займу, который будет произведен 15 июля 1931 г.». Размер выигрышей — от 50 до 1000 рублей, причем чем больше был экономический эффект предложения, тем крупнее премия.

В материалах сборника «История индустриализации Урала» приводятся следующие данные: «В первом тираже займа рабочих предложений по встречному плану Урало-Кузбасса разыграно 1836 рабочих предложений с годовой эффективностью свыше 40 миллионов рублей, общая же эффективность предложений, внесенных по этому займу, превышает 100 миллионов рублей».

Н. РЯБОВ

публицистика

ОТДЕЛ ПУБЛИЦИСТИКИ ИЗ ШИРОКОГО ДИАПАЗОНА ТЕМ ОБРАЩАЕТ ВНИМАНИЕ ЧИТАТЕЛЯ, НАПРИМЕР, НА ТАКИЕ ПУБЛИКАЦИИ.

В 1-м номере, воспользовавшись 110-летним юбилеем П. П. Бажова, журнал расскажет о некоторых проблемах горного и геологического Урала, о судьбе искусства камнерезов.

«КТО СЕГОДНЯ В МОДЕ — МОЖЕТ, ТЫ?...» — так будет называться очерк о молодежных увлечениях, которые реализуются некоторыми неформальными объединениями весьма интересно и с пользой.

...ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, СКОЛЬКО ИГР СУЩЕСТВОВАЛО У НАШИХ ПРЕДКОВ? Не десять, как назвал бы сейчас каждый из нас, а около 2000. Очерк «РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ИГРЫ» написан специально для нашего читателя на материале богатейшего фольклорного собрания знаменитой школы в Лесном городке под Москвой.

молодежные проблемы

«ДИАЛОГ-КЛУБ», ВЕДУЩАЯ РУБРИКА ОТДЕЛА МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ, будет ориентирован на голоса молодых читателей, даст подростку возможность свои мысли сравнить с размышлениями сверстников и получить материал для самоанализа.

«СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ» — надеемся, что всех, кого увлекает следопытский поиск, порадуют изменения в этой рубрике. Она станет объемнее. МЫ ПРЕДЛОЖИМ ВАМ СЛЕДОПЫТСКУЮ ВИКТОРИНУ.

Нашим читателям понравилась форма коллективных интервью. НА ВАШИ ВОПРОСЫ ГОТОВ ОТВЕТИТЬ СЕКСОЛОГ. ПРОДОЛЖИМ РАЗГОВОР О МУЗЫКЕ. Одна из встреч — с музыкально-поэтической артелью из Новосибирска «КАЛИНОВ МОСТ».

Читайте в 1989 году

наука и техника

«ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА», «О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ», «БУДУЩЕЕ ПРИРОДЫ» — ЭТИ РУБРИКИ ОТРАЖАЮТ ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАБОТЕ ОТДЕЛА НАУКИ И ТЕХНИКИ. Причем освещение экологической проблемы, второй по значению после утверждения мира на Земле, отдел намерен вести в режиме диалога читателей и специалистов — прежде всего, конечно, экологов. Например, готовится для публикации в одном из первых номеров беседа с биологом о волке. Это будет, по сути, экологический портрет умного и опасного зверя, это будут размышления об исторической судьбе животного, а не практические рекомендации, как уничтожать серых хищников...

